

*Владимир
Бородин*

**СМЕРТИ
НЕ
БЫВАТЬ**

Владимир Бородин
Смерти не бывать

«Автор»

2026

Бородин В. Е.

Смерти не бывать / В. Е. Бородин — «Автор», 2026

Эту книгу можно рассматривать как не прямое продолжение романов «Корзины полной персиков» и «Тени Турнира теней», охвативших период истории России с 1902 года, но можно читать и независимо от начала эпопеи, связанной с новой книгой лишь рядом общих героев. Автор использует обширный исторический материал с малоизвестными фактами, выделяемый курсивом. В романе упоминается и появляется множество исторических лиц эпохи Гражданской войны – от военачальников до поэтов Серебряного века.

© Бородин В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

154

Владимир Бородин

Смерти не бывать

В. Е. Бородин

Смерти не бывать
Роман

История всегда идеологична, хотим мы этого или нет. Позорная история - начало духовного порабощения народа, вслед за которым неизбежно подкрадывается и физическое.

О. Гусев

Пусть не всегда подобны горнему снегу одежды белого ратника – да светится вовеки память его!

И. Бунин

Вступительное слово о романе

Новую книгу Владимира Евгеньевича Бородина можно рассматривать как не прямое продолжение романов «Корзины полной персиков» и «Тени Турнира теней», охвативших период истории России с 1902 года, но можно читать и независимо от начала эпопеи, связанной с новой книгой лишь рядом общих героев. Автор использует обширный исторический материал с малоизвестными фактами, выделяемый курсивом. В романе упоминается и появляется множество известных и малоизвестных лиц эпохи Гражданской войны – от военачальников и солдат – до поэтов Серебряного века.

Оглавление

1. Звериный оскал новой власти
2. Тяжёлые времена Северной Пальмиры
3. Череду мрачных событий на заре братоубийства
4. Ужин добровольцев
5. Воины генерала Капшеля
6. Берег ушедших времён
7. Братя зла
8. Предчувствие конца
9. Столичная жизнь
10. Омские будни
11. Вручи надежду отваге
12. Точка невозврата
13. Начало конца - ад Щегловской тайги и льды Байкала
14. Третий Ледяной – закат Уральского казачества
15. Зелёная Самостийная
16. Долгий страданный путь
17. Немотствуя во зле
18. Молох
19. Армагеддон
20. Последний виток Пляски Теней на полях Большой Игры

21. Мёртвые и живые
22. Кремнистый путь
23. Стратотерпцы
24. Последний бой Императора тайги

Пролог

Большевики одним ударом украли у России её два наиболее ценных сокровища: мир и победу, ту победу, что уже была в её руках, и тот мир, которого она более всего желала. Немцы послали Ленина в Россию с обдуманном намерением работать на поражение России... Не успел он прибыть в Россию, как он стал приманивать к себе то оттуда, то отсюда подозрительных субъектов из их потайных убежищ в Нью-Йорке, Глазго, Берне и в других странах и он собрал воедино руководящие умы могущественной секты, самой могущественной секты во всем мире... Окружённый этими силами, он начал действовать с демоническим умением, разрывая на «куски всё, чем держались русское государство и русский народ. Россия была повержена... Её страдания несравненно ужаснее, чем о них пишется, и у неё украли место, принадлежавшее ей среди великих народов мира.

У. Черчилль¹

Диалог в конце 1918 года: Майор Германского Генштаба фон Кокенхаузен: «Вся Великая война была лишь способом очистить в Европе поле для новых хозяев мира»

Генерал Краснов: «Кому же?»

«Соединённым Штатам Америки. Точнее – еврейскому финансовому капиталу»

Уничтожение всякой неограниченной произвольной власти во всём мире, которая могла бы тайно, сепаратно и по собственному желанию нарушить всеобщий мир, или если эта власть не может быть уничтожена в настоящее время, то она должна быть, по крайней мере, приведена к состоянию фактического бессилия.

Президент Вудро Вильсон у могилы Вашингтона 17 июля 1918 года – в день убийства Романовых

Своеобразная терминология альпинистов, а точнее - жаргон любителей гор, окрестил особую структуру поверхности ледника «льдом кающихся²». По такому льду неописуемо сложно передвигаться. Человек вынужден идти по острым кускам, между которых не хватает пространства, чтобы поставить ногу, не теряя равновесия. Двигаться становится столь трудно, что человек постепенно звереет. Пожалуй, проще было бы здесь пройти ребёнку с крошечными башмачками. Поверхность ледника превращается в щётку, густую щетину острых выростов от коротких и до полуметра высотой. Так и норовишь сбить ледорубом или носком ботинка верхушку очередной изошренной авангардистской скульптуры, одной из сотен тысяч, окружающих тебя райских садов, искрящихся, полупрозрачных, радужно переливающихся, сулящих радости глазу, но беспощадных к твоей измученной плоти. «Лёд кающихся или кающийся лёд» может искусить, принести краткую радость, вызвать феерию восторженных чувств даже не

¹ После 1917 года Уинстон Черчилль воспринимал русскую революцию своеобразно, для англичанина, хотя и вне сомнения приложил руку к давлению на Россию, как и любой другой британский лидер. В 1918 г. же, он высказался таким образом. В его цитату можно было бы вставить: «украли немцы, а также и англичане...». Пафос будущего британского премьера высок и соответствует истине, но руку к падению России приложила и Англия, как «союзник-наоборот».

² Такая поверхность может образовываться при особых условиях температуры и освещения, в разгар летней жары на больших высотах в засушливых горах, в пору наибольшего таяния. «Кающимися фирнами» называют ещё и выступы льда в виде узких наклонных пирамид, которые достигают до трёх метров высоты и выглядят словно, закутанные в саваны, грешники. От такого сравнения в Центральных Андах и пошло столь «католическое» название.

только у ценителей причудливости сюрреалистической пластики и прозрачности хаотических лабиринтов, но может и высосать последние силы и убить, по меньшей мере, желание повторять горные прохождения. Через «лёд кающихся» полезно разок пройти любому. Пересекая его, задуматься о содеянном в жизни, о суетности и тщетности страстей. Как бы сделать так, чтобы порой «лёд кающихся» предстал не только пред покорителями высот, но и пред прочими, а особенно - политиками, дабы иной человек задумался не только о своих поступках, но и о бремени истории, накопленных исторически грехах.

Серая тень бесшумно скользила по снегу, покрытому плотной коркой обветренного наста. Обострённое морозом и голодом обоняние подсказывало зверю, что недалеко есть добыча. Знакомый упоительно-манящий запах обещал лёгкую добычу. Крупное странное животное медленно ползло по снегу, оставляя за собой узкую тёмную полоску. Зрение не позволило вольному охотнику тайги заметить, что полоска на снегу красного цвета, но запах от неё говорил всем его чувствам гораздо больше цвета. Жёлтые глаза волка встретились с безразличным помутневшим взором тяжелораненого человека в прохудившейся серой шинели, с недавно нашитым на груди белым восьмиконечным крестом. Полоснуть когтями по лицу, рвануть кусок мяса со щеки было секундным делом, и вот уже неподвижно лежит крупная добыча, задрав обострившийся нос к холодному равнодушному небу. «Прости, Господи, меня, за грехи мои» - еле различимо шевелятся запёкшиеся губы на обезображенном волчьими зубами лице. Болевой шок от разрывания острыми зубами наиболее мясистых частей конечностей отключает сознание беспомощного человека.

1. Звериный оскал новой власти

Теперь народ, как скотина без пастуха, всё перегадит и самого себя погубит.
Цитировал И. Бунин в 1918 году встречного извозчика

Каждый активный чекист есть озверевший человек, утративший в моральном смысле, образ и подобие человека.

Полковник И. Зайцев

- Ну, золотопогонник, признавайся давай! Пред народом в грехах кайся!

- Приспешники-то плохо стараются. Не боюсь я их. Ещё таких пыток не придумали, чтобы дух офицера Русской Императорской армии сломить, - с трудом сдерживая стон, отвечал подвешенный над полом человек, еле шевеля запекшимися, разбитыми в кровь, губами.

- Пошли прочь, огарки! – цыкнул главный на молодчика в куцей шинельке, - Дознание путём провести и то не могут. И на что вам только оглобли ваши даны? Храмотно и дышло раскровянить не могут. Никакого воображения те! Нет, чтоб деревянные кольшки под ногти вбить. Или багетным краем доски, да по костям. Так бы подноготную всю он и выложил. Безруки и убоги вы! Шоб вас здесь не видел! Жарь отседа, сказал!

Подвешенному на потолке офицеру этот хриплый голос показался смутно знакомым.

- Замучив очередного офицера, вы ничего не измените, ибо эту войну вам не выиграть. Иль ты думаешь, что одни офицеры против вас, нечестивцев, ополчились? - продолжил офицер, играя желваками.

- А ты поговори ещё у меня тут, - просипел невидимый мучитель на ухо офицеру, и голос его вновь показался подвешенному слышанным прежде.

На физиономии палача по прозвищу Волкодав застыло разочарование: лишён единственной в жизни радости «ахвицера-плутатора проклятого помордовать»... Дикое мясо, наросшее по краям шрама, пересекшего всю его животную харю забубённого каторжника, налилось кро-

вью. Единственный уцелевший глаз сверкнул недобрый красноватым огнём. «Припомню ишо те енто» - пробурчал новоявленный Малюта себе под нос в адрес начальника, но удалился с покорно-разочарованным видом. Вслед за ним из избы вышел и расхлестанный революционный солдат, закручивающий в газетенку махру. Похоже, что он был телохранителем Волкодава.

- Сам чёрт ему не брат, - подобострастно заметил, в адрес выходящего громилы, розовый упитанный тип в распахнутой солдатской шинели поверх матросской тельняшки, хотя и совсем молодой, но уже с налитым брюшком.

- А ты задержись, боец Пусторослев, - бросил ему тощий, длинный с тусклым взглядом командир.

- Слушаю! - толстые пальцы-сосиски красного бойца отбивали дробь по прикладу трёхлинейки³, небрежно перекинутой через плечо.

- Не «слушаю», а «слушаю Вас, товарищ командир!» Так-то, мать твою! Выйду-ка я перекурить, а ты глаз с офицера не своди.

- Так точно! – несколько вяло откликнулся ленивый мордастый боец, и его злобные поросячьи глазки быстро забегали под глубокой складкой на жирном низком лбу.

Слух, подвешенного к потолку человека, подсказал, что его оставят хоть ненадолго в покое, глаза его уже не видели ничего сквозь залепившую веки кровь, гадко и склизко сочившуюся из рваной раны на лбу. Сознание временами отключалось, что помогало переносить тупую страшную боль. Изрядно поизносившийся, за едва отгремевшую войну, мозг русского офицера совершил чудовищное усилие и приказал телу вновь повиноваться. «Какая мелочь всё это в сравнении со страданиями тяжело раненых, которых довелось видеть в госпитале. Да и не раз мне раньше приходилось быть изрядно битым – не в пример уважающему себя офицеру, в годы скитаний, будучи штатским» - пронеслось в голове офицера и рассудок стал вновь ему подчиняться. Воспоминания внезапно сами нахлынули, словно прорвав брешь в запруде его памяти: «Да... последние бои на Волге под началом славного полковника Каппеля – иконы нашего движения, на которую молиться подобает⁴ - немало славных дел. *Наши командир не растаётся с винтовкой, подобно рядовому, и нисколько не стесняется питаться из общих солдатских кухонь. Он даже пользуется простым солдатским седлом, более удобным для вьюка. Но Народная армия - одно название... Из, упоминаемых эсерским правительством Комуча⁵ сорока тысяч, на деле имелось около семнадцати тысяч, наскоро набранных, из которых боеспособными было тысячи две, но зато каких – наши каппелевцы! Под натиском двух тысяч каппелевцев дрогнули поначалу намного превосходящие их силы красных».*

В том была заслуга, прежде всего, самого Владимира Оскаровича Каппеля с его офицерским полком, где посчастливилось недолго служить Петру Охотину, а также и генерала Бакича. Ещё и чехо-словаки⁶ помогли немало. Одно лишь их многочисленное присутствие

³ Линия - старинная мера длины в оружейном деле. Одна линия соответствовала 2,54 мм = калибру 7,5 мм.

⁴ В Самаре с конца 1917 г. работала подпольная офицерская организация подполковника Галкина. Когда к лету 1918 г. в городе было создано правительство Комуча, Галкину предложили возглавить военное ведомство. Артиллерией заведовал генерал-майор Клоченко. Одной из первых частей была, сформированная капитаном Вырыпаевым, конноартиллерийская батарея в 100 человек. Народная армия, с самого начала, столкнулась с недостатком опытных начальников. Желающих возглавить её не находилось. Тогда скромный на вид, и мало кому известный, офицер заявил: «Раз нет желающих, то временно, пока не найдётся старший, разрешите мне повести части против большевиков!» Это был подполковник Каппель. Добровольцы Каппеля действовали вместе с южными частями полковника Махина (Особая Хвалынская группа) и капитаном Степановым - командиром 1-го Чешского полка.

⁵ Комитета членов Учредительного собрания.

⁶ Пленных чехов и словаков к 1917 г. было около 200 тыс. Они охотно сдавались русским, ненавидя Австро-Венгрию. Из перебежчиков, военнопленных и эмигрантов в 1916 г. русское командование хотело составить Чехословацкий корпус, но Царь был против, ибо считал это бесчестным подходом. Недостойно натравливать подданных на своё правительство... Но под давлением, после больших потерь, Николай согласился. Никто не заставлял воевать отвоёвавшихся: не хочешь - сиди в лагере для военнопленных. Чехословацкий корпус сохранил верность Российской империи и её союзникам. После Брестского мира,

неподалёку было важной поддержкой. За июнь взяты Сызрань, Бузуруслан, Ставрополь, Бугульма. В начале июля чехо-словаки берут Уфу и Златоуст. В те дни казалось, что Народная армия скоро будет в Москве и весь этот ужас скоро прекратится.

Неприятная мысль пронзила Охотина: «Но что дальше? Где Государь? Весь Комуч – сплошные эсеры, то есть – немногим лучше большевиков? Если Народная армия – их армия, то стоит ли сражаться за такое ложное, неподходящее для России, Святой Руси, правительство? А крестьянство на чьей стороне встанет? Да и весь простой народ, кроме выпущенных сидельцев и, вовремя не посаженных прочих выродков? Если мы позовём идти за Государем, то народ – наш, но никогда он не поддержит юлящих эсериков. *Но тут - мятеж в рядах красных⁷ и очередная победа – взятие Симбирска. Эйфория охватывала даже самых промонархически настроенных офицеров каппелевского полка: что нам этот Комуч? Придём в Первопрестольную и разыщем самого Николая Александровича, или Его Брата (говорили в зависимости от личного предпочтения), ну и посадим Его на «подобающее место». Само собой, что весь этот дурной сон завершится воцарением Романовых и порядком! А потом уж и Украину у немцев назад заберём...» В начале августа каппелевцы, с отрядом сербов под командой майора Благотича, дерзко берут Казань. Не спасли защитников и, покрывшие себя недоброй славой, две командирши – Красные Машки, одна из которых была бывшей казанской потаскухой, вторая – из дворян, но обе, говорят, имели склонность к садизму. Такие кадры большевицкие начальники ценят... Захвачено множество снаряжения и золотой запас Империи⁸, который удаётся эвакуировать в тыл! Красные отброшены за Волгу и Каму. Открыт путь на Нижний, Вятку и Вологду! Становится реальным соединение с союзниками и командованием Северной области! Благодаря успеху Каппеля удалась и восстания на Ижевском и Воткинском заводах⁹. Но тут, красные перебросили с западной границы тридцать тысяч во главе с бывшим царским*

Чехословацкий корпус 45 тысяч штыков оказался единственным, который не побежал в панике, но с боями отступил с Украины в Россию, захватил несколько эшелонов и остановился под Пензой. Около 70 % красных войск в Сибири тогда составляли ненавистные чехам бывшие пленные немцы и мадьяры. В Чехословацком корпусе служило немало русских офицеров. Командовал им русский генерал-майор Шокоров, а начальником штаба был генерал-лейтенант Дитерихс. Русские офицеры Войцеховский, Степанов, Ушаков (был зверски убит красными Трилиссера, придя к ним парламентёром), остававшиеся в штабах и на командных должностях чехословацких войск, сыграли важную роль в решении чешских руководителей выступить против большевиков. В Самаре эсеры попросили чехов о помощи и с июня они провозглашают власть Комуча. Корпус продвигался эшелонами к Владивостоку, где должен был погрузиться и переправиться на французский Западный фронт. Головные эшелоны были уже почти во Владивостоке, а, шедший в арьергарде, пехотный Яна Гуса полк едва отошёл с боями с Украины, оккупированной уже германскими войсками. Он оказался на линии Пенза - Уфа. Повинуясь приказу германского штаба, большевики попытались остановить продвижение и разоружить чехов. Большевики намеренно направили чехов самым длинным путём, чтобы создать больше трудностей. После подписания Брестского мира немцы начали давить на Совнарком, требуя прекратить продвижение корпуса на Дальний Восток. Троцкий послал телеграмму, требуя от Советов на местах немедленно разоружить чехо-словаков. Реальными возможностями разоружить эшелон большевики не обладали. Естественно, что чехи поняли приказ, как попытку их разоружить и выдать немцам! Рудольф Гайда, командующий чехами у Новониколаевска, приказал захватывать станции, а Советы – арестовывать. Чехи открыто выступили против германо-большевиков.

⁷ Командующий Волжским фронтом Красной Армии левый эсер Муравьёв попытался повернуть свои войска против большевиков, но это не удалось. Мятеж подавили, но заминка большевиков дорого им обошлась.

⁸ Большевики не смогли выполнить всего обещанного по Брестскому договору: не отдали Черноморский и Балтийский флот, не разоружили чехо-словаков. С февраля большевики ждали, что немцы войдут в Москву и Петроград и, на всякий случай, вывезли золотой запас в провинциальную Казань. Захвачены огромные склады с вооружением, боеприпасами, медикаментами, амуницией, а также с золотым запасом России (650 млн золотых рублей в монетах, 100 млн руб. кредитными знаками, слитки золота, платины и другие ценности).

⁹ Во всех крупных промышленных центрах рабочие протестовали против большевицких методов. Новый режим реагировал стандартно, проводя избивание рабочих группами по 30-60 человек, как например, в Перми и Кунгуре. В Астрахани число жертв рабочих превышает 5000 человек только в течение марта-апреля 1919 г. Избиение в Орле, где рабочие на митинге затоптали до полусмерти Свердлова в 1919 г. Репрессии в Киеве, Архангельске, Туле, Брянске. Подавление пролетарских митингов в Одессе с применением пулемётов в 1919–1920 г.г. Печально знаменит «ров смерти» в Саратове, не пустевший всю Гражданскую войну. Не менее трети там были трупы рабочих. 60, расстрелянных в сентябре 1920 г. в Казани, рабочих за требование восьмичасового рабочего дня. Кровавое подавление петроградской забастовки 1920 г., массовые расстрелы рабочих в Омске в 1920 г. Убийство нескольких сотен рабочих чекистом Панкратовым в концлагере на острове Нарген близ Баку в 1920 г. Многочисленные жертвы среди рабочих-портовиков во время Крымской резни. Колпинский расстрел и избивание рабочих в Тбилиси в 1921 г. – до 300 жертв. Восставали не одни крестьяне...

полковником Вацетисом. Волжская флотилия Раскольниковы высадила десанты под Сызранью, Казанью и Самарой. Как такового, флота у Народной армии не было. Разве что, одни дощаники¹⁰, да пару катеров имел в своём распоряжении отважный флотский офицер Георгий Карлович Старк. Никто иной, как он командовал Порт-Артурской эскадрой до назначения адмирала Макарова, а с семнадцатого года командовал он славной Минной дивизией Балтийского флота. Очередной новой власти с Октября служить не стал. Хватило и «первой новой». Чудом уцелел от матросских расправ, Старк командует комучевскими судами на Белой и Волге, участвует в обороне Казани и Уфы, доставляет боеприпасы в осаждённый Ижевск. Но, поговаривают, что хорошим тактиком Старк никогда не был. Но и на пароходы красные управу старик нашёл. Уяснил, что плицы колёс парохода, пробитые осколками, не могут быстро двигаться. А такое судно расстрелять можно успеть. Цельный месяц продержался Каппель в Казани. Но когда красные привезли ста-миллиметровые морские орудия и, установив их на баржу, повели бомбардировку пристаней, стало ясно, что при силе наших чихлых пушек долго не протянуть. С сентября началось неизбежное, в силу огромного численного перевеса красных, отступление». Пётр вновь потерял сознание.

Штабс-капитан Пётр Охотин, с присущей ему задорной отвагой, порою излишне вызывающей, всё лето сражался бок о бок со своим старшим братом Сергеем, поручиком. Оба они служили в каппелевской пехоте, а их младший брат Аркадий, уже есаул, выпускник Николаевского училища, бился в рядах конницы Народной армии. Он был в одной эскадроне со своим другом по училищу, Кириллом Ртищевым, бывшем некогда шурином охотинского брата Бориса. Самый старший брат-Борис, будучи уже в годах, по причине распятого здоровья, позволил себе отсидеться в комучевском штабе. Пётр вновь овладел ходом своих мыслей: «Только покаяться Борька в своих либеральных дореволюционных симпатиях, как вновь в среде, прогнившей, оказался. В Питере с думскими иудами-конституционалистами и республиканцами якшался, а теперь и вовсе среди эсеровских смутьянов засел. Авксентьев с Савинковым – чего же ещё ожидать? И есть ли большая разница между социалистами и коммунистами? Все – сволочь! Свергнем сперва коммунистов, а затем и социалистов. Да видно мы все сами в том виноваты, что такие прохиндеи нами командуют. Каппеля никто из них в правительство не допустит, поди. «Реставратор монархии» он для таких – «мракобес и поборник реакции». А как воевать, так – «Каппель вперёд!» Словно пожарники мы для них, затычки для прорывов. Ну да ладно: Боря, конечно, не здоров, и сам Бог велел ему в тылу бороться. Буду надеяться, что он окреп в своём покаянии». Мысли роились хаотично и сумбурно, а временами прилив боли, в расквашенном лице, в отёках от побоев сапогами и, обожжённых спичками, пальцах ног, заставляла забывать обо всём, и поток сознания штабс-капитана резко изменял своё русло. Долго пред ним стоял живой образ любимой жены Аграфёны и его двух родных малых ребятшек, потом они сменялись лицами дорогих сестёр Евпраксии и Варвары, внезапно возникал суровый, но добрый лик отца Виссариона – друга семьи, наставника самого младшего из Охотиных, милого братишки Антона, образы покойных родителей и, призванного Господом, болящего в отрочестве, брата Алексея. Избранник сестрицы Евпраксии – отважный пехотный капитан Емельян Владимирцов был рядом с Петром в одном полку. Только здоровья у него, от ранений в Великой войне, оставалось поменьше, чем у брата Бори, отсидевшегося тогда в тылу. Реже возникал в воспалённом мозгу образ брата Дмитрия, о котором не было известий со времён его призыва в Русский Легион, сражающийся во Франции. «А как-то сейчас брат Глеб? Ведь даже не может быть полной уверенности в том, удалось ли ему добраться тогда до Дона?» Старший, Глеб, первым отправился, после их встречи в отчем доме в Москве, на юг, чтобы поддержать дело генералов Корнилова, Алексеева и донца Каледина, о начинаниях

¹⁰ Дощаник – крупная лодка на Волге.

которых шёл лишь смутный слух. Но Глеб не сомневался ни на минуту, что, оказавшись на юге, они начнут подлинную борьбу с узурпаторами власти. Корнилова и Кутепова Глеб знал лично и верил им. Надеялся и на генерала Келлера, что и этот отважный истинный монархист присоединится к формированиям на юге. «Казачка-жёнушка поговаривала: «Дон непременно спасёт Россию. Разве напрасно - «дон, дон» - бьёт колокол вечевой?» Сам Пётр мечтал встать под знамёна знакомого ему Врангеля, но, оказавшись, по воле случая, в рядах каппелевцев, был доволен командиром ничуть не меньше, как и братья Сергей с Аркадием, Кирилл и Емельян.

Прилив боли нарушил ход мысли, и Петру неожиданно вспомнилась недавняя кровавая картина своего плена. Гориллоподобный боец, со шрамом через глаз, обращался к пленённому каппелевскому полковому священнику: «Стало быть, толстопузый, с тобой мы тут разобрались, считай. Помогал немощным тут, гришь. Вот мы тут твою биографиЮ-то и посмотрим. Помогал, получается, а сам-то жир наживал. Раненых беляков выхаживал, стало быть. Так-то оно выходить-ть». Отнюдь не тучный служитель Церкви ошалело уставился на мучителя и жалобно крикнул при очередном тяжёлом ударе сапогом нечеловеческого размера в пах. Истязаемый начал гундосо причитать о том, что никакой своей вины во всём не видит и не понимает, за что с ним так жестокосердно поступают, когда он лишь болящим помогал. Вскоре он зашамкал ртом с выбитыми зубами, невнятно читая свою молитву, и резко затих. «Глянь, Волкодав, попишка-то затух. Не окочурился ли? Нельзя же так вот – сапогом и всё тут?» - спросил свиноподобный розовый юнец. «А как ящо с ними тут? Я йихнева брата и так и сяк терпел. Одолевали оне нас, не щадили. Шо зёнки-то вылупил? Жалеть их тут – пролетарскую революцию гробить. Смотри у мя - кровищу из паяльника пущу», - громыхал в ответ ражий детина, протяжно и зычно порыгивая. «Глянь, помер никак, попик-то». «Ну так, что ж поделать, Спирька Пусторослев, твою мать. Видать кишка-то тонка у него оказалась. И пришёл ему тут карачун...». Свою дальнейшую нехитрую мысль он выразил исключительно матерно, и в его устах это прозвучало как неотъемлемая часть речи. Крепко связанный Пётр готов был броситься на обидчика батюшки, но не мог пошевелить и пальцем. «Понял я, товарищ Волкодав, - засуетился розовый с улыбочкой, – Абакнавенна ндравитса мне шутка всяка».

Вдруг, пред помутившимся взором Петра, возник образ непримиримого каппелевца из их полка, Ростиславцева, у которого с Октября смутьяны всю семью вырезали. Теперь он был готов пристрелить любого встречного красного, пусть даже пленного. Соратники подумывали, не помутился ли рассудок молодого поручика. Этот человек, склонившись однажды над связанным красноармейцем со штыком в руке, закричал: «И запоёшь ты у меня теперь йодль, как старый добрый тиролоец! Тирольцем станешь у меня, мразь! Понял?» «Брешешь всё. Раскровяню мурло те, гад, – буш знать» - отвечал пленный хриплым, сдавленным голосом. Напарник пытался утихомирить поручика, мол, православный же этот большевик, к тому же - связанный. «Да какой он, к лешему, православный!? Нехристи они все окаянные!» - продолжал свирепствовать Николай Ростиславцев. Когда Пётр распахнул дверь, слыша всё это, поручик уже взмахивал кухонным ножом возле глотки пленного. Охотин пытался остановить одержимого, но было поздно: адамово яблоко было мгновенно, с хирургической точностью, вырезано из горла красноармейца. Сначала Пётр решил привлечь поручика за жестокость по отношению к пленным к ответственности, но встретившись с обезумевшими глазами мстящего, раздумал. Тогда Охотина посетила мысль, а если бы его семью вырезали, не поступал бы он так же? Не суди и не судим будешь...

Кто-то вошёл в полутёмное помещение. Разглядеть лица Пётр не мог. Кровь залепила веки. Но хрипловатый голос бывшего соседа и сотоварища по пьянкам молодости в пору своего своеобразного «хождения в народ», Пётр, наконец, узнал.

- Как у тебя дела, Ермилушка, друг любезный? – спросил Охотин.

- Стало быть, ты, Петро, гонор-то свой барский таперича поумерь. И тогда ты средь нас барчуком был. Таким и остался. Ну, а времячко-то наше пришло. Места те не остаётся тут. Могу ты хочь на месте порешить, могу и, покуда комиссар не пришёл – на все четыре стороны отпустить. По старой-то памяти... Как-никак друганами были, как бы ты тогда и сичас барчуком на мя не пялился. Родитель твой-то, поди, фуражку с красным околышем носил, а мой – картуз¹¹. Да смотри у мя! Двину разок и глазёнки твои вытекут. Всё щас во власти моей! Да не враг же ты мне! Так уж жисть складывается, Петруша. Сам норовишь врагом стать нашим. Скажи прямо сичас: прости, мол, шо барчуком на тя смотрел и отпущу тебя тотчас! Ты ваньку-то тут не валяй, да по делу отвечай нам: так, мол, да так. Смирись, глупый! Ведь проку от вас, дворян, для народа никакого. Вот подпаивал ты друга моего, Власа, а он тяперя вместо того, чтоб революцию делать – за бутылкой всё охотится. Загубил душу ему ты, гад.

Пленник с трудом повёл опухшим глазом:

- Не ожидал, что это ты, Ермилка-Жердь, меня тут пытаешь... Не подобает офицеру Русской армии просить тебя, бандита и пачкуна! Пусть хоть жизнь моя тому ценой будет – не стану молить ни о каком одолжении мразь такую, каковой ты оказался, Ермил. Ведь оба вы лакать винцо за мой счёт, ой как рады были. В друзья навязывались. Только из дому выйду, как – то один, то другой липли. Но ты и рад был часть своего зелья дружку своему подливать. И был вовсе доволен, если тот, наконец, пьянел. А я Власа пытался уразуметь не пить.

- Ах, вот как ты опять заговорил, барчук проклятый! И пожалеешь ещё о том! – вызверился Ермил, - У нас, большевиков и коммунистов порядок во всём и в наказаньях тоже. У нас и воровства нет, грабежа, Петрушка. По закону всё таперича: «надо – бери. Не успел – другой возьмёт». Так-то.

- Это называется «грабь – не хочу». Только у большевиков так.

Долговязый, сутулый и ежистый Ермил ещё долго хорохорился, пытаясь запугать пленника, с которым некогда и не раз выпивал водочки за его же счёт, поскрёбывая редкую колючую бородёнку, дышал в нос пленника махоркой:

- Покайся предо мной, барчук чудаковатый. Смирись и отпущу на все четыре – ей-ей, вот те крест, Петруша. А что я суров, так то объяснит те фронтовая поговорка «Тот не солдат, кто на войне душу сберёт», - гнусновато ухмыльнулся Ермил, отряхнув обильную перхоть, припорошившую воротник, и далее продолжил исключительно матерно.

- Долго ждать придётся. Убей меня лучше скорее. Иного не добьёшься, - бросил сквозь зубы Пётр Охотин.

- Русский язык понимать перестал, мать твою? Так, растолмачим мы те слова мои.

Потом розовому юнцу было велено ещё поддать Петру. Встретившись взглядом с неказистым злобным Ермилом, Пётр понял, что тем руководит ещё и ненависть с завистью, ущербного от природы, к сероокому, рослому, крепкому красавцу офицеру. Но бил свинообразный не так умело и больно, как Волкодав. Когда Охотин почти терял сознание от усталости и боли, перед ним возникала пару раз испитая рожа из того же московского бесшабашного дурацкого прошлого: физиономия дружка Ермилки - ломового Власа. Пётр смутно помнил, что Влас сумел уломать Ермила оставить пленника в покое до приезда комиссара и был на том ему благодарен. Всегда грубый, и несколько презирающий скользкого Ермила в былые времена, Влас, в обращении к новому начальнику, стал опасливым и даже подобострастным. Последнее время все мучители Петра стали очень нервными. Видимо, в самом деле ожидали приезда комиссара. Их главным командиром был пока что один из солдат-дезертиров, которого выдвинула бежавшая армейская часть, а положение такого «наполеона» было шатким. Неспроста знамя их было чёрное, анархистское. Да и называла себя эта «часть» не иначе, как «Чёрной хмарой».

¹¹ Так называемая «дворянская фуражка». Картуз был обыкновенным крестьянским головным убором.

Неожиданно для себя Пётр начал вспоминать детство: «Если память незрелое яблоко, а потом положить в карман, то оно вскоре слаще станет и обретёт особый, неповторимый вкус». Захотелось улыбнуться, но боль в избитом лице не позволила. Одуры овладела сознанием Петра, и пелена застлала взор. Больше Охотин ничего не помнил.

Окончательно пришёл в себя Пётр лишь, оказавшись на ногах под бодрящим утренним, осенним ветерком. Пленников выгнали на широкую дорогу посреди посёлка.

- А чо с ними тут царь-монии разводите, командир? К стенке их, да и всё тут! Армейщине мы доверять не моём. Поскрести яё – контрой окажется. Всех в расход! – мычал косноязычный Волкодав, размахивая шашкой, - Ну шо, золотопогонники, становись, как григит-са, да поплотнее к другу-дружке. Та-ак, а ты присядь маленько, длинный больно. Те же лучшей будет. Нам велено патроны беречь, да и добрый я че-ек о вас же, вражинах, и пекусь. Шо бы не больно было, не долго. Коленки гр-рю пригни! Енто шоб пуля по сердцам прошла сразу и ништо тут не мучился из вас. Добивать не велено, а шоб истекли кровью тут сами. Ясно? Да пригибай коленки-то! А то кишку заместо сердечка-то и пробьёт. Говно-то и потекёт. Мне-то шо, а те ой как больно будет. Че-ек же я, как гри-сса, хуманный. Патроны на вас тут беречь велено. Не изводить на гниду ахвицерскую.

- Как енто получае-ца: ахвицер, а других таких же своим говном марасть будешь? – дурковатым смешком хохотнул тощий тип с мутными блеклыми глазами и жёлтой кожей, туго обтягивающей резко выделенные скулы.

Ему вторили - тонким инфантильным смешком знакомый уже розовый свиноподобный малый и сиплым, давящимся – кургузый парень с вшивенькими, блуждающими глазками.

- Положим пока ещё ни спину, ни колени под пулей германской не гнул ни разу, - сухо отозвался долговязый капитан.

- Ну и дурак. Те хуже и бу-ет. Но подставлять ящик под короткого, шоб длиннее стал времени нету. И самого ящика тоже нету. Ну, давай! - утробно рявкнул Волкодав и вновь раздул слегка затухшую цыгарку, - Токмо сперва шинели, да сапоги сьмай! Шо? Нет? Сам не сьмешь - с трупака твоего стащим, а дырку залатаем. Не ндравятся мне харя твоя. Вот шо те скажу, сволош.

- Да и портки ахвицерские знатные, - заметил кургузый малый с папироской в зубах и трёхлинейкой, подвешенной поперёк груди, - Получаете новое назначение! В штаб генерала Духонина ¹²хе-хе...

- Гы, гы! – протяжно, с надрывом заржал скуластый и никак не мог уняться.

Кто-то из пленных офицеров стал пригибать колени, но тот, самый – «долговязый», остался с гордо поднятой головой. И меньше всего в тот момент его пугала перспектива лежать часами среди остывающих трупов и истекать «мутной кишечной» кровью. Петра, по непонятной причине, в ряд - затылок в затылок - пока не поставили. Тощий Ермил прошёлся мимо приготовленных к расстрелу и, тряхнув мышиноного цвета лохмами, одобрительно кивнул Волкодаву, который приложил ствол винтовки к спине последнего. Пятеро из девяти офицеров были убиты наповал одним выстрелом. Они мало отличались по росту, а тот, высокий, долго лежал в луже крови, остановив безразличный взгляд на тусклом сером небе. Гугнивый паренёк из деревенских дурачков бегал вокруг кругами и кричал что-то невнятное, тоскливо подвывая. Расхристанная толпа красного воинства одобрительно гукала при словах начальства и уй-люлюкала в адрес несчастного дурачка. Наконец, один рябой малый прогнал его пинком. Охотин отметил про себя, что и былого народного уважительного отношения к убогим не остаётся. Поодаль стоял десяток, согнанных для устрашения крестьян, в глазах которых была затравленность, смешанная с безразличием к творящемуся произволу. Зависла томящая пауза и, в какой-

¹² Частая шутка в ходе приговора к смерти офицера, или генерала после убийства генерала Духонина.

то миг, тишина стала нестерпимой, нагоняла страх. Заплакал ребёнок на груди у крестьянки. Крестьяне издали звук, напоминающий стон, кое-кто перекрестился, но они продолжали стоять с безучастными лицами. В отдалении завывала собака. Когда Пётр увидел, что несколько поддонков стали испражняться на тела убитых, он рванулся было, чтобы выразить возмущение, но уцелевший боевой товарищ, резко остановил его, заявив в полголоса, что этим поступком он подвергает риску всех до сих пор нерасстрелянных присоединиться к груди мёртвых тел. Охотин, усилием воли, усмирил офицерскую гордость. Лишь стучало в мозгу: «До чего же запоганены души русских людей! Большевистские «к стенке» и «в расход» это не былые казни, подразумевающие церемонию и уважение к наказуемым. Теперь люди уничтожаются где попало - во дворе, в сарае, в подвале. Идёт уничтожение всех «не сочувствующих». Не столько беспощадность палачей поражает, сколько смиренное равнодушие жертв и случайных свидетелей расстрелов...»

- Проваливайте все, хватит! - гаркнул Ермил со срывающейся на визг подростковой хрипотцой.

- Ахвицерня мне заплатила уж за енто, - Волкодав ткнул корявым пальцем в свой шрам – Породу йихну чую. А ты, командир, так со мной не говори. Пролетарская совесть мне терпеть-то не позволять!

- Ты мне поговори ещё тут! – разозлился Ермил, - А шрам-то твой от кабацкой драки, говорят, а не от офицерской шашки, - но тут же добавил, примиряюще, - Знаю, что ты-то из, по тюрмам томящихся, товарищей. Лучше проследи, шоб йихнего попа подобающе повесили, верёвку поправь, ежели нужно. Ребята наши косолапы и убоги.

Волкодав прошагал несколько сажень к виселице.

- Петлю, урод, высокогато одеваешь. К подбородку не надо, а пониже, дурья твоя башка! – крикнул он, приближаясь к красноармейцам, суetyающимся возле приговорённого к повешению.

Бойцы оказались и впрямь бестолковы, и Волкодаву пришлось своими руками показать, как следует спустить петлю к спинной кости, затянув верёвку до предела, но чтобы жертва могла дышать. С утомлённым видом добавил:

- Учись, дубьё, покуда жив я.

В какой-то полусонной одуре прошёл ещё один день в запёртом амбаре. Временами Петра одолевали странные сны, будто бредёт он по совершенно пустой улице Киева, усаженной цветущими ровными, одинаковыми каштанами, которые, словно уродливо-толстые рождественские ёлки, обступают его всё плотнее. От их огромных свечей-соцветий исходит жутковатый запах тления. Деревья окружают его всё плотнее и начинают душить, а ноги у него отнимаются и бежать он не может, как это водится в сновидениях. В детстве Петя очень любил плоды каштанов за их неповторимые цветовые оттенки, но почему-то боялся цветов каштана. Среди ночи кто-то вдруг растолкал Петра:

- Вставай, Петро, - шептал на ухо глухой голос Власа.

- На расстрел что ли? - спокойно спросил Охотин, нехотя пробуждаясь.

- Скорей давай! – обдал Влас Охотина перегаром, - Вот сапожки тебе. Прохуdivшиеся, да всё лучше, чем босиком-то. И не поминай лихом. Не мог я на всё енто смотреть боле. Шо мы изверги какие? Ежели Ермил – Жердь чёртова, оскотинился, то Влас добро помнит, Петь. Нелюдём Ермилка стал, как и все они тут, командные, в отряде. Беги!

Пётр с мучением втиснул обожжённые ноги в чужие сапоги. Благо, чуть велики они были.

- А если они поймут, что ты меня отпустил, Влас? Порешат ведь?

- А шо мне жизнь моя? Копейка, Петь. Всю душу и здоровье уж пропил. Не праведное дело оне тут вершат. Беги скорей.

- Дай тебе Бог уцелеть в этой мясорубке, Влас. А что когда-то тебе водку наливал по дворам московским, так теперь жалею о том.

- И без того бы, Петь, спился бы. На роду так написано, видать. Казёнку опосля Февраля так хлестал, что мозги-то себе и проспиртовал. Возьми коробок спичек с собой и корку хлеба. Самую малость они там повыпивали. Стало быть, не то что сразу за тобой побегут... Бывай, Петро. Ну, поторапливайся. Главное – скорее за Волгу, - Влас рыгнул редькой с чем-то кислым.

Охотин побрёл, что было сил, на восток, растворился в темноте. Он понимал, что нагнать своих будет ой как непросто. Ведь сил-то осталось мало: голова гудела от побоев, боль в пальцах ног не прекращалась, в животе было давно пусто. Только мысль о славном полке Каппеля и удерживал его силою воли на ногах, заставлял отмерять шаги в кромешной тьме. Мучила мысль о том, что близкий сердцу белый эмалевый крест Святого Георгия достался, пленившим его, нехристям, что грудь его теперь постыдно пуста. Понятно, что если он попадёт к своим, награду смогут восстановить, но это будет уже другой, а не первый, и потому – самый дорогой, Георгий. Ни Самарский Комуч, ни недавняя Уфимская директория Авксентьева¹³, ни новое правительство Сибири из кадетов и социалистов¹⁴ вдохновить Охотина не могли. Всё чаще вертелась в голове мыслишка об иронии судьбы, которая столь неожиданно свела его с бывшими соседями по Москве, которые когда-то стали ненадолго его друзьями юных лет. Впрочем, Ермил и тогда не вызывал особого доверия. «Заигрывание с народом. Не иначе как барская блажь. Сам и пожиная теперь. А Власа жалко. Всегда был добряком, по большому счёту, хотя и грубиян». У городка волжская вода блеснула ржавым оттенком, и Пётр, пару раз падая, сполз на ягодицах по желтоватому суглинковому скату к воде. Именно здесь, несколько дней назад, его пленили вместе с несколькими офицерами и солдатами. Отстреливаться было нечем. Боеприпасов не хватало. Неподалёку Охотин заметил брошенный, притопленный дощаник. Вёсел не было, как и сил вычерпывать всю воду. Охотин уменьшил объем воды в лодке ровно настолько, чтобы она могла справиться с добавлением его веса и оттолкнулся от берега, войдя по колено в холодную реку. Волга делала здесь небольшую излучину и была надежда, что течение вынесет его к противоположному, восточному берегу. Около часа длилось медленное движение к юго-востоку. Пётр, растягивая удовольствие, жевал корку хлеба. Когда до берега оставалось не более десяти саженьей, штабс-капитан решил доплыть сам, несмотря на боль и холод, поскольку дощаник стало вновь относить в нежелательную сторону. Он не помнил, как долго ломился через дебри ольхи с рябиной, молодого сосняка, пересекал овраги, куда немного не согрелся. Но сил оставалось немного. Пётр понимал, что если он остановится, то сразу продрогнет, поскольку одежда оставалась совсем мокрой, а утренний ветер уже поднимался вместе с солнцем. Приходилось шагать дальше. Имея опыт переходов на дикой природе и хождение в разведку, в германские тылы за языком, Пётр не плутал и, повинувшись чутью, угадывал нужное направление. Пробирался всё межами, да гранями, избегая открытых полей. Во ржи пицала масса мышей: зрелые колосья просыпали свои зёрна. Собрать урожай было некому... Подумалось вдруг, что весной он хотя бы дикий лук сумел бы отыскать и унять тоску пустого брюха. Сухое зерно надо было долго и осторожно жевать. Вдруг измученный беглец отчётливо вспомнил, как один соратник по Народной армии-столичный интеллигент удивил его не так давно своими странными мыслями о луковичных растениях. С голоду они выкапы-

¹³ Кроме него, руководили Директорией Зензинов, Вологодский, генерал Болдырев и другие левые.

¹⁴ Не следует путать «кадет» от «ка-де» - партии конституционалистов-демократов и «кадет» - учащийся, будущий офицер. В Томске, ещё в июне, на совещании областной Думы под председательством Вологодского было образовано Временное Сибирское автономное правительство. В Омске был создан Западно-Сибирский комиссариат, по своей политической ориентации близкий к Комучу, девизом которого стало: «Через автономную Сибирь к возрождению российского государства». Правительству сильно мешала избранная в декабре 1917 г. областная Дума, в которую входили меньшевики, эсеры, большевики. Они всё время занимались внутренними разборками и постоянно обличали правительство за «происки реакции». Комиссариат вынужден был уступить свое место более консервативному Сибирскому правительству. Комуч просил помощи у Временного Всесибирского правительства и не получил, хотя они набрали армию до 60 тысяч. Сибирское правительство захватывает территории, которые никогда не были частью Сибири, переманивает офицеров из армии КомУча, обещая им крупное жалованье. В Народной Армии жалованье номинальное. Начинается таможенная борьба: Омск придерживает хлеб, Самара – нефть.

вали для своего весьма постного супца дикий лук, и тот человек заметил: «Мне всегда почему-то казалось, что луковицы, пугающе напоминают человеческую плоть. Не доводилось ли и вам, господа, отмечать их отдалённое сходство? При этом в свежих луковицах, с сильным побегом, можно усмотреть силу коловращения жизни, молодости нашей, а в обессиленных, с пожухлой зеленью, отмирающих луковицах – старость плоти людской. В особенности тех луковиц, которые обречены на гниение и не выживут зимой. Белёсость таких луковиц у основания побега невольно напоминают мне дряблость дебелой старческой плоти. Россия тоже устала». Когда стало смеркаться и силы вовсе покинули изголодавшееся, истерзанное тело, Охотин поскользнулся на глинистом склоне распадка и упал, ударившись головой о корягу, после чего остался лежать без сознания.

Очнулся он от звука родного голоса. Над ним склонился брат Аркадий в лихо заломленной мятой фуражке:

- А мы всё думали, что за шальные большевики тут везде наследили и так неаккуратно? Лазутчики, небось... Как я рад тебя живым видеть! Ты не представляешь, брат! Уж было совсем безнадежное настроение. Похоронили мы с Серёжей тебя, честно говоря... Провидение отправило нас в разъезд и именно по балкам, чтобы враг издалека не разглядел. Как сумел бежать, брат?

- Да так, бывшие московские соседи - шпана столичная, помогли, брат... Один, правда, с немалым рвением, зубы выбивал, а второй верёвки разрезал. Но не так-то просто нас, Охотиных, жизни лишит. Где только не выживали. В каких только переделках не побывали мы в войну. А Серёжа наш ещё и в Японскую, - сиплым голосом отозвался Пётр.

Братья троекратно расцеловались.

- Смотри, брат, не касайся только раны на лбу. Она едва припеклась и легко может вновь начать кровоточить. Скорее бы до нашего полкового врача добраться.

- Ваш-Бродь! – раздался голос казачка-напарника Аркадия по разъезду, - Вижу вражеских всадников. Человек шесть-семь.

- Не так уж много. Нас теперь уже трое. Справимся. А побежим - заметят, стрелять начнут. Могут и попасть. Иной раз и красные в цель попадают. Давайте заляжем тут и подождём их. К тому же, нам теперь третий конь не помешает.

Дружный винтовочный залп повалил сразу двоих красных, поразив в грудь навывлет. Рука ещё плохо повиновалась переутомленному Петру, а глаза видели не как до избиения. Его пуля лишь слегка ранила третьего противника. Пока красные спрыгивали с коней, чтобы залечь, пуля проворного Аркадия успела поразить ещё одного. Перестрелка затянулась, и мастерство офицеров и казака вынудило остатки красных в страхе бежать. Часть их лошадей досталась победителям.

2. Тяжёлые времена Северной Пальмиры

У меня противное чувство, что мы куда-то катимся с головокружительной быстротой.

А. Бенуа (после Октября 1917 года)

«Вы знаете, что такое пытка надеждой? - спрашивала Анна Ахматова у Лидии Чуковской и отвечала сама, - После отчаяния наступает покой, а от надежды сходят с ума».

Сохранив былую красоту молодости, Настасья Ртищева перестала ловить на улицах вызывающие взгляды мужчин своего круга: они стали ходить потупившись, затравленно озираясь. Да и не могли себе позволить офицеры ходить по Петрограду в форме, как это было в порядке вещей ещё не так давно. Теперь, оказавшись в униформе, да ещё и с царскими пого-

нами, было немудрено лишиться жизни сразу же, на месте, или, по меньшей мере - свободы. Потускнели обитатели Северной Пальмиры, оголодали и отошали за первую голодную зиму. Было очевидно, что голод вызвала не Великая война, а бездумная политика новых хозяев, или же их намеренно-злая воля. До последних лет Настасья Николаевна была счастливо отгорожена от жестоких проявлений жизни. Сталкиваясь на улице с расхлестанной нахальной парой матросов, или солдат с красными бантами, но всё чаще - без кумача, она прикрывала, по возможности, лицо, избегая встречи глазами. «Когда-то тешила своё глупое самолюбие, приковывая взоры лощённых красавцев-военных, фланирующих по Невскому, ловила горящие красноречивые взгляды их бесстыжих глаз. Теперь же, боюсь поймать пристальный взор новых сильных мира сего», - с горечью подумала Настасья Николаевна и, завидев шумную братию красногвардейцев, потупила взгляд, сосредоточившись на носках своих ботинок. Тут же вспомнились слова матери, которая когда-то говорила ей, что «настоящая леди узнаётся по туфелькам и перчаткам. Прочее – не так важно». Судя по этим стоптаным ботинкам неопределённого цвета, их обладательница никак не вписывалась в понятие «леди». Не оставалось неизношенных башмаков, но лишь пока ещё на её маленькой изящной руке красовались приличные перчатки. Мама, успевшая на своём веку пожить и в Париже, и в Лондоне, теперь пыталась выхлопотать разрешение покинуть Россию. Она обивала пороги совдеповских присутственных мест, но пока всё было тщетно. Сама Настасья до сих пор не могла решить: хочет ли она покинуть Россию даже такую, ставшую чужой? Ответу пора было созреть, ведь уж скоро год, как большевики пришли к власти, и город на Неве становился с каждым днём всё мрачнее и неуклонно пустел¹⁵. Многие жители спасались от голода и холода в деревнях, но иные уже поговаривали, что местами, в них настоящий голод, гораздо худший, чем в городах. Настасья Ртищева поспешила до сумерек вернуться домой, но и там не было уверенности в покое. В городе всё чаще отключали электричество и, с погасшими уличными фонарями, он становился словно мёртвым. Но больше всего в такие часы пугала непривычная и немыслимая раньше тишина. Совсем недавно, в шестнадцатом году, в разгар войны, фруктовый магазин Соловьёва ломился от груш с ананасами, а рыбная торговля Баракова – от сёмги, громадных балыков и икры. Правда, цены тогда уже возросли и покусывали. Но заведения сии с той поры опустели. Недостаток пищи не так угнетал, как страх того, что их огромную квартиру могут в любой момент отобрать, или подселить каких-нибудь хамов. Рассказы знакомых о подобных случаях не выходили из головы ни на минуту. Их семье везло до сих пор: жить стали бедно, продавали за гроши старинную фамильную утварь, чтобы не голодать, но их пока не теснили. *Частое обобществление жилых домов началось месяц назад, в конце лета. «Возможно, это связано с убийством Урицкого студентом-эсером Канегиссером и покушением в тот же день в Москве Каплан на Ленина. Советская власть сразу заявила, что на белый террор ответит красным, - размышляла Ртищева, - С тех пор офицеров арестовывают по сотне за ночь, как рассказывают знакомые, держат днями без пищи на баржах, увозят в Кронштадт. Там расстреливают, или топят¹⁶».*

Мать с тётушкой сидели в своей комнате и пили чай с сухарями, обсуждая что ещё можно позволить себе продать с тем, чтобы иметь достаточно средств на хлеб насущный. Мало у кого повернулся бы язык произнести «старухи» в адрес этих пожилых дам. Столь хороши они были в свои шестьдесят с лишним лет. Они остались в просторной квартире одни, не считая Настасьи: прошлой зимой их молодая служанка Лукерья стала неожиданно всё больше грубить и пришлось с ней расстаться. После отречения Государя служанка, как и подобает, причитала:

¹⁵ Зимой 1917-18 г.г. из Петрограда бежало до миллиона человек из почти трёх миллионов прежнего населения. Десятки тысяч людей умерли от голода и холода в своих неотапливаемых квартирах. В городе не работала канализация и катастрофически не хватало дров для отопления.

¹⁶ Генерал Баранов уверял, что в Кронштадте солдаты обычно отказались убивать арестованных. Но многие вошли во вкус. Просто убивать было им уже недостаточно. Такие выкалывали жертвам глаза, сдирали с рук кожу, закапывали живыми.

«Ой, что будет без Царя-то!» Успокаивали бедняжку. А позже, видимо, повстречала матросика, который «просветил» её... И начались отвратительные реплики: «давно бы их так», «нука - поцарствуй ещё», «крышка Николашке», «эх, брат Романов, доплясался». Мать Настасьи сосредоточенно что-то пыталась доказать сестре. Временами тётя Аполлинария нервно прерывала размеренную беседу возгласом о том, что не имеет понятия, где сейчас находится её обожаемый сын, жив ли он, бросала на стол свой лорнет и пускала слезу. Настасью тоже не оставляла мысль о милом двоюродном брате, ротмистре гвардии, Кирилле. Нередко вспоминала она и бывшего мужа, Бориса Охотина, который сейчас сражается, возможно, рядом с Кириллом, или своими братьями. Но горечь их расставания тут же затмевала все добрые мысли о бывшем супруге. Борис становился всё холоднее и безразличнее к ней, светской красавице, куда более родовитой, чем он. Но более всего уязвил её тот факт, что Борис сделал их прислугу любовницей, хотя ей и не было ясно, не произошло ли это лишь после развода. «Но как грязно! Этим он оскорбил меня вдвойне! Словно и не было нашей юной любви никогда. Но было ли желание завести ребёнка взаимным? Или только мне так казалось? Я была готова ухаживать за мужем и растить дитя. И вовсе не как многие эмансипе нашего круга – жить только ради себя и удовольствий. Ведь я вышла замуж исключительно по любви к красавцу-Охотину старшему. Но детей Господь нам не дал. И ведь не из-за потребности своей в отцовстве он меня бросил, нет! Исключительно потому, что его общественная деятельность заменила ему жену! Он умеет красиво говорить. Но позже всё его красноречие свелось к политической карьере. С женой он уже и не утруждал себя лишним словом обмолвиться. Карьеры таких как он - думских болтунов, в конце концов, разрушили державу». Настасья была дружна с братом мужа - Сергеем Охотинным, который выказывал ей всегда особенное внимание. Странно было столь тепло думать о чужом муже и брате своего бывшего. Ртищева попробовала отринуть прочь нелепые мысли, но они продолжали лезть в голову: «Если Борис – самый красивый из братьев, а может быть – один и самых умных, то Сергей начитан не меньше, если не больше, и гораздо душевнее его. Боря – человек не добрый. Пётр тоже красавец, атлет и образец мужчины в лучшем смысле слова. И Глеб хорош собой, но сух и скучноват. Но чем хуже Аркадий – безукоризненный кавалерист, как и мой кузен? Образец офицера-романтика, рыцаря. При этом добрее всех и немного наивен. Антон Охотин – чудесный человек, но уж слишком не от мира сего. А как выглядит сейчас романтический путешественник Дмитрий? Всё также одержим романтическими идеями своих будущих скитаний, духом первопроходцев? Никаких вестей, как послали его к французам в Легион...»

Настасье почему-то вспомнилась Пасха семнадцатого: «В конце апреля лежал глубокий снег и стоял необычный холод. Сбылась мечта творческой, «передовой» России: «Долой самодержавие!» Эйфория на улицах Петрограда не знала предела. *Злобствующая теперь против большевиков, Зинаида Гиппиус написала в экстазе Февраля: «Цвети меж домами веселыми наш гордый, наш мартовский мак!» Шаляпин, по словам Леонида Андреева: «запел в честь Маркса – малодушный и трусливый человек!» Весной шестнадцатого он спел «Марсельезу» на русско-французском банкете, в присутствии членов правительства и Государственной Думы. Теперь он распевал её и в театрах, и на заводах, и в Бутырске... А сам-то Андреев... Тот же разрушитель, как и большинство литераторов...» Но Ртищева, воспитанная на идеалах офицерства и его преданности присяге и Трону, не могла принять случившееся и отнюдь не разделяла восторг улицы. Настасья рассеянно перебирала свои бумаги и наткнулась на пасхальные открытки, выпущенные в марте семнадцатого. *Солдат и рабочий жмунице друг другу руки над огромным пасхальным яйцом. В лучах встающего за ними солнца написано мелким шрифтом: «Христос воскрес». На красном фоне яйца выведено буквами покрупнее: «Да здравствует республика!»* Многими красный цвет Февральской революции воспринимался, как цвет пасхальный. Ртищеву же, от таких параллелей коробило. Рядом лежала тонкая брошюра со сти-*

хами двадцатипятилетней Марины Цветаевой «Царю — на Пасху». Написано резко и цинично: «Христос Воскресе, вчерашний царь! ... Ваши судьи — гроза и вал! Царь, не люди - Вас Бог разыскал... Но нынче Пасха по всей стране, спокойно спите в своем Селе, не видите красных знамен во сне». «Большевиками уже запрещено празднование и Пасхи, и Рождества Христова. Даже яйца запрещено красить, ставить елку. Тьфу! - зло бросив брошюрку на пол, сказала сама себе Настасья. - Ладно – большевики, но ведь одарённая поэтесса... Да кто из них, наших талантов, себя не замарал? Даже и Блок! Уж на что велик... После его «Двенадцати» не хочется и слышать ничего о Блоке. Как удачно Мандельштам повесил на поэму эту ярлык «монументальной и драматической частушки». Несмотря на это, думаю о Блоке по-прежнему... Как и о Гумилёве... Вновь вспоминаются слова Блока, обращённые ко мне во время нашей единственной встречи: «Тем, что роза прекрасна, она уже делает вас лучше». Скорее всего он имел в виду «вас» во множественном числе... Отношение Блока, восприятие им меня, немного обидно, как и гумилёвское... Похоже, что Блок не осознаёт меры кощунства своей поэмы. Если во всём этот поэт очень тонок, то касаясь веры – грубее неотёсанного мужлана. *Некогда он воскликнул: «Сестра моя, Христос среди нас. Это - Николай Клюев!» Самовлюблённый антропософ Белый, впрочем, создал поэму «Христос воскрес», неудачную и в стилистическом плане, а по степени кощунства намного опередил Блока. Ужасно, что кроме Гумилёва, Ахматовой, Вячеслава Иванова с Гиппиус и, ушедших вовремя, Сологуба с Анненским, все поэты – символисты, о которых что-то узнаю стали совдеповскими по сути. Наиболее сознательно одобрил Октябрь Брюсов. Бальмонт упивался своей ненавистью к Государю, а теперь, говорят, оголодал и пребывает в полной прострации. Зимой на улицах в толпе поговаривали, что вот-вот в Петроград придут немцы и «наведут порядок», а большевики доживают последние часы. Потом был пущен слух, что «в Петроград едет немецкая комиссия - для подсчёта убытков, которые причинены немецким подданным, и что будет немецкая полиция».*

Мать позвала дочку к чаю, и Настасья под села к столу с прежним рассеянным видом, неловко покручивая тонкую фарфоровую чашечку.

- Князь уверяет, что среди большевиков множество монархистов, и что весь этот большевизм устроен именно для восстановления истинного самодержавия, - опять начала своё тётушка Ртищева-Оболенская.

- И Вы верите такому вздору, тётя Аполлиария? – вскинула племянница прекрасные серые очи на почтенную даму в чепце.

Сей головной убор – наследие бабушки, возник на её голове недавно. Любившая новомодные парижские шляпки, сестра возмущалась анахронизмом на её голове, но тётушке мог позавидовать любой упрямец.

- Наверное – вздор... Но князь рассказал, что и графиня Нора Кинская¹⁷ недавно сумела чудом добраться с юга до Петрограда. То, что творилось по дороге и она видела своими глазами – это же ужас! Надеюсь, она уже на пути в Варшаву.

- Что вокруг творится, Ася! Это же невыносимо! Всюду рожи, как в ночном кошмаре – злобно-питекантропские. Повыныривали из тюрем. Какой уж там пролетариат! Это они теперь хозяева новой жизни – люмпены! – мрачно произнесла мама. - Впрочем, и у бесящейся толпы есть тоже ощущение своего рода правоты и законности.

- А попробуйте ныне разыскать карету скорой помощи. Скорее успеете помереть, - продолжила тётя. - Хлебных хвостов не стало, как и обещали не так давно большевики. Но и хлеба самого нет. Какая уж там «пролетарская революция»! Те самые рабочие и их жёны побира-

¹⁷ Норбертина Кински фон Вхинитц и Теттау (1888-1923) из знатного богемского рода, имевшего знаменитые конезаводы. С началом Мировой войны, Нора основала, на деньги отца, лазарет, где работала со своими сёстрами. В 1916 г. она приехала в Россию в составе Красного креста, чтобы заботиться об австрийских пленных. Потом пребывала в Чешском легионе.

ются по городу в поисках пищи, а люмпенская шваль и дезертиры в личной охране у новых хозяев откровенно разбойничают, жируют. Сам князь на днях так и говорил: «жируют». А он-то слышан больше нас, ибо связан с вербовкой офицеров.

- Как же тогда может тот же князь уверять, что большевизм задуман для воскрешения самодержавия? – удивилась Настасья, но ответ не получила.

- Да, Аполлиария, не только скорая помощь, и трамваи не ходят. И слава Богу. Помоему, в них всё кишит вшами и ворьём.

Настасья вспомнила, как весной, в трамвайной давке, маме вырезали спину каракулевого пальто. Ртищева-Оболенская заметила это, лишь выйдя из вагона, на морозном ветру.

- Недавно от князя шутку слышала: «на митинге оратор расписывает: мы сделаем то-то и то-то, и электрификация, и солнца нам уже не надо - зальём города искусственными солнцами! А тут скромный голос из публики: «А трамваи будут ходить?» - улыбнулась тётушка.

- У рабочих и продать-то нечего, в отличие от таких, как мы. Им обещали «власть рабочих и крестьян», а получилось, что пока достаётся им больше других. Правда, их не трогают, они как бы свои, а нас могут в любой момент выселить, наших мужчин расстрелять, - добавила Настасья. - На днях посреди Лиговского я слышала, как сокрушался старый рабочий: *«Был я при Царе первым мастером - до ста целковых золотом по праздничным дням получал! Самогон истинный, а не денатурат какой пили. А сегодня, вон – сапоги текут, да брюхо с голоду сводит. Чем больше народу нашего повымрет, тем лучше выжившим станет. Едоков меньше – харчей больше».* Неожиданно подошли люди в какой-то униформе и скрутили ему руки, повели...

- Они могут убивать и не только мужчин, - мрачновато проговорила Аполлиария Ртищева-Оболенская. - *«Хочешь быть с нами - дадим есть, а не хочешь - пеняй на себя»* - лозунг большевистской политики по отношению ко всем. *До войны питерские рабочие зарабатывали совсем не худо, если уж имели место на заводе. Чтобы их выгонять на забастовки, левым приходилось много мудрить и выдумывать.*

- Столица наша не имела подлинной почвы, русской основы. Так же и её люди. Интеллигенция же, в особенности, - грустно сказала Настасья. - Коренного населения у нас тут было всегда мало. Город наводняли выходцы из разных провинций. А такая каша населения нигде не склонна иметь своего стержня, устоев и порождала безответственную интеллигенцию, способную воспеть даже террор, а также обширное полускрытое дно из отбросов общества – попрошайек, уголовников, которые охотно нанимались неразборчивыми политиками. Такое скопление необратимо порождает социальные катаклизмы, что мы и пожинаем. *Студенты, правда, к Октябрю опомнились и развернулись против революции. Но для этого им надо было увидеть, что наделали думцы и Советы с армией и фронтом.* Очевидно одно: «Тень люциферова крыла» распростёрлась над несчастной Россией.

- Анна, скажи своей дочери, что бродить по городу стало слишком опасно. Мне она всё равно не поверит, - строго сказала тётя маме.

- Как и мне. Бесполезно, дорогая сестра. Эмансипация, равноправие... Драть дочь мою некому было, как говорят в народе... Как мне хочется в оперу, вы себе не представляете! А существует ли она? Такое ощущение, что её уже нет и быть не может в этом мире! - теребила свой гиппуровый воротник мать Настасьи.

- Не думаю, что это так, Анна. *Повелением Государя Александра Третьего итальянская опера была неожиданно упразднена. Большой театр передали русской опере, которая уже шагала семимильными шагами. Русская музыка была тогда ещё чужда восприятию столичного света. Лишь Чайковский сумел покорить всех. Россия стала постепенно становится более русской... Убранство столичных жилищ, бывшее привычным с николаевских времён – помесь неоготики с ампиром, постепенно заменял свой, отечественный модерн. Изначально*

опять позаимствованный у Запада, но обрусевший... Но я отвлеклась. Du reste¹⁸, не думаю, что большевики станут торопиться с закрытием оперы. Думается, что скорее начнут ставить в ней свои футуристические бредни.

- Но Отец Государя en effet¹⁹ перегибал палку с русификацией, согласись, сестра, - возразила Анна. - Когда же Санкт-Петербург стал Петроградом и немцев в Москве громить стали, я поняла, что и Государь наш пошёл на поводу у крайних сил. И Петру Великому бы не понравилось такое переименование его столицы.

- Vouyons²⁰, если Александр Третий и перестарался с русификацией, то только в Лифляндии, где баронов начали излишне зажимать. В остальном эти перемены давно назрели. Полагаю, что Сын Его просто не успел навести порядок в ходе Московского погрома после отступлений пятнадцатого года. К сожалению, главноначальствующим Москвы в то время поставили бестолкового Феликса Юсупова.

- Думаю, что всё верно было задумано в Лифляндии. Не могу даже сравнивать этих варваров-бошей с аристократическим духом Entente cordiale, - продолжила Анна. - Тевтонцы несут лишь угрозу миру.

- Не будь столь наивной, сестра, - возразила Аполлинария. - Англии больше всех других выгодна эта война. Для прочих держав она - безумие.

- Не забываете, что Германия — это монархия, как и мы, - вставила Настасья. - Нам было бы лучше иметь союз с немцами. Защищали бы монархический порядок с ними заодно. *Как уверял преподобный Варсонофий Оптинский: «из немцев и татар выходят хорошие русские люди, патриоты (то бишь – православные или даже не всегда таковые) Вот из французов и поляков русский человек выйти не может».*

- С каких это пор ты изучаешь труды преподобных отцов, mon petit chouх²¹? Помилуй, дочь моя, но Великобритания – не образец ли идеальной умеренной монархии? – усмехнулась мать.

- Pour l'amour de Dieu²²! Какая же там монархия, если премьер Англии фактически имеет уже первое слово? – покачала головой Настасья. - Что до меня, то я готова нашить себе на рукав fleur-de-lis²³.

- Надо признать, что недавно мы все были склонны необоснованно ворчать на наше правительство, на монарха. Теперь мы видим его лишь в сладких дрёмах, - вздохнула Аполлинария. - Рассказывают, что Шаляпин, который некогда заявлял «в этой стране жить нельзя», с семнадцатого года сетовал: «Почему я должен петь для матросов? Да к тому же – для конных матросов? Где это видано, чтобы матросы были конными?» А не сыграть ли нам в бридж, Анна?

- Что-то позабыла я такие игры...

- Бридж - просто испорченный, забытый винт. Сразу вспомнишь.

- В другой раз может быть... Кстати, вспомнилось о Юсупове-младшем, которого ты упомянула, сестра, - улыбнулась Анна. - Когда, ещё до войны, видела Феликса у князя в гостях, Юсупов только что вернулся из Лондона и с воодушевлением рассказывал об английских нравах. При этом, с особым бесстыжим упоением, он упоминал дом пятьдесят пять по Итон-Террас, завсегда там которого он якобы стал. Этот юнец вообразил, что мы тут ничего не

¹⁸ К тому же (франц.)

¹⁹ В самом деле (франц.)

²⁰ Право же (франц.)

²¹ Крошка моя (франц.)

²² Ради всего святого (франц.)

²³ Символическое изображение лилий на гербе французских королей. Роялисты - деятели Вандеи нередко нашивали себе на рукав лилию и шли на большой риск.

ведаем о всех этих заграничах и что мне невдомёк, существование аристократического лондонского борделя, финансируемого самим принцем Уэльским.

Настасья допила чай и удалилась в свою комнату, продолжив копание в бумагах. Приходили мысли о тётушке, с которой она провела большую часть своей юности. Мать всё чаще бывала в поездках по Франции. Её потрёпанный путеводитель Бедекера по Парижу до сих пор занимал в доме заметное место, словно настольная книга. Рано овдовевшая, тётя Аполлинурия была весьма сурова в воспитании своего сына, желая его сделать достойным отца, но распространяла тот же полу-спартанский метод и на племянницу. Тётя допускала нахождение племянницей удовольствий лишь в высоких материях: в слушании классической музыки, либо в чтении классических произведений литературы. Тётушка была нетерпима к глупым играм, танцам и хождениям на уличные праздники. Сладкого детям не полагалось, а просить что бы то ни было, запрещалось. Спать следовало в очень холодном помещении. Предельная честность во всём было главной задачей воспитания. Материальное и внешнее считалось низким и недостойным. Когда-то всё это начало раздражать взрослеющую девушку и возникло неизбежное стремление поскорее избавиться от запретов. Но теперь она понимала, что они были во благо её духовного развития. Не раз слышала Настасья от тётки уже в зрелые годы: «Ты же не какая-нибудь эмансипе, а достойная дама чистых кровей, к тому же – недурна собой. И что тебе стоит найти себе подходящего мужа, вместо думского болтуна Бориса Охотина?» На это Настасья пыталась отшутиться: «Неплохо побывать замужем за таким красавцем. Даже, если он и пустообрех. Разве не так, тётушка?» В ответ со стороны тётки доносилось: «Что я могу сказать на такое? Это уже ни в какие рамки». Такие перепалки тянулись до последних лет. Настасья отвечала с непроницаемым видом, мол, пусть мужчины сами её находят, ибо недостойно даме проявлять интерес к ним первой, как внушала ей некогда сама же тётушка. На это тётушка ворчала, что племянница дождалась, когда город опустел, поскольку все достойные мужчины на фронте.

Среди прочего», Настасье попала совершенно никчёмная бумажонка с убедительной надписью: «Борно-тимоловое мыло Юргенса спасает от пота, загара, веснушек, угрей, прыщей и жёлтых пятен. Благовонное туалетное мыло высшего достоинства». Под этой этикеткой значилось: «Один кусок 50 копеек, полкусок – 30». «Цены явно не нынешние...» - подумала Ртищева. В корзину для бумаг последовал и обрывок газеты, где можно было прочитать: «22 января – годовщина Кровавого воскресенья. Все на митинг. «Теперь уже не 22, а девятое... Календарное нововведение меньше соответствует природным явлениям, - вздохнула Настасья. – А это ещё, что за гадость: «Завоевания революции в опасности! Буржуазная пресса есть одно из могущественнейших орудий буржуазии, отравляющее умы, вносящее смуту в сознание масс, клеветнически извращая факты». Кто бы писал! Ведь к весне нынешнего года всякая небольшевистская пресса приказала долго жить. С августа вся частная периодическая печать под запретом... Теперь призадумайся прежде, чем выбросить эти бумаги после холодов прошедшей зимы... Всё же – топливо. Но по большому счёту нашей семье пока что грех роптать. В декабре прошлого года специальным декретом объявили, что все «буржуи» должны постоянно носить при себе справки из домовых комитетов с рабочей книжкой и работоспособные из них также отбывать «трудовую повинность» в «трудовых батальонах». «Работы проводить под надзором красноармейцев. Сопротивляющихся – расстреливать», подпись - Ленин. С внутренним содроганием вспоминаю эти строки... Пронесло пока. Лишь несколько дней постучала по льду киркой по многу часов, переговариваясь с подругами по несчастью. После переключки дамы «из бывших» расходились по домам. *Весёлые неологизмы: «бывшие», которых «вычищают» со службы, кто теряет прежнее положение в обществе. Напоминает «живых покойников». С первой советской Конституцией 10 июля возникает новенькое слово:*

«лишёнцы» - лишённые политических прав. Хотя до того нас начали лишать хлебных пайков... Мы лишёнцы, поскольку имеем неправильное происхождение. К счастью, им ещё не известно, где находится мой кузен... Забавно, что Троцкий, сын очень богатого человека – не «буржуй». Но прошлой зимой стало уж слишком голодно. Продать что-либо не всегда удавалось. Даже имея хлебные карточки, часто невозможно было что-либо получить по ним. Но, чтобы их иметь, следовало работать в подобающем месте. Втроём питались четвертушкой хлеба, замешанного с тухлой, выдаваемой на два дня. На завтрак имели пару картофелин. Иной раз добывали треску по три рубля за штуку, но малосъедобную и солёную воблу. Морковный чай назывался «кофеем»... Зима оказалась «турнепсной²⁴», как за год до этого немцы, не имевшие хлеба, прозвали свою тяжёлую зиму. Одни петроградцы выедали внутренности сдохших лошадей, валявшихся прямо на Невском, и многие умирали. Другие, сидящие на большевицком партийном пайке, не пускали жителей деревни-«спекулянтов» их накормить. «Мешочником» считается всякий, кто привозит какую-либо еду в Петроград даже и для своей семьи. Дело мешочников рискованное - по дорогам идёт как грабёж незаконный, так и узаконенный под названием «реквизиция». Бывает и хуже. Сама видела, как на Московском вокзале патрули-китайцы пальнули в воздух, схватили человека, сорвали одежду и – к стенке. До войны смерть казалась событием особенным, исключительным. Об убийствах давно не слышали, а Первая революция забывалась. Сегодня убийство - явление обыденное. Страшно жить... Надо успеть почитать до темноты - электричество дают вечером с 9 до 10, а свечи по нынешним временам – роскошь».

Наступила осень. Ночь спускалась непривычно и неожиданно рано. Оставалось усесться в кресло и предаться воспоминаниям, или каким-либо сокровенным мыслям. Ртищеву давно уж не волновал вопрос возможности повторного замужества. Сначала надо было ждать возвращения офицеров с Германского фронта, а после разгрома офицерства и смотреть в городе было не на кого: достойные оказались где-то на Дону или за Волгой. Известия о военных столкновениях их с узурпаторами были скудны и отрывисты. Насколько же они соответствуют истине задавался себе вопросом каждый, у кого душа болела за судьбу державы. Перемалывались самые нелепые слухи, например о том, что генерал Корнилов идёт на Москву во главе Донского войска. Подобные нелепицы нередко слышала Настасья от новой своей подруги Елены Басаргиной, с которой они познакомились в «трудовом батальоне», размахивая кирками. От мужа Елены не было известий с тех пор, как он отправился на Дон к Каледину и Корнилову раньше, чем брат бывшего мужа - Глеб Охотин с семьёй. Елена умоляла мужа взять их с собой, но офицер отказался от такого риска. «Надо бы поскорее навестить Елену. Что-то давно не слышно о них, а ведь вся жизнь её теперь – надрыв. Бессонница съедает её. Дочка её пятилетняя может не пережить очередную зиму. До лета ходила к ним посидеть с больной девочкой, куда Елена бегала в поисках провизии. С потеплением мы стали ходить все вместе, - думала Настасья, вглядываясь в законные сумерки из своего кресла. - Почему так часто вспоминаются события рокового Февраля семнадцатого? Как сейчас вижу захламлённую Дворцовую площадь, с которой едва только убрали трупы, а прошло больше полутра лет. Вижу серовский портрет Николая II, изрезанный ножом, стою рядом и плачу. Не могу остановить слёзы. Какой-то матрос цыкает на меня и гонит прочь. Не то, чтобы зло, но раздражённо – кого, мол, жалеешь, барышня? По городу расклеены объявления от «комиссаров по защите музеев». Просят полковые и флотские комитеты «принять меры к возврату в Зимний дворец художественных предметов большой исторической ценности, исчезнувших в ночь с 25 на 26 октября²⁵...» У винных погребов Зимнего дворца, которые начали взламывать ещё

²⁴ Турнепс – овощ, подобный моркови и редьке.

²⁵ В Зимнем дворце были совершены хищения на 2 миллиона рублей, как и в Гатчинском.

до взятия Дворца красной гвардией, поставлена особая охрана. Но успели перепитаться, передрались сотни солдат, матросов и к ним примазавшихся люмпенов. Возле Биржевого моста воздух был напоён запахом шампанского от разгромленных поблизости складов. Большевики не справлялись с долгожданной оргией разгулявшихся мятежных и дезертировавших полков. Посылали латышских стрелков против толп погромщиков и грузовиками вывозили трупы. Пишут о «калединцах, капиталистах и помещиках, надеющихся в пьяной междоусобице, в водке и крови утопить завоевания Октябрьской революции». Большевицкие лидеры и рады были запугивать народ призраком надвигающейся контрреволюции. Петроград объявлен на осадном положении. Собrania, митинги, сборища на улицах воспрещаются. Через месяц в Бресте застрелился генерал Скалон, принужденный отправиться туда в качестве председателя комиссии по заключению Похабного мира. А в ноябре, шедшие к урнам, замечали, как солдаты подле мест выборов посмеивались: «Не видать вам Учредительного Собрания. Наша власть таперича!» Да и боялись уже большевиков слишком многие, чтобы голосовать против них. Страх зародился в душах. Не было раньше такого. Голод пока был большевикам на руку. Именно они заправляли запасами продовольствия, что обеспечивало им приток пусть даже неискренних, но единомышленников. Была прекращена выдача всех пенсий... Всё чаще твердили о «гидре контрреволюции». В самом начале года столица пребывала в ажитации по поводу предстоящего открытия Учредительного собрания, о которого интеллигенция ожидала всё ещё какого-то чуда. Пятого января Собрание вроде бы открыли, и большевик Свердлов сцелился там с эсером Черновым, за которого проголосовало большинство. У Ленина, говорят, тогда случился припадок²⁶. Но на стороне Свердлова была реальная сила. Большевики расстреляли мирную демонстрацию, выступившую под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!», распевавшую «Марсельезу!» На углу Литейного и Невского демонстрантов встретили пулемётным и винтовочным огнём. У Таврического собралась многотысячная толпа с заметным преобладанием рабочих – настоящих рабочих, которым были не по нутру большевики! Толпу разгоняли прикладами и дубинками. Говорили, что при разгонах демонстрантов погибло до сотни человек. Горький тогда возмущался и проводил параллель с Девятым января пятого года. Уже седьмого января появился большевистский декрет о роспуске презираемой «Учредилочки» - явления контрреволюционного. Говорили, что во время выступлений меньшевицких лидеров, толпа подвыпивших слушателей матерно орала на них, а некий матрос Железняк, прославившийся тем, что на митингах требовал непременно «миллиона голов буржуев» объявил, что «караул устал» и закрыл Собрание²⁷. Ночью тот самый караул из двухсот матросов ворвался в тюремную больницу, где лежали арестованные депутаты от партии кадетов - Шингарев и Кокошкин, и штыками закололи обоих в их постелях. Тогда появился декрет Совета народных комиссаров, объявлявший кадетов партией «врагов народа» - ещё один «приятный» красный неологизм... Декрет требовал предания революционному трибуналу всех кадетских лидеров. Левые эсеры поддакивали большевикам. Во всяком случае, так передаёт тётя интерпретации князя. Тот же князь поведал о том, что ещё в апреле семнадцатого барон Врангель и граф Пален создали тайную организацию, охватившую верные воинские части. Вскоре большевики захватили Александро-Невскую лавру, убили священника Скипетрова, и народ начал крестный ход с анафемой, покушающимся на Церковь. Большевики тогда побоялись пресекать крестный ход. Улицы полны вооружённых китайцев и латышей. Имто не жалко Россию с её прошлым. Зима была очень снежной, и однажды, знакомый старый

²⁶ Ленин понимал, что замарав себя немецкими деньгами и предательством союзников, большевикам, в случае проигрыша, долго не протянуть. Либо их постепенно «уберёт» новое правительство, либо - европейские Союзники, заметая следы своего чудовищного предательства. Большевикам оставался один шанс - укрепиться в России.

²⁷ Всем стало ясно: если даже матросы не применяют оружие, это сделает клоака - на галерке откровенно взвешивали на руках кастеты, револьверы. Депутаты вынуждены были разойтись. Анатолий Железняков по кличке Железняк – убеждённый анархист. Погиб в 1919 г.

еврей – противник новшеств, пошутил, окрашивая свою речь выразительным акцентом, что «и Черта оседлости под снегом перестала бросаться в глаза, но-о разве-таки в снегах всё дело? Похоже на то-о, что Черта охватила и Петрогра-ад – посмотрите-таки, кто засел в Смольном и Таври-ическом. На стенах повсюду воззвание: «Же-ертвуйте на больных туберкулёзом детей!» Было бы мне что жертвовать, кроме моей пода-агры». *К весне вдруг резиденцию народных комиссаров перенесли в Москву.* Мы перестали быть столицей и, поначалу обрадовались: подальше от кровавых тиранов станет поспокойнее. Но то оказалось пустыми надеждами».

Было уже совсем темно, когда в дверь Ртищевых-Оболенских начали стучать громко и требовательно.

- Это они, - спокойно проговорила тётушка, - Ася, не вздумай сопротивляться и отдавай всё, что потребуют. Если станут вселять, тоже не возмущайся. Анна, держи свои комментарии при себе!

- Опись ценностей! Откройте именем мирового пролетариата! – прокричали за крепкой дверью, и она содрогнулась от ударов чем-то твёрдым и тяжёлым.

- Открываю, спокойно, пожалуйста. Не могу же я прыгать в свои шестьдесят три года, - откликнулась Аполлиария, подходя к двери.

В прихожую ввалились дюжий матрос-красногвардеец с винтовкой, двое подвыпивших представителей городской шпаны и какой-то суетливый лысый тип в летах, несколько не вписывающийся в компанию.

- Показывай, мамаша, стало быть, свои ценности. Опись ведём мы тут, - гаркнул на тётушку матрос. - Давай живей! Времени у нашего брата нету.

- Таких, как ты тут хватает, недобитков. Всех потрясём! – добавил плюгавый и вертлявый малый с физиономией каторжника, пахнув перегаром.

Отгеснив тётю к стенке, ватага, стуча сапожищами по паркету, устремилась в гостиную.

- Вот это да! Вот живут же буржуи! Умеют! – забегал узкими глазками по мебели и картинам мордастый парень с ничуть не меньшей печатью каторжанина на образине.

- Давай, записывай, товарищ Вигилянский, чо стоишь! Трудись во благо пролетариата! – рявкнул матрос на «не вписывающегося» штатского.

- Приступаю, товарищ Головищев, - растягивая слова и шепелявя, откликнулся Вигилянский и извлёк из кожаного портфеля засаленную школьную тетрадку с химическим карандашом.

Послунявив карандашик, точнее – его огрызок, оправив убогое пальтишко с обезьяньим воротником, Вигилянский изрёк:

- Достопочтенные дамы, то бишь, товарищи женщины, я являюсь уполномоченным по изъятию избытков предметов искусства у населения. Состою художником на страже революции и потому прошу позволить мне осмотреть мебель, картины, книги и прочие вещи.

- Да он совсем обалдел, этот Вигилянский, слышь, Егорка. Ускорь яго, а то я сам поддам яму, - обратился к матросу монотонной тихой скороговоркой вертлявый.

- Ладно-ладно те! А ты давай, поторопись, товарищ Вигилянский. Дел у нас полно, - сказал матрос, оглушительно сморкаясь при помощи всего лишь двух пальцев и, сбрасывая слизистую субстанцию на паркет.

- И чё с ними тут сиримонии разводим? Наше дело – конфикасыя. Пришёл – взял, что трудовому народу надобно – ушёл, - заметил мордастый и запустил ручищу в ящичек трюмо.

- Не обращайтесь внимания, Ася и Анна, - хладнокровно среагировала Аполлиария. - Такое неизбежно. Уж я-то наслышана. Вы бы, в самом деле, ускорили процедуру осмотра, точнее – инвентаризации всенародного имущества, господа-товарищи. И поскорее оставили нас в покое.

- Забирайте, что надо и – до свидания. Теперь мы в этом городе - de trop, словом - egalite, liberte u fraterniti²⁸, - ледяным тоном добавила Анна.

- По-моему, товарищ Вигилянский, эта старая сука обзывается тут не по-хорошему, - зашумел мордастый.

Матрос немного смутился от этих слов и велел мордастому «держать свои руки в руках».

- А ты мынэ не указывай, Егор. Ты тут у нас не товарищ Троцкий, - огрызнулся мордастый.

Товарищ Вигилянский томительные для всех пять минут что-то записывал в тетрадку, переходя из комнаты в комнату, а двое уголовничков постарались разойтись по углам, чтобы меньше бросаться в глаза матросу и хозяйкам. Их умелые ручонки начали шарить по шкапулкам и ящичкам.

- Мелочи неизбежно исчезнут в карманах, - вслух сказала тётя. - Хорошо ещё, что их начальник держит себя прилично. Благодарите Бога.

Но Анна Ртищева-Оболенская не выдержала и спросила матроса в лоб:

- А документы на подобный обыск у Вас имеются, товарищ?

- А что ж ты думала, мамаша? Что большевики к вам тут как грабители врываются? Да за такие слова можно знаешь, чего получить!

- Прекрати, Анна, я же предупреждала! – занервничала Аполлинария.

- Ладнеть, барыня-товарищ. Сегодня я добрый и забирать ты куда следует не стану, - покачал круглой головой на массивной шее матрос, - налей нам за это по стопочке. Холодно на дворе.

- В доме есть что-нибудь крепкое? – спросила тётя почему-то племянницу.

- По-моему – ничего, - впервые нарушила молчание Настасья.

- Уж извините, товарищи революционеры, но спиртное не держим, - развела руками Аполлинария.

- Так уж и не держите? – гаденько усмехнулся вертлявый. - А мы поверим буржуйкам на слово, ребята?

- Верить в наше время не стоит и батьке с мамкой, - вставил мордастый. - Пойду-ка я, Егор, проверю господскую кухню. Уж больно сытно живут тут, а народ всё голодает!

- Поди проверь, не помешает, - пробубнил матрос, - уж и налить им жалко стало. Тоже мне – сучары бесстыжие. Время такое, дамочки, что голодный сам, что нужно возьмёт и спрашивать не будет. По-ятно?

- Да у них тут в самом деле нечем поживиться, Егор. От того на них и мяса так мало. Ухватит не за что, - донеслось из кухни.

- Енти две-то ладно, а молодку я бы ишо как ухватил, - блеснул глазом вертлявый.

- Тоже мне! Нашёл себе «молодку». Постаршей нас будет, - заржал мордастый.

- Ладно, ближе к делу, - продолжил матрос, - товарищ Вигилянский тут готов уже, стало быть, забираем все енти картинки, да вилки с ложками. Серебро оно нынче государству нужно. Так-то, мамаша.

- Вы бы оставили хотя бы три ложки на каждую из нас, - тихо промолвила Настасья, глядя на исчезающее в мешках фамильное серебро.

- Мы и тебя ещё прихватим, не нуди тут под руку, а Егорка? – ухмыльнулся вертлявый.

- А кралю бы енту мы с собой, а ребята? Ты же не против, начальник? Пойдешь с нами, милашка? – уставился с сальной усмешкой на Настасью мордастый.

- Вы на них, девушка, не смотрите так. Оне добрые ребятки, - пробасил матрос, - Мы же Вас, барышня, в ресторацию приглашаем, а молодцы?

²⁸ Лишние (люди)... Равенство, свобода, братство (фр.).

- Думаю, что вы уже реквизируйте, что могли и пора расставаться, товарищи, - ледяным тоном проговорила Аполлинария.

- А тебя-то, мамаша, мы и не спрашивали, - резко ответил ей Егор, - коль пролетариат постановил так, то дочка твоя должна идти за ним и точка!

- Товарищ Головищев, как бы нам так на неприятности не нарваться, - неуверенно промямлил Вигилянский.

- Глотку свою заткни, фраер, - шепнул ему на ухо вертлявый, - вечер нам не обломай смотри – пожале-шь ишо.

- Идём, короче, с нами, девка, - с этими словами мордастый грубо схватил Настасью за руку. Она попыталась освободиться, но ручища была железная.

- Мне надо одеться, на улице холод... – зашебетала растерянная

- Только через мой труп! – воскликнула её мать и схватила острые большие портняжные ножницы.

- Ах ты стерва старая! Мы с тобой тут по-хорошему, а ты? – возвопил тенорком вертлявый. В его кулаке появилась финка. - Мигом кишки выпущу!

- Убери живо! – цыкнул на него матрос. - Без смертоубийства тут мне! Одни бабы в доме.

Но Анна уже не владела собой, видя, что её дочь тащат к двери и бросилась на ближайшего из них, каковым оказался Егор. Устрашающего вида ножницы впились в запястье матроса и тот, взыв от боли, обрушил дюжий кулачище на лицо пожилой дамы и, всё ещё - необыкновенной красавицы. Аполлинария склонилась над, рухнувшей без чувств сестрой, когда Настасья уже была выпихнута в прихожую. Ртищева отчаянно хваталась за все предметы и продвижение к раскрытой двери задерживалось.

- Я тут смотрю, смотрю, уж битые минут десять, и ничего не понимаю, - раздался спокойный уверенный в себе голос у порога. - И это православные люди? Да вы хуже басурман и хриstopродавцев. Вы чего себе позволяете в чужом доме, мразь?

- Ты как с уполномоченными революцией тут разговариваешь, приспешник буржуев чёртов?! – взревел матрос и потянулся за своей трёхлинейкой, оставленной в углу.

- А ты знаешь, с кем имеешь дело, убогий? – насмешливо спросил видный высокий шатен с аккуратно подстриженными нафиксатуренными усиками. - Извинитесь все четверо, прежде всего, перед дамами и – прочь отсюда. Чтоб духу вашего смрадного тут не было!

Уверенность его голоса тут же подкрепилась чёрными зрачком ствола нагана.

- Да я тебя! – матрос схватился за винтовку, но вошедший незнакомец произвёл едва заметное движение, щёлкнул сухой выстрел, и Егорка рухнул на паркет с маленьким отверстием, расположенным с поразительной симметрией прямо посередине лба.

В тот же миг, мордастый кинулся на красавчика-шатена с финкой, но проворство незнакомца вновь выручило его, и вторая пуля уложила здоровяка на месте.

- Я тут ни при чём, господин, простите! – затрясся посеревший вертлявчик.

- Бог троицу любит, сударь... Вы оскорбили порядочную женщину, ногтя которой Вы не стоите. Я всё слышал, - за этими словами последовал третий выстрел, уложивший уголовника столь же аккуратно, в голову.

- Я не причастен к этому насилию, засвидетельствуйте, пожалуйста, гражданка! – взмолился Вигилянский. - Меня попросили, как искусствоведа, произвести оценку...

- Да, сударь, - с каменным лицом произнесла Настасья, - это правда.

- Проваливай, мразь, - бросил незнакомец Вигилянскому.

Тут Настасья заметила, что всё это время, за спиной вошедшего спасителя стоял какой-то человек. После того, как лысый мерзкий тип был изгнан, освободитель шепнул незнакомцу пару слов, и тот последовал за Вигилянским.

- Позвольте представиться, сударыня, - нарушил зависшее молчание элегантный человек лет тридцати пяти, то есть – ровесник Настасьи, своим низким хорошо поставленным голосом,

- меня обыкновенно зовут Червовый Валет. Но для Вас я просто Олег. Прошу Вас называть меня именно так. Сейчас мой слуга и друг вернётся и уберёт эти отвратительные тела, вымоет полы. Не беспокойтесь. Всё будет сделано, как надо, и их милиция не заметит и следа. А пока позвольте мне осмотреть даму, лежащую без чувств. У меня имеется некоторый опыт в медицинском деле.

Человек этот, временами, весьма искусственно, но красиво грассировал, что оставляло странное, двойственное впечатление. Общими усилиями мать Настасьи привели в чувство, и она тут же начала усердно припудривать свой синяк с отёком. Не хотелось выглядеть не ком-иль-фо в глазах приятного молодого человека. Не привыкла к такому. Вскоре появился тот самый «слуга и друг», которого Олег представил Червонным Лбом. Прозвища вызвали некоторое недоумение, но интеллигентная красивая речь молодого человека, пересыпаемая отрывками стихотворений творцов Серебряного века, изысканные манеры, которых давно уж не приходилось наблюдать вокруг, смягчали все эти странности. Высокий худой Червонный Лоб, который казался непременно неуклюжим с первого взгляда, справился с очередным заданием на удивление ловко и проворно. Через полчаса паркет засверкал пуще прежнего, и никаких следов неожиданных гостей не было видно. Как по мановению волшебной палочки, исчезли их тела, холщовый мешок, трёхлинейка. Если бы не боль в разбитом лице Анны, то всё можно было бы воспринимать не более, чем дурной сон.

- Что же, прекрасные хозяйюшки, - неожиданно развязано вдруг произнёс Олег, - надеюсь, что вы остались довольны нашей услугой и не помянете нас недобрым словом. Но нам пора и честь знать. Припозднились уж изрядно. Прощайте, Настасья Николаевна. Хотелось бы Вас увидеть в скором времени в уютной едальне, что всегда открыта на Литейном, где мы, последнее время, собираемся по вечерам. Не беспокойтесь, пожалуйста за Вашу дочь и племянницу, сударыни: она будет доставлена домой с надёжным эскортом и позднее время – не помеха. Буду вас ждать, Настасья Николаевна.

После ужасного вторжения несколько дней Ртищевы-Оболенские приходили в себя, и сестра с дочерью усердно залечивали побитое лицо Анны примочками. Тётя вполне трезво высказывала опасения, что «тот самый лысый скользкий бюрократ» непременно донесёт куда следует и к ним придут с обыском, а то и обвинят их в пособничестве убийцам. Настасья возразила, что, по её мнению, Вигилиянского «убрали», «обезопасили», так как Олег что-то шепнул своему человеку и тот побежал за лысым. Дни проходили в страхе, но никто не появлялся, и тётя заявила племяннице, что она права. Настасья долго заставляла себя не думать о несколько подозрительном спасителе, но скоро поняла, что ей так и не удалось изжить тягу к общению с умными, образованными людьми. «Ведь никого вокруг не осталось: ни милой подружки Февронии, ни Кирилла, ни Сергея Охотина с братьями, никаких офицеров их бывшего окружения. Не стало либерального салона Ольги Третнёвой. Долиберальничали... С кем я общаюсь из посторонних, кроме Елены? С одним старичком-князем, навещавшем тётю. Впрочем, князь этот приносит иной раз занятные новости. Смешной старик не забывает и очередной раз намекнуть, что он по прямой линии происходит от Рюрика. От прочих же, всё чаще шарахаюсь на улицах. Тошно от гнусных морд. Хожу теперь нередко в церковь, слушаю проповеди и слёзы бегут из глаз. Никогда раньше такого со мной не было... А ведь мама с тётей меня почти и не водили во храм Божий. Разве что по праздникам. Столичное общество стало всё больше отходить от веры отцов уже в лице поколения моих родителей... Бегаю в поисках хоть какой-то работы. Иной раз удаётся заработать на переводах. Работодатели, как правило, малоприятные. Неужели я не могу себе позволить сходить в тот ресторанчик и повидаться с этим странным любопытным человеком? Да, его поведение вызывает большие сомнения в достоинности его образа жизни. Вооружён, но не связан с властью, при этом не похож и на оппозиционера, но скорее всего на... грабителя. Следует честно себе признаться... Но и вольный разбойник мне ближе, чем

представитель новой власти. Гораздо меньше гадливости вызывает. Червовый Валет начитан, обходителен, словом – из «бывших», а таких всё меньше. Но не прячется ли нечто грязное за его честным взглядом? Страшно, что и это меня не останавливает в желании увидеть его повторно! Прозвище у него, конечно, претенциозное. Невольно вспоминается сомнительная слава Бурлюков с их выставкой «Бубновый валет». Есть ли в моём желании пойти к нему, скрываемое от себя самой, влечение к нему? Надеюсь, что нет. Или же боюсь себе в том признаться? Пора бы и угомониться. Стара становлюсь ведь – истекает срок, отпущенный природой на легкомыслие. Пора подумать о Боге в свои тридцать шесть. И тут замаячил этот сомнительный тип – Валет. Чего только не было в жизни. Сколько мужчин падали к моим ногам! Но не оказалось достойных и среди этих смазливых офицеров. Но лишь двое из них прикоснулись к моему телу, помимо мужа гадкого. Первым был юный корнет, до замужества. Всё ограничилось объятиями после танцев. Вторым оказался самовлюблённый и самонадеянный офицер-полячишка. Но какой красавец! Фу, дрянь. Сама же вздыхала по большому поэту, чьё сердце было занято, и по могучей души полусвятому²⁹... И вот, вновь, приходит тут же в голову Сергей Охотин. Что за распушенность! Ведь он – женатый человек».

К вечеру Настасья решительно вышла из дома. Навстречу ей попались две дамы, судя теперь не столько по одежде, сколько по общему облику, из бывших: полная и не очень. Та, что поплотнее отчаянно грызла ногти. Обе проводили Ртищеву долгим взглядом, который она ощутила и даже повернулась к ним. Обе смутились и тут же поспешили прочь. Когда Ртищева вошла в полутёмное помещение ресторана, или попросту - питейного заведения не первой свежести, её обдал противный кислый душок и чувство промозглой сырости. Подняв глаза, она тут же встретила его прямой вызывающе-галантный взгляд из-под дуги чёрных бровей.

- Несказанно рад Вас здесь видеть, Настасья Николаевна, присаживайтесь. Я знал, что Вы рано, или поздно придёте, - Валет оскалил чисто белые ровные зубы, что можно было встретить не часто и в его годы.

- Вы очень уж уверены в себе, Олег... Вы не упомянули своё отчество... – ответила Настасья, отбросив минутную замороженность его очами.

- Пустое. Просто Олег. Мне так приятнее. Мы с Вами ещё молоды. Место здесь, конечно, не для такой дамы, как Вы. Вы уж простите. Но заходить в места рангом повыше опасаясь. Там можно в наше время нарваться на чекистов и прочую шваль, - Олег пригладил свой и без того безупречный английский пробор.

- А Вы не боитесь, что и стены имеют здесь уши?

- Нет. Я мало чего боюсь. Жизнь такая.

- От чего же Вы, позвольте спросить, не на юге или востоке, где опаснее, но достойнее для мужчины сегодня? Мне кажется, что лишь там подобает находиться сейчас уважающему себя храброму человеку Ваших лет.

- А я вне политики, Настасья Николаевна. Был призван в пятнадцатом и этого мне вполне хватило. Давайте не будем о грустном. Позвольте налить Вам шампанского из старых запасов. Здесь убогая обстановка, но имеется не только одна водка. Есть и зубровка старорежимная. Ведь это просто чудо, что в прекрасном некогда городе, ставшем адом, есть места, где вам нальют настоящее шампанское. Разве не так? Кьянти, увы, теперь не подают. В заведениях попроще нынешние посетители требуют пива и, непременно, тёплого. От него скорее развозит. Появилась присказка: «холодное пиво и пиво без капли водки пьют одни пижоны».

- Хорошо. Один бокал.

- Вы не курите, очаровательная Настасья Николаевна?

- Никогда.

²⁹ Имеются в виду Гумилёв и отец Виссарион – духовный отец семьи Охотиных.

- Очень жаль. Порою длинная тонкая папироса украшает даму. Позвольте тогда мне одному?

- Если не в мою сторону...

- Вне сомнений. Вы от чего-то плохо обо мне думаете.

В противоположном углу зала, в полумраке, появился человек в шёлковой косоворотке с гитарой, который тихо запел, вяло перебирая струны:

- У ней следы проказы на руках и шёлковая блузка цвета хаки, и вечерами джигу в кабаках танцует девушка из Нагасаки...

- Согласитесь, что образ Ваш вызывает немало сомнений. Ничего не могу поделаться с этим, несмотря на мою Вам благодарность.

- Я Вас вполне понимаю: за порог Вашего дома шагнул незванный гость, испачкал кровью Ваши паркетки...

- Я не об этом. Меня интересует, что Вы сделали с Вигилянским, к примеру?

- Вы наивно полагаете, что этого прохиндея можно было оставлять свидетелем и, что он не побежал бы тут же в Чека. Донёс бы и на Вас...

- Так я и подумала в тот вечер. Но кто Вы, распоряжающийся жизнями и судьбами?

- Ваш покорный слуга и анархист в душе. По этой же причине никак не могу служить в белых армиях. Анархист от природы. К тому же – одиночка. Даже не потерпел бы вступить в партию анархистов. Какая же свобода может быть там, где хоть какое-либо объединение со структурой? И Кропоткин мне не указчик.

- А кто? Стенька Разин?

- И к нему бы не пошёл. Даже к украинским батькам. Слышали про таковых? По всей Малороссии бушуют. Я – вольный разбойник, предпочитающий своё собственное руководство. Не взыщите. До Октября меня всё влекло к столичной богеме и сам грешил рифмоплётством. Некогда подумывал открыть свою ресторацию под названием «Дама трэф» и не иначе. Вся соль была в названии, которое бы согревало душу. И пусть это был бы не «Донон», не «Кюба» и не «Астория». Не суть. Главное – своё, уютное место для богемных вечеров. Так, тихо прожить остаток дней хотел. Но судьбы распорядилась иначе. Не долго мне уж здесь осталось. Пока идёт война, у большевиков руки до всех не дотягиваются, но как только они победят, жизни таким как я не будет – воздуха не хватит.

- Как Вы сказали? Почему они победят?

- Простите, но Вы несколько наивны, как эсеры прошлой зимой, которые рекомендовали своим сторонникам «осторожно и в достаточной степени трезво отнестись к ликвидации большевизма. Ведь большевизм не вполне изжит массами³⁰». Белые, Настасья Николаевна, не имеют шансов на победу. Всё оружие, все заводы у красных. Мощь пропаганды тоже. Это лишь вопрос времени.

- Как страшно мне такое слышать, Господи! Прошу Вас остановиться!

- Отсюда надо бежать, Настасья Николаевна. И как можно скорее. Можно через Финляндию. Хотите возьму Вас с собой? Только там пока ещё жизнь – в Европах. Городские собаки уж с осени прошлого года, прочувствовав всю паскудность этой власти, разбежались по окрестностям.

- Простите, но даже, если бы я согласилась, не могу же я бросить маму и тётю. Такое исключено.

- Могу понять Вас. Мне очень жаль... Но бежать отсюда просто необходимо. Здесь жизни Вам не дадут.

- Мне ближе монархизм, чем Ваш анархизм. Но и он милее большевизма...

³⁰ Да и сам Ленин до конца своей жизни удивлялся: как это им, большевикам, удаётся ещё сидеть у власти и никто до сих пор их не выгнал вон?

- По поводу самодержавия вспоминается, как Николай всё говорил с начала войны: *«А на нас легла тяжкая ответственность... А на нас легло бремя... А на нас...»*. В результате у царя появилось прозвище Ананас...

- Цинизм в адрес загубленного и, в моих глазах, святого человека не воспринимаю.

- Простите. Но давайте о чём-то более приятном, - он незаметно подлил в опустевший бокал Настасьи ещё шампанского, - как-то в Москве большевики приговорили к расстрелу некоего Виленкина. В то время было заведено расстреливать в Петровском парке. Командующий расстрелом вдруг узнал в Виленкине своего бывшего товарища по училищу. Подошёл к нему проститься: *«извини их, если они не сразу тебя убьют. Они сегодня в первый раз расстреливают»*. *«Ну, прости и ты меня, если я не сразу упаду: меня тоже сегодня в первый раз расстреливают...»* - ответил Виленкин.

- Мрачновато. А Вы бы могли так шутить перед собственным расстрелом?

- Кто знает? Пока не доводилось, к моей несказанной радости. Последнее время я гастролирую по нашим столицам: месяц - в Москве, месяц - здесь. Так вот, в Москве наткнулись мы с Червонным Лбом на новый ресторанчик, открытый рыжим клоуном Станевским, тем самым, что выступал с Радунским в известном дуэте клоунов-эксцентриков «Бим-Бом». Открыл он его с семнадцатого года и назвал просто «Бом». Слышал, что ресторан уже имеет другого хозяина и якобы Станевский удрал в Польшу. До сих пор, представьте себе, там сохранилась былая атмосфера. Кого только там не встретишь! Прямо на Тверской, напротив гостиницы «Люкс». Не знаете?

- Такое заведение - нет. С тех пор в Москве не бывала.

- Представьте себе, что там до сих пор чисто! Конечно, это не былая питерская «Бродячая собака» и даже не попытка её реанимировать в виде литературного кабаре с морфием «Привал комедиантов», что силились раскрутить на Марсовом. Там бывал и Блок. Но неотразимой Ахматовой там нет. Кстати, летом семнадцатого года в «Привале комедиантов» можно было наблюдать почти одновременно чудного и упоительно бездарного студента не первой молодости Грааля Аренского, Савинкова, Колчака и Троцкого. Ну и фармацевтов³¹, конечно же. «Привал» не был даже закрыт, но погиб, превратился в прах. Голодные крысы в нём перестали опасаться людей, а рояль отсырел. Всё от того, что там лопнули какие-то трубы, и вода из Мойки дала себе волю. Чёрно-красно-золотые стены покрылись плесенью.

- Но «Собаку» мне больше жаль. Доводилось в ней бывать. В ней было что-то неповторимое - ночные бдения в тонусе литературных споров, шуток... Те же скамьи, соломенные табуреты, отсутствие скатертей. Да и сводчатые комнаты, с пёстро расписанными Судейкиным стенами, огромный камин...

- Москва и пострадала чуть меньше от разгромов красногвардейцев. Под стёклами столиков «Бома» стихи новейших поэтов, на стенах - росписи и автографы литераторов. В книге отзывов - рифмованные комплементы поэтов. Остались ещё смазливые официантки в накрахмаленных платках. А главное, что там собираются осколки богемы. Уверен, что и Вам бы пришлось там по душе. Футуристы, кубофутуристы, ничевоки и прочая шушара, Ларионов, Гончарова, Толстой, Эренбург, Каменский, Дон-Аминадо, Кончаловский - кого только не увидишь! Недавно читал Маяковский. Зимой ещё пел Вертинский. Иной раз Судейкина отплясывала очаровательную польку. Как-то из Питера заехали Судейкин с Бенца. Замёрзшие, в калошах, но не унывающие! Даже и графиня Роттермунд с огромными жёлтыми бриллиантами, оттягивающими ей уши. И не сорвали их до сих пор, что странно! Дама всё ещё весьма хороша собою, хотя и увядающая от опиума с кокаином. Теперь её все кличут просто Динка.

³¹ Аренский, он же - Степан Петров (1888-1936). Поэт и эсер из крестьян. Репрессирован. Фармацевтами завсегдагатаи называли случайно зашедших посетителей. (Георгий Иванов. Петербургские зимы).

По-моему, она сходит с ума. И это несмотря на то, что кокаин сильно подорожал во время войны. Тогда я жил ещё честно и бросил нюхать. На морфий переходить не стал. Встречал там и Настю-натурщицу, Шурку-Зверька по фамилии Монахов.

- Не думаю, что все эти кафешантаны могли бы вызвать у меня, при нынешнем положении, тёплые чувства. Как я уже Вам говорила, на юге и востоке идёт священная борьба, - без тени улыбки заметила Ртищева.

- Вы очень уж суровы, Настасья Николаевна. В Германскую командование требовало патриотических песен, но солдаты упорно распевали «Крутится, вертится шар голубой». Такое, право, не к лицу столь прекрасной даме. Расскажу-ка я Вам лучше об Александре Блоке. Уж поэтом-рыцарем и сверх-декадентом-то Вы не можете не интересоваться.

- До последнего года даже преклонялась пред его талантом. Но всему приходит конец. Полностью разделяю мнение Гумилёва о нынешнем Блоке: «Он, написав «Двенадцать», вторично распял Христа и ещё раз расстрелял Государя! Дьявол тоже гениален – тем хуже для дьявола и для нас». Впрочем, расскажите. Вы с ним знакомы лично?

- Приходилось встречаться. Н-да... «Эй, не трусь! Пальнем-ка пулей в святую Русь!» Блок – человек крайностей. Иным поэт такой величины быть не может. И политически наивен, как отрок. Почитайте труды Зигмунда Фрейда. Там всё и про Блока, Бальмонта и их поэзию в каком-то смысле объяснено. Да и про любого из нас, простых смертных, найдёте. А Гумилёву с его бесформенным носом, шепелявостью, при его влюбчивости самое место быть в трудах Фрейда.

- Что-то о Фрейде слышала, но не заинтересовалась, - в голосе Настасьи послышались нотки раздражения на подчёркивание физических недостатков поэта, которые она не замечала.

- И напрасно... «Мировой пожар революции» для Блока стал не столько символом разрушения, сколько «мировым оркестром народной души». И уличные самосуды представлялись поэту более оправданными, нежели любое судебное разбирательство. «Те, кто исполнен музыкой, услышат вздох всеобщей души, если не сегодня, то завтра» - восклицал Блок ещё в девятом году. В семнадцатом поэту стало казаться, что он услышал эту музыку. Зимой Блок уверял, что «революция есть музыка, которую имеющий уши, должен слышать... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием - слушайте революцию!» Дослушался... Не зря *Гиппиус так поразило, что Блок воспринял и Октябрь с готовностью и даже с восторгом, который похож на иссякает. Поэт принял новую власть и даже согласился работать на её пользу. Хищная власть стала умело использовать его имя в политических целях. С тех пор поэта, вопреки его воле, без конца выбирают на различные должности в комитетах и комиссиях. Объём бюрократизированной бездушной работы подорвал его силы. «Меня выпили» - недавно лаконично сказал поэт. Блок перестал писать говорил: «Все звуки прекратились... Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?... Мы задыхаемся, мы задохнёмся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!»* Несколько неожиданным оказалось для меня, что Блок - немалый антисемит. Впервые заметил я это, когда мы с Пименом Карповым и Хлебниковым заглянули к Мережковским. Велимир давно норовил увидеть женицину, в которую был влюблён по фотокарточке и отзывался, как об «умнейшей из женицин! Сибилле!» В роскошной квартире собрались Мережковский, Гиппиус, Философов, а также Блок и Чуковский. Хозяйка дома рассматривала нас сквозь дым папиросы с нескрываемым пренебрежением. Вдруг Блок обратился к Хлебникову, заметив, что сам не читал его стихов, но слышал о них лестные отзывы Вячеслава Иванова. Затем Блок высказался, что слышал якобы об антисемитизме господина Хлебникова. Велимир издал нечленораздельный звук и начал: «Еврейство на теле русского народа – это карболовая кислота, разъедающая чистую ткань... И вовсе евреи – не семиты. Семиты – это арабы... Да». Чуковский прошипел что-то ядовито, а Гиппиус навела на Хлебникова свой уничтожающий лорнет, словно рассматривала диковинное насекомое. Философов зарычал на Пимена: «Кто Вам позволил приводить сюда незнакомых?» сочувственно улыбался Велимиру

лишь Блок. Когда сконфуженный Хлебников уже шагнул через порог, он вдруг развернулся и протянул Блоку руку. В ходе рукопожатия он отметил, что линия жизни на ладони Блока пересекается к сорока годам.

- У Вас отличная память! Видимо Александр Александрович мало себе представляет, кто именно засел сейчас в Кремле. Иначе бы он не стал им служить. Когда вы видели Блока в последний раз?

- Как-то в начале лета...

- А Вы беседовали с Гумилёвым?

- Пришлось однажды. Я не его поклонник. Гумилёв как-то заявил, что «русский народ по природе своей – разрушитель и самоистязатель. Вот увидите! Я достаточно насмотрелся на фронте. Сожрёт он и себя, и нас, возжаков – ибо мы, поэты, в праве называться вожаками своего народа. Дрянь народ, что и говорить! Да и мы не лучше...» Сологуб высокомерно возразил: «Вы судите по себе».

- По-моему, именно Гумилёв любит свой народ. Оттого и страдает. А Вы часто бывали в «Привале комедиантов»?

- В «Привале» горлопан в жёлтой кофте Маяковский проклинал войну, крыл теософок матом, а Северянин войну прославлял и ублажал публику «изысками» «изысками» - смесью элегантного вздора с экзотикой и неологизмами, режущими ухо. Поэтесса-революционерка Лариса Рейснер взывала (во время войны!) в своих стихах к восстанию, а теософки призывали её к ответственности, как немецкую шпионку. Всё это было одинаково мерзко, но публика проглатывала и то и другое с восторгом. Затевали разные игры: а кто сейчас король поэтов и прочую чушь. Сологуб голосовал за Северянина, а Бурлюки орал за Маяковского. Мне думается, что Северянин – шарлатан, как, впрочем, и Бальмонт с Брюсовым. Оголтелье девицы не сводили глаз с Бурлюков-лихачей, опьянённые их нахальством. До войны, те же девы, точно так же неистовствовали при виде Бальмонта. Тот самый бурлящий Бурлюк, который до того заявлял, что «Хлебников глубже и выше Пушкина», чуть позже проталкивал в гении Маяковского. Танцы великолепной Карсавиной между выступлениями поэтов, мелодекламации Коваленской, были куда приятнее. Бывало, в зале оказывался, придерживающийся стены, Пимен Карпов. Однажды мы с будетляниным Хлебниковым шли по Кронверкскому проспекту и повстречали диковатого Пимена Карпова. На пространный вопрос Хлебникова о жизни Карпов ответил: «Да так... Живу себе предсмертно». Затем Карпов спросил Хлебникова, зачем тот напялил нелепую летнюю шляпу на голову, мол, зима – простудиться можно. «Да я по весне тоскую, - ответил будетлянин, который еле сводил концы с концами. – Я – будетлянин и смотрю в будущее, поэт поэтов, король времени и председатель земного шара. Мне видно то, чего не видно многим». Дальше Велимир понёс свою неперевожимую будетлянскую заушь. Вообще-то он просто Виктор. Но Велимир звучит эффектнее... Несчастный, вечно безответно влюблённый в кого-то, неудачник. Он вечно ворчит на дам: «Жалкие пошлые мещанки, любящие деньги, хулиганов, пилотов и шофёров!» Так, добрались до Малой Невки, взгромоздились на конку и увидели в ней Маяковского. «Маяк, ты на острова?» - спросил Хлебников. «Да», - басом прогудел поэт в цилиндре на затылке, выпятив губу. В тусклых глазах молодого поэта настоятельность, кулачище, сжимающий набалдашник суковатой палки, готов к схватке. Тот же Блок отзывался о Маяке неприязненно: «Такие, как он – не поэты, а только горланы-крикуны. У него совершенно отсутствует ритм, музыкальность... его рваные строчки напоминают грохот пустой бочки» и так далее. Не менее категоричен был Белый в те годы: «Это – предтеча антихриста этот верзила Маяковский. В нём есть что-то от Вельзевула. Это даже не «пришедший хам», это какой-то посланец из преисподней! Он означает для нашей культуры трагический конец!... И не потому ли он импонирует толпе, что имя ему – легион?»

- Теософ, а значит - предатель православия, Белый, мог бы и промолчать... Уместнее бы.

- Смешнее всего оказалась однажды встреча Ахматовой с Маяковским. *Оказывается, тонкая поэтесса, при встрече с ним, осеняла себя под полой мантио крестным знаменем и шептала: «Аминь, рассыться!» «Желтокофтец» же, пользовался её смятением и наседавал, гнусаво напевая и притоптывая - «Тра-ла-ла! Девичью совесть слезами залила! Подохнет Ваша дохлая муза...» жеманные поклонники поэтессы бросались к ней с валерьянкой, возмущались Маяком, клялись Анне в безмерной любви к её серафической музе, но в присутствии громилы-Маяка не смели и пикнуть³². Был в их числе и нерешительный, простоватый на вид, Пимен Карпов. Бедной Анне казалось, что уже рушится её мир. А было это ещё до войны... А тут ещё и Лариса Рейснер...*

- Слышала, что та самая Рейснер – выдающаяся красавица и все поэты от неё в восторге.

- Не одна Рейснер среди них красавица. *До Октября славилась красотой и, увивающаяся вокруг футуристов, художница под псевдонимом Эвридика. Из-за неё стрелялись. Могу понять... С фасада у профессорской дочки Ларисы Рейснер бездонно синие очи, более того – ультрамариновые. У неё голова с жгутами кос из червонного золота и профиль Клеопатры. Тогда она носила лишь скромное гимназическое платье. И влюблено в неё было с полсотни юнцов и стариков³³. Говорят, она была влюблена лишь в Гумилёва, который пренебрёг ею и подвинул к большевизму, ему в пику. Кажется, и в Есенина была влюблена. Он прозвал её ланью, и она его дразнила: «В одну телегу впрячь невозможно коня и трепетную лань». Эх вы, Лель!» Прочих не замечала вовсе. По-моему, к Ларисе равнодушен и поэт-бездомник дальних странствий, донкихотствующий Александр Грин. Пили мы как-то с Карповым и Грином. Теперь же Лариса якшается с большевиками – тьфу. Слышал, что вышла замуж за их боевика – Раскольникову. Приятно будет узнать о том Гумилёву... Поверьте мне, Настасья Николаевна, что Ваша красота всё равно тоньше, нежели Ларисы. И вполне могла бы затмить её. Именно сероглазые шатенки, как Вы, Настасья, сводят меня больше с ума больше ультрамарина, - Олег попытался подлить шампанского своей собеседнице, но получил непоколебимый отказ жестом.*

- Простите, Олег, но это уже звучит весьма банально.

- *Последнее время Лариса всё крутилась вокруг Горького. Наверное, ожидала быть выдвинутой в крупные поэтессы. Была даже чуть ли не влюблена в «Буревестника». Горький благоволил к Маяковскому, но разносил Есенина с Олонецким сказителем (Клюевым) и компанией. Ни за что не желал Горький называться «народным», «русским» литератором, но лишь «певцом революции». Не любит Алексей Максимович крестьянство, значит не может по настоящему любить и Россию.*

- А Вы любите и глубоко чувствуете наше крестьянство? Не слышала от Вас ни единого упоминания из творений крестьянских поэтов, - прервала собеседника Ртищева, - да и способны ли Вы понять крестьянина?

- Просто не к месту было, вот и не упоминал...

- А Вы сами пишете? Или только общаетесь с поэтами? – спросила Настасья с затаённой усмешкой.

- Я сочиняю стихи, но берегу бумагу. К чему её напрасно изводить?

- Как грустно, что такие как Блок работают на сатанинскую власть. Поэтому я уважаю больше всех них принципиального монархиста Гумилёва. А то, что он столь резко отозвался о русском народе в такой момент понять можно.

- Не все одинаково опустились. Есть и такие, кто стал лакеем при новых хозяевах. Не так давно встретил я Рюрика Ивнева, который заявил мне: *«Хотите служить у нас? Не хотите? Но почему? Советская власть - Христова власть! Я ведь не революционную службу предлагаю вам, не в Чеку, - тут он дёрнул щекой с сумасшедшинкой в глазах. - Хотя у нас всякая*

³² Примерно так вспоминает о Блоке, Хлебникове и об Ахматовой в своих записках сам Пимен Карпов.

³³ Лишь Ахматовой Рейснер показалась «похожей на подавальщицу в немецком кабачке».

служба чистая, даже и в Че-Ка, да-да! Не хотите? - он встрепенулся по воробьиному, пригладил помятый мешковатый костюм. - Очень жаль. Но... может быть, вы думаете, что у нас Бог знает кто служит, сброд какой-нибудь?» Что я мог возразить ему? Убеждать, что именно – сброд?

- Про эту Рейснер слышала я что-то ужасное тоже. Мол, *держит большой штат прислуги, принимает ванны из пяти сортов шампанского. Ей кто-то пытался сделать замечание, но она возмутилась: «Разве мы делали революцию не для себя?»* Это было в голодную прошлую зиму...

- Уверен, что история не без преувеличений³⁴, но видимо, недалеко от истины. Всё же близкая подружка самой Инессы Арманд и в фаворе «при новом дворе».

- Если уж сытая профессорская дочь себя так ведёт, то что ожидать от вырвавшихся из грязи в князи.

- Эх, где те времена, Настасья, когда я мог бы пригласить Вас в «Экономический клуб» и ресторан у Донона. Заказать бутылку настоящей «Абрашки»... Времена мельчают... Не наше теперь время, – вздохнул Олег, - что осталось от былой столицы, кроме, примёрзшей к небу, Адмиралтейской иглы? Музеи скоро разворуют. У них, небось, свои счета в зарубежных банках.

- Глядишь, в одно прекрасное утро выйдешь из дому, а вокруг никого и нет. Ведь город пустеет. Раньше народ мёр лишь от благоприобретённых недугов, пьянства, тоски, но последние четыре года мрёт и от свинца, и от тифа, - вторила ему Настасья. - Но мне пора. Уже совсем темно.

- Помилуйте, Настасья Николавна, ведь совсем не поздно и всё ещё время ужина. Позвольте мне Вас пригласить заказать что-нибудь для нас обоих. Кстати, встретил в прошлом году в «Привале» *Червинскую – давнюю подругу интригана князя Андроникова. Она - родня жены Сухомлинова, но ненавидела генерала, плела интриги, чтобы очернить его. Что-то не поделили родственнички. Андроников же с Распутиным хотели учинить скандал вокруг имени Сухомлинова. Позже власти заставляли её доносить и на Распутина. Червинской перевалило за сорок, и кожа её увядает, но фигура изящна и стройна. Высокая дама с прекрасными глазами и тонкими аристократическими руками, как у обеих дам - Ваших домочадцев. С неповторимым очарованием курит длинные тонкие папиросы, как умеет одна Ахматова.*

- Не слышала никогда о ней. Так разлагался высший свет. Такие, как эта дама неуклонно лили воду на мельницу большевиков. И если они её арестуют, то и поделом.

- О! Смотрите-ка кто к нам пожаловал! Сейчас познакомлю. Перед Вами Маргарита Антоновна Израсцова и Тимофей Яковлевич Добромислов. Настасья Николаевна Ртищева – прошу любить и жаловать. Маргарита Антоновна – знакомица самого Савинкова.

- Как, Вы тоже социалист-революционерка? Очень рада! – резко спросила Израсцова Ртищеву. Её красивые и очень живые жёлто-зелёные глаза на бледном строгом лице метались с Олега на Настасью, а её спутник продолжал стоять сзади безмолвно.

- Простите, но Вы не так поняли. Могу лишь разочаровать Вас. Я не имею отношения к эсерам, - смутилась Настасья, встретившись глазами с остановившимся напряжённым взглядом странного спутника эсерки. Это был русский молодой человек с есенинским типом красоты.

Услышав ответ Ртищевой, Израсцова попробовала изобразить на лице приветливую улыбку, но это ей удавалось с трудом. Разочарование было очевидным. Эмоциональная особа начала засыпать своего знакомого Олега вопросами, большинство из которых, как и ответы, Настасье были непонятны. Добромислов продолжал молчать и бросать влюблённые взгляды

³⁴ Например, народоволец, а потом и большевик Морозов получил в личное пожизненное владение поместье Борок с двухэтажным домом, тремя флигелями и огромным парком.

на Маргариту. «Типичная новомодная стриженная дама с папироской», - мелькнуло в голове Настасьи. Обоим приятелям Олега было не больше тридцати, но на них лежала некая печать обуреваемых страстей, делавшая их старше.

- Но будет о делах. Сегодня у нас вечер знакомства с Настасьей Николаевной, - вдруг сказал Олег. - Вы знаете, Настасья, что наша Маргарита всё ещё мечтает совершить террористический акт, только теперь в направлении не правом, а ультралевом. Так прямо и проникнуть в Кремль!

- Что же, полностью одобряю и поддерживаю морально, - улыбнулась Настасья.

- Интересно, а Вы бы донесли, как монархистка, если бы услышали о её намерениях до Февраля? – рассмеялся Валет.

- Доносы не в моих правилах, - сухо ответила Ртищева. - Но захотела бы сделать это. Вряд ли бы пошла дальше, чем предупредить жертвы об опасности, не называя имён.

- Неужели Вы, такая милая женщина, и вдруг – монархистка? – поразила Маргарита, вращая глазами, поправляя тёмно-русые волосы.

- Я был ещё недавно тоже сторонником самодержавия, - нарушил молчание Тимофей. - И даже теперь...

- Что значит «даже теперь»? – грозно спросила Израсцова, сверкнув очами.

- Я хотел сказать, что всё ещё сомневаюсь... – промямлил Тимофей.

- О, Боже! Что же мне с тобой делать! Когда же, наконец, твоё дремлющее сознание озарит вспышка разума?! А Вы знаете, госпожа Ртищева, что на партии эсеров отметина Божия?

- Что Вы имеете в виду? – с плохо скрываемой усмешкой спросила Настасья.

- Что мы благословлены нашими же истинно православными священниками отцом Григорием (Петровым) и отцом Константином (Колокольниковым)! Мы – не большевики какие-то там!

- Простите, но до сих пор эсеры разрушали Россию не меньше большевиков... Теперь мне, действительно пора, Олег. Отужинаю дома, - неожиданно, для себя самой, с решимостью, сказала Настасья.

- Очень жаль, что Вы решили разбить нашу компанию. Но повинуюсь, - вздохнул Олег.

- Простите, если я что-то не так сказала, - смутилась своей резкости Маргарита.

- Всё в порядке. Просто мне пора. Меня ждут родные.

Внезапно прямо над ухом Настасьи возникло какое-то еле заметное шевеление и прозвучал знакомый, слегка томный, голос:

- Как приятно порой встретить старых знакомых!

Ртищева подняла глаза и встретила с бездонной зеленью огромных глаз знакомой по быломu салонному Петербургу, которую уже давно не встречала:

- Аглая? Какая неожиданность!

Настасья не могла бы себе внушить, что рада этой встрече, при всём своём желании, и не собиралась выражать восторги, но и не хотела задеть Аглаю. Особых симпатий к этой странной не слишком приятной особе Ртищева никогда не испытывала.

- Очень лестно видеть, что в наше сумбурное, но правильное время, женщины решаются приходить в подобное заведение в одиночку, - бросила Маргарита, оценивающе взглянув на Аглаю, - да ещё столь привлекательные, каковым даже по улицам ходить небезопасно.

- Что Вы! Право, никакой опасности для себя не усматриваю при всём желании, - загадочно улыбнулась Аглая.

- Так вот, и Настасья Николаевна сами ходят-с. Надо бы, напротив, предотвратить возможные нежелательные случаи, - вставил Олег. - Готов даже пожаловать ей своего телохранителя.

- Своими словами ты – старомодный донжуан, унижаешь достоинство современной свободной от предрассудков женщины! – заметила Маргарита.

- Посмотрел бы я на твою свободу, дорогая, если бы к тебе привязалась стайка матросов на вечернем Невском. Почему-то ты не одна сегодня.

- Сегодня так вышло, - фыркнула Израсцова.- Надеюсь, что Вы, Аглая, разделяете моё мнение. Не так ли?

- Полностью, Маргарита. Во всём следуя заветам госпожи Коллонтай, не забывая и о лекциях Фрейда.

- Недавно раскрепощение женщины было лишь литературной мечтой, как у того же Каменского, или Нагродской и Крыжановской, желавшей создать идеальную женскую общину. Сейчас мы накануне осуществления освобождения на практике, - заученно выпалила Маргарита.

- Твоими устами, да мёд пить. Посмотрим, что оставят от твоих надежд большевички, когда одолеют врага, - усмехнулся Олег.

- Ведаете ли вы, - неожиданно обратилась Аглая к обеим дамам, - что сладострастие и экстаз сродни, в каком-то смысле, самой смерти? Вспомните слова Уальда: «Грех – это единственный яркий мазок, сохранившийся на полотне современной жизни». Как сочно и метко!

- Да, конечно, всё это так, - несколько растерялась Маргарита, удивлённая подобным переходом, а Тимофей залился краской и отвернулся.

- Циник Ваш Уальд и ему подобные. Наслушалась я напускного, по большей части, цинизма нашей столичной молодёжи и скажу Вам: это – тупик. Для таких, если человек не циник хоть немного – он чужак и даже примитивен в их глазах априори. Лишь такое поведение с «кодексом чести» в виде вездесущих критицизма и цинизма – бонтон. Человеку свойственна сентиментальность и нечего её пугаться, ибо ничего плохого в ней нет. Но она, увы, не в моде, - сухо проговорила Настасья.

Её не удивили неожиданные выпады Аглаи, знакомые ей, но возмутила их навязчивость, как и последующее неременное одобрение Маргариты.

- Хорошо, когда мы имеем свободу мнения, - примиряюще произнесла Израсцова, метая взгляды с одного собеседника на другого.

- Смотрите по утрам на Утреннюю звезду. Прочувствуйте её холодную неодолимую красоту, - сказала вдруг Аглая тоном советчика.

- Звезда люциферова не может не быть самой прекрасной, как и женщина, подобная Вам, - с романтическими нотками произнёс Олег.

- Простите, если я была слишком резкой в своих суждениях. Но теперь мне определённо пора. Прощайте! – сказала Настасья, вставая.

- Всего Вам доброго, - в один голос ответили присутствующие.

Олег извинился и направился к выходу вслед за Ртищевой. До тонкого слуха Настасьи донеслись высокомерные слова эсерки, поскольку та не умела разговаривать тихо:

- Нет, с этими монархистами, а тем паче - монархистками, разговор положительно не клеится! Казалось бы, интеллигентная женщина. Но такая ограниченность – уму не постижимо!

По пути к дому Ртищевых, Валет начал бойко сплетничать о том, что сам Савинков некогда был любовником Израсцовой. Мол, изначально очарованная славой террориста номер один, она была счастлива поддаться его ухаживанию, но, после уверяла: «как бы велик он не был, но лишь с браунингом и взрывчаткой, а не в постели...» Якобы ревновала Савинкова к Наталье Климовой³⁵. Повествовал Валет и о том, что Добромислов, действительно, был убеждённым монархистом и правильным офицером, но влюбчивым и романтичным. Эта эсерка свела его окончательно с ума. Теперь требует от него полного подчинения и своим политическим воззрениям. Он собирался было на восток, через вербовочный центр, но она запретила, заявив, что тогда уж – только к Деникину. Но Тимофею хотелось к славному Каппелю. Более

³⁵ Красавица-эсерка, дворянка, любовница Савинкова, в прошлом, возможно, жена экстремиста Соколова-Медведя.

того, по предположениям Олега, Израсцова пытается найти и обезвредить вербовщиков якобы монархически настроенных каппелевцев с помощью любовника. По фривольным замечаниям в адрес эсерки Ртищева предположила, что и он имел любовную связь с ней. Она даже подумала, что он намеренно намекал на это, когда подчёркивал, что Маргарита «из родовитых дворян, но позволяла безродным эсерам учинять вольности с собой. Не женщина, но подлинная шаровая молния!» Тут Олег вдруг оговорился, что он лишь бастард, но не считает это зазорным. Подумав, добавил, мол, и времена не те. Он продолжал что-то говорить о том, что «недавно был в концерте и слушал великолепное исполнение Скрябина» и тому подобное. Долго говорил о философском исследовании последних лет зла в истории. О том, что нынешние философы реабилитируют зло в его «онтологической», по словам Бердяева, свободе. Смерть эстетизируется во всех её проявлениях в формах сочетания Эроса и Танатоса. Тут Настасья не выдержала и вставила, что именно поэтому те самые парадоксалисты и эстеты-провокаторы и есть интеллигенты-самоубийцы, и сейчас их с упоением истребляет дно общества. А «последний сон Раскольникова» воплощается в практику революционного насилия. Обозвала игрища философов божественным оккультизмом вплоть до инфантилизма. Заявила, что русские имеют привычку заигрываться до старости лет, теряя ощущение реальности, занимаясь подменой собственных чувств, превращая своё существование в фарс. Олег странновато покосился на спутницу и продолжил с прежним воодушевлением. Речь его продолжала литься легко и просто, но Ртищева уже не вникала в её содержание. Ей хотелось поскорее добраться до дома и остаться одной. Позади тенью шагал безмолвный Червонный Лоб и ощущение этого было не слишком приятным. Возле квартиры на вопрос Олега о сроке их следующей встречи Настасья холодно заметила, что этого было достаточно, попрощалась с ними довольно сухо и исчезла за дверью.

На другой день, по пути к заутренней, Настасья столкнулась у подъезда их дома с соседями, которых почти не знала. Это были тихие неприметные старик со старушкой. Судя по всему, до Февраля сосед имел неплохие доходы, как крупный чиновник. На сей раз, они оказались необычно взволнованными и разговорчивыми. Ртищеву засыпали вопросами о недавних событиях в доме. «Вас тоже ограбили?» - с трясущимся подбородком прошамкал старик в чухонской шапке с наушниками от ветра. Настасья ответила, что пытались, но у них всё сорвалось. После нескольких сбивчивых фраз Ртищева поняла, что на соседей напали не экспроприаторы, а настоящие грабители в масках. Лишь тогда она поняла о ком идёт речь и попыталась уточнить, как они выглядели. Последовал ясный ответ, что их было двое, один очень высокий и худой, второй, главный, чуть пониже и поплотнее. Его речь была изысканно-вежливой, при том, что он с самого начала демонстрировал им свой револьвер. Убедившись, что брать у них уже нечего, а мебелью они не интересовались, грабители ушли, а через несколько минут соседи услышали на этаже Ртищевых три выстрела и в ужасе остались сидеть за запертой дверью. Оказалось, что с тех пор они покинули квартиру впервые, изрядно оголодав. Настасья солгала, что грабители вошли к ним, но тут другие напали на них и все они скрылись, оставив их в покое.

Ольга Сергеевна Третнёва прошла мимо своего зеркала, не решаясь даже взглянуть в него – уж очень расплнела она за этот проклятый год. Если часть петербуржцев зимой восемнадцатого тощала от недоедания, то Ольга наливалась нездоровым жиром от поедания того, что попадалось, а выбора и, тем паче свежих фруктов и овощей, не было с той проклятой зимы. «Даже лицо обрюзгло, не говоря о шее! - вынесла она себе беспощадный приговор. – Кто худеет от кипятка с сахарином, забелённым молоком, а кто – наоборот... Становлюсь дебелой старухой, рухлядью. Меня постоянно преследует запах прелых листьев. Видимо, этот запах идёт от меня самой. А ведь мне и пятидесяти нет! Увы, пышные блондинки дряхлеют раньше... Борис уже вряд ли захочет ко мне возвращаться. Да и не законный он муж, а так... Ещё и найдёт там себе кого из тех, кто при офицерах ошивается, кто моложе... И как я смогу вырастить нашего с

ним сыночка, когда уже пришлось продать всё самое ценное за сущие гроши? Он думает, как всегда, лишь о политике, а не о нас. Все они, Охотины, такие! Замкнулись на своей политике! Как и мой родной брат со своей благоверной, что буквально свихнулись, услышав о казни Царя. До сих пор пребывают в прострации, а выходя из неё на минуты, нападают на меня, ругают за то, что я не приучаю сына ни к выстаиванию служб, ни к почитанию Царской Семьи. Если с верой ещё могу их понять, но не хочу вынуждать чадо своё посещать храм, то культивирование верности Царю в наше время... Не абсурд ли? Я же сама Николая никогда ни во что не ставила и – правильно. Сам Он во всём случившемся и виновен. Но Борюшка отправился на Волгу бороться с узурпаторами. И это достойный шаг для человека с большими печенью и почками и в летах. Утешаю себя тем, что мой мужчина не лежит в больнице со своими недугами, а будет скорее ранен, что более достойно и поднимет его в собственных и моих глазах. Всё в прошлом. И былая слава моего салона. Уж никогда не огласит эти стены милый фальцет Коки Врангеля! Всё кануло в Лету. Ничего доброго ждать не приходится. А правильно ли я поступила, что сдала часть комнат, а иные и даром отдала, предупреждая грозящее уплотнение? Ведь не каждого уплотняют... Зато хоть люди приличные – из былых посетителей салона».

- Мама, а когда люди начали строить железные дороги? – раздался рядом милый голос шестилетнего сына, катавшего по полу деревянный паровозик.

- Давно, Орест. Помнишь я тебе рассказывала о Наполеоне-завоевателе? После него вскоре – почти сто лет назад, первый паровоз забегал по Англии.

- А электропоезд?

- Может быть тоже в Лондоне, в Англии. А в России вести первую линию начали совсем недавно от столицы, от нас, до Петергофа, правда успели лишь до Стрельны... Началась война.

По коридору прозвучали грузные шаги, заставившие запеть старый паркет. «Опять он идёт мочиться! Ну сколько можно! И ночами меня будит. И на нём ещё мягкие тапочки. Тоже отнюдь не худеет от новой большевицкой диеты, чёрт бы его побрал! Ну да ладно. Видно, он болен. Лучше приживалы, чем вселённые «товарищи», - подумала Ольга, которая уже и не была рада своим квартирантам – старому знакомому профессору философии, бывшему завсегдаем её либерального салона, а также и вечному студенту, который и раньше был склонен пить, а оказавшись вдруг в её квартире, резко спился окончательно и не мог больше платить за постой. Выгнать же его она не решалась, как и делать замечания пожилому профессору за его тяжёлую поступь. Ольга рассеянно, по давней привычке, взяла в руки телефонный рожок и готова была произнести обычное ещё недавно: «Барышня соедините со сто двадцать первой, будьте добры». Но ответом была давящая тишина, звучащая из трубки.

3. Череда мрачных событий на заре братоубийства

Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой,
Завидна смерть за честь родного края!

Великий Князь Константин Константинович о любимых им кадетах, предчувствуя их роль в будущих испытаниях

Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы.

Генерал М. Алексеев

Мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов³⁶.

М. Булгаков о Белом движении

Один из самых старших братьев Охотиных – Глеб в начале осени 1918 года задумчиво сидел за своим столом при штабе генерала Деникина и размышлял над очередной загадкой утечки информации к противнику. Опять вовремя узнали о готовящемся рейде в красные тылы и не пропустили отряд особого назначения! Глеб Гордеевич который раз упорно перебирал по памяти всех офицеров, кому было известно о готовящейся операции, и решительно ни на кого из них не мог бросить тень своих подозрений. Не поворачивался язык усомниться в ком-либо из отважных и честных людей! Но факт оставался фактом. А с другой стороны: слишком уж много в рядах добровольцев было офицеров, настроенных отнюдь не на восстановление Империи и самодержавия... Кто знает, что можно ожидать от таких? Печальнее всего, что и сам Деникин явно склоняется к республике, несмотря на его безукоризненную порядочность во всём. Глеб отвлёкся на стопку свежих документов: «Так... приказ Петровского о заложниках. Декрет о красном терроре... Хвала Всевышнему, что я рискнул тогда, и как можно скорее, бросить всё и отправиться на юг вместе с семьёй. Как бы я мог работать здесь, не зная, что там в Москве с моими?» Из-за дверей всё громче доносилось громовым басом: «Фульгент!» «Масть!» - перебивал его скрипучий самоуверенный голосок. «Ну и сильна же карта, чёрт подери! Объявляю каре³⁷!» Глеб Гордеевич раздражённо прикрыл дверь плотнее: «Бездельничают, словно наши дела прекрасны, словно не грозит нам нашествие противника несопоставимо более многочисленного, с неиссякаемыми источниками боеприпасов! Не могу понять таких офицеров: абы затишье выдалось – сразу в кабак, а если такового нет – за карты. Впрочем, они прошли через такие испытания... Рано, или поздно нервы сдадут у каждого. Но уж штабным-то подобало бы сидеть над картами топографическими... Неспроста же нынешние игральные были изобретены французскими придворными для развлечения слабоумного Шарля VI, прозванного безумным и усердно губящего свою страну³⁸. Допетровская Русь была мудрее и за азартные игры тогда сурово карали – кнутом при Алексее Тишайшем секли, пальцы рубили. В Галантный век уже только батогами били, сажали и штрафовали. Елизавета стала различать азартные и коммерческие игры. Последние были дозволены в высшем свете. С одной стороны, логично было позволить играть богатым, ограничивать бедных, чтобы всего не лишились... Со времён Екатерины Великой начали играть и вовсе по-крупному, а о наказаниях позабыли. Всё зло проистекает из кругов высших. Всё же Деникину подобало бы воскресить порядки доекатерининские...»

Столь отчаянное решение – броситься на юг вместе с женой и пятилетним сыном, стало для Охотина очевидным после того, как он увидел, что по древней столице и Кремлю молотит большевистская тяжёлая артиллерия вплоть до восьмидюймовок, разносящих бесценные сокровища зодчества в прах. Глеб вспоминал рассказы офицеров, бывших тогда в Питере: *«В те чадные дни октября семнадцатого из Петрограда донёсся слух, что там разгромлены все военные училища, а во Владимирском училище уцелело лишь четверо юнкеров. Керенский вызвал юнкеров для сохранения своей власти и собственной безопасности, но поняв, что это*

³⁶ Вне сомнений, Булгаков утрирует: в офицерских низах было много и монархистов. Но в руководстве засели более левые. «Среди собравшегося на юге офицерства не менее 80% были монархистами» (Милуков П.). Если поставить вопрос, что несли белые России в смысле государственного строя, то ответ можно вполне дать словами Деникина: «Конституционную монархию, возможно, наподобие английской».

³⁷ Каре объявляют из 4 карт одной масти. В особых случаях – из 5, если с джокером.

³⁸ По более достоверной информации, игральные карты появились на 2-3 века раньше в Китае и дошли до Европы после Крестовых походов.

не удаётся, позорно удрал, бросив на произвол судьбы юнкеров и немногочисленных представительниц Батальона смерти³⁹. Женщины, инвалиды-патриоты и отроки – больше никто не пришёл защищать сомнительных деятелей новорожденной российской демократии⁴⁰. Главе правительства предложили американский мотор со звёздчато-полосатыми флагами, которые спасли драгоценную жизнь этого фигляра. Ведь многие на Керенского искренне молились, усматривая в нём российского Наполеона. Матросики пытались остановить авто, но стрелять не решились. Савинков тщетно пытался убедить казачьи полки выйти на помощь Временному правительству. Ушли обе сотни уральцев, поговаривая: «Мы-то думали Царский дворец, тут с образами защищают – жилище Царское, а там детей, да баб нагнали, жидовни полно... не сурьёзно». Командир Третьего конного корпуса Краснов, который участвовал и Корниловском походе на Петроград, после «гатчинского сидения» вновь пошёл на столицу. Рассказывают, что в Царском Селе в окружении Краснова появился комиссар Временного правительства Савинков в элегантной спортивной одежде и предложил Краснову арестовать Керенского, взять на себя полное командование и атаковать столицу немедленно. Керенский появился в авто с двумя разодетыми дамами и начал привычно толкать речи с истеричными нотками в адрес стрелков гарнизона. Но казаки не пожелали слушать демагогию краснобая. Керенский засел на радиостанции и стал рассылать речи и призывы. А питерские юнкера с нетерпением ждали Краснова. Они сумели захватить Госбанк и телефонный узел и на этом их силы иссякли. Через день юнкеров окружили в зданиях военных училищ, по которым стали лупить из пушек и пулемётов. Юнкерам предложили сдаться и обещали распустить по домам. Юноши поверили на слово. Большевики тут же перестреляли часть юнкеров. Сотни юнкеров были арестованы и, в качестве заложников, посажены в Петропавловскую крепость и Кронштадт. Говорят, что полегли до 800 мальчиков, старшим из которых было по двадцать... Днём позже, на Пулковских высотах около 700 казаков Краснова, столкнулись с десятью тысячами солдат Петроградского гарнизона, балтийских моряков и красногвардейцев. Пробольшевицкие железнодорожники не давали пробиться эшелонам корпуса генерала Шиллинга из Невеля, стремящимся помочь казакам. В очередной раз всё сложилось роковым образом. А когда морская дальнобойная артиллерия стала бить по Царскому Селу и царскосельские полки потребовали от казаков прекратить борьбу, артиллерийский склад отказался выдавать Краснову снаряды, и тогда он решил отступить в Гатчину. Но Пётр Краснов – участник трёх последних войн, если рассматривать подавление Боксёрского восстания, как войну. Донец Краснов знал, что тот бой не выиграть никак, – рассуждал далее Глеб, теребя аккуратно подстриженную бородку. – Пётр Николаевич – большой романтик, но поверил в сфабрикованную напраслину на Царя, стал даже конституционалистом и хотел посадить Михаила Александровича... Господь ему судья. Там, в Гатчине, вокруг Керенского собрались социалисты. Из Пскова прибыли Чернов, Станкевич, Войтинский, которые советовали Керенскому назначить, на случай своей гибели, преемником Авксентьева. Краснов, немало раздражённый дерзостью этих побитых социалистов, обратился к казакам, возбуждённым видом наглых предателей: «Не нам судить Керенского. Пусть большевики сами с ним

³⁹ В то время как большинство бочкарёвцев воевало на фронте, 2-й женский батальон, состоящий из отчисленных «легкомысленных особ», был проинспектирован Керенским, который отобрал для охраны Зимнего одну роту. Отобранных для защиты дворца женщин отвели в домовую церковь Зимнего, где священник благословил их на подвиги. Ударницам батальона велели идти в атаку. На них обрушился град пуль, и атака быстро захлебнулась. Им приказали сдать оружие и идти в казармы. По дороге толпа оскорбляла, идущих под конвоем женщин, требовала их смерти. Впоследствии трупы нескольких десятков защитниц Зимнего дворца находили в петроградских каналах. Некоторые были раздеты, изнасилованы и, при посредстве воткнутого в них штыков, посажены вертикально на баррикады. Мстили те, кто знал, что бочкарёвцы, по приказу Корнилова, ловили за дезертирство.

⁴⁰ Временное правительство пытались защитить сорок георгиевских кавалеров под командой одного штабс-ротмистра на протезе, юнкера и ударная рота Женского батальона. В ходе Февральского переворота сопротивление было куда сильнее и жертв больше: погибли 1433 полицейских, жандармов и офицеров, сохранившие верность присяге (Солженицын А. Красное колесо).

и разберутся». Верховному оставалось бежать очередной раз. Молодая дама раздобыла ему женскую одежду и благополучно довела свою «мамашу» до мотора, спрятанного в парке⁴¹. В Пскове бывший глава правительства узнал о том, что казак Краснов, глубоко его презирующий за предательство Корнилова, постарался разослать по всей армии телеграмму: «Верховный позорно бежал, предательски бросив нас». Генерал Черемисов помог Керенскому перейти линию фронта и скрыться. Поговаривают, что Керенский смекнул, что всё идёт к развалу и успел перевести на свой счёт в зарубежные банки кругленькую сумму из государственных денег. Керенский ничем не лучше большевиков. Именно он предал сначала Корнилова, а затем и Краснова, предупредив большевиков о намерениях казачьего командира. Скорее всего Керенский был наймитом⁴² западных держав. Гатчину наводнили агитаторы, и казачье настроение сильно сдвинулось в пользу большевиков. Краснова арестовали, отвезли в Смольный, но вскоре выпустили, поскольку пока ещё боялись портить отношения с Доном. Да и кормить всех пленных казаков Краснова было нечем. Не озверели ещё тогда, как за лето восемнадцатого. Сейчас бы перебили всех донцов – и дело с концом. Ленин пребывал в крайнем нервном возбуждении и справлялся, нельзя ли ввести дредоуты в Неву для защиты Петрограда? «Не пройдут – мелко» - заключили люди компетентные. Этот изверг готов был палить по столице из тяжёлых корабельных орудий».

Мысль Охотина перенеслась к наиболее тягостным событиям: «Уже к вечеру 25 октября семнадцатого года в Москве знали о перевороте в Питере и сразу же началось заседание Московской городской думы, на котором гласные постановили, что Московское городское самоуправление ответит на захватную политику Советов рабочих и солдатских депутатов. Фракция большевиков покинула заседание Думы. По решению остальных фракций из представителей меньшевиков, эсеров, кадетов и других партий был создан Комитет общественной безопасности, под началом городского головы эсера Вадима Руднева и командующего войсками Московского военного округа полковника Рябцева. Комитет мог опираться на офицеров, в числе которых оказался и Глеб с братьями своими Аркадием, Петром и Сергеем, и около 15 тысяч юнкеров. Московские Советы избрали свой боевой центр - Военно-революционный комитет для «организации поддержки» вооружённого выступления в Петрограде. На сторону большевиков перешли «двинцы» - солдаты-арестанты, отказавшиеся идти в наступление на фронте. Моссовет освободил наглых смутьянов. Офицеров возглавил начальник штаба Московского военного округа полковник Дорофеев. Теперь силы сторонников Временного правительства составляли около 300 человек, включая офицеров, не нюхавших пороха юнкеров и студентов⁴³. Позже к ним присоединились несколько бывших солдат женского батальона. «На что они могли рассчитывать такими силами? Те самые, упомянутые самодовольным Комитетом, 15 тысяч юнкеров были рассеяны по квартирам, или были даже вне города, - недоумевал Глеб. – А нас, фронтовиков, рассеянных по Москве, оповестить было практически невозможно. А кто и знал о готовящемся восстании, сомневался, а стоит ли помогать тем же левым? Мы, Охотины, оставались вне событий, и примкнули с опозданием на день. Иначе бы каждый Охотин влился в ряды восставших! Но и единодушия в поддержке Временного

⁴¹ По иным источникам Керенский бежал, переодевшись матросом и в шофёрских очках.

⁴² Более того – большевики позволяют безнаказанно уехать и семье Керенского. С 1922 по 1932 г. он выступает с резкими антисоветскими лекциями, а в 1941 г. Керенский публично приветствует нападение Германии на СССР. В 1951 г. он пророчит новую мировую войну, в которой Америка, как он надеялся, победит. И этот человек, будучи у власти, с пеной у рта, кричал с трибун о своей преданности России!

⁴³ В Москве в те дни находилось около 30 тыс. офицеров. Но для них полностью отсутствовала ясная цель борьбы. Только что Керенский с помощью большевиков подавил выступление Корнилова, которому сочувствовали все честные офицеры. Теперь им предлагалось защищать то ли Керенского, то ли большевиков. При этом господствовала уверенность, что долго большевики не удержатся. Происходящее выглядело скорее, как смена временщиков и авантюристов у власти, чем как необратимый переворот. Неудивительно, что в борьбу включилась лишь горячая молодежь.

правительства с нашей стороны они получить не могли. Помимо нас, среди офицеров были и другие монархисты. Именно в те дни «Добровольческий отряд студентов» получил название «белая гвардия». Кажется, в качестве реминисценции событий пятнадцатого века: коль одни стали как бы Алой розой, то должна появиться и Белая, в пику размахивающих кумачом. Так что, «белые» и «добровольцы» прозвучали гораздо раньше появления формирований юга России. Храбрый полковник Владимир Фёдорович Рар, ветеран двух войн, организует оборону казарм Первого кадетского корпуса в Лефортово силами кадетов старших классов. Юнкера успешно атакуют отряд солдат-«двишцев», захватывают почтампт, телеграф и телефонную станцию. Москва пала не столь быстро, как развращённый пропагандой Питер. Оружие хранится, в основном, в кремлёвских арсеналах под начальством большевицкого прапорщика Берзина, но все подступы к Кремлю быстро занимают юнкера во главе с Рябцевым. На другой день Рябцев по телефону требует от Берзина сдачи Кремля, и он был оставлен напуганными большевиками. Пулемётной роте в Кремле было предложено сложить оружие. Пара выстрелов из миномёта ускорили сдачу. Толпа любопытствующих отливает от Спасских ворот и в Кремль входят две роты юнкеров во главе с полковником Пекарским. (Через пару дней его закололи штыками). Солдаты видят, что юнкеров мало и совершают попытку вновь овладеть оружием. Неизвестный пулемётчик открывает огонь - многие солдаты убиты и ранены. Восставшие против Советов, овладевают арсеналом Кремля. Улицы Москвы пересекают окопы и баррикады – идёт бой за овладение центром города. У восставших орудий нет. Ярость повстанцев подогревает слух о том, что в Питере большевики творили зверства: расстреливали толпы, а Павловский полк поголовно изнасиловал ударниц Батальона смерти, защищавших Зимний. Одна ударница покончила с собой. Рябцев⁴⁴ пытается убедить Революционный комитет сдаться, но, объезжая военные училища, неожиданно уговаривает юнкеров и офицеров не продолжать вооружённую борьбу. Это вызывает недоумение и возмущение военных. 29 октября большевистская артиллерия начинает обстрел восставших районов, а также Кремля. С Воробьёвых гор по Кремлю отчаянно бьёт из трёхдюймовок и тяжёлых орудий Украинский тяжёлый артиллерийский дивизион. На Швивой горке установлены два 48-линейных орудия, ведущие огонь по Малому Николаевскому дворцу и Спасским воротам. Батареи, установленные у Бабьегорской плотины между Крымским и Каменным мостами, палят по кремлевской стене, выходящей к Манежу. Они пытаются пробить брешь у Троицких ворот. Со времён вторжения французов такого не творилось в древней столице! Да, что там! Тогда её жгли, но не обстреливали из пушек... После залпов было заключено перемирие. Обе стороны тянут время, надеясь на подход лояльных военных частей. Через день большевикам капитулируют два кадетских корпуса и, оставшееся без еды, Алексеевское училище в Лефортово. К моему стыду, я нахожусь в тот момент в стороне, а не в числе офицеров при юнкерах... На помощь повстанцам на Брянский вокзал⁴⁵ прибывает ударный батальон в 155 человек. Это настораживает большевиков. Возле памятника Пушкину устанавливаются орудия и прямой наводкой разрушают дом князя Гагарина, находившийся на углу Тверского и Большой Никитской, приспособленный восставшими для обороны. Однако захватить площадь Никитских ворот большевикам не удаётся. Под гул канонады Церковный собор ведёт спор о восстановлении патриаршества, а колокол Ивана Великого тоскливо позванивает от попадавших в него осколков. От Собора в Революционный Комитет направляется процессия: два крестьянина с белыми флагами, митрополит Платон и несколько иерархов. Они просят прекратить обстрел Сердца России. Большевицкие патрули останавливают их с площадной бранью. Но

⁴⁴ Милюков писал о Рябцеве, как о неврастенике, не способном распоряжаться, страшно боявшемся оказаться привлечённым к ответственности революционной демократией.

⁴⁵ Ныне – Киевский.

позже Комитет им обещает, что Кремль не будет разрушен⁴⁶. Помнится, как под знакомый шелест летящих над головой снарядов продолжается уличная жизнь: в булочных Севастьянова и Филиппова сходятся кухарки с кошёлками, две барышни с подносами, полными снedyю, приглашают измотанных юнкеров и офицеров «откушать». «Что вы, в самом деле, уходите скорее! Не до еды нам здесь!» - отмахиваются офицеры. Но разочарование девушек столь очевидно, что юнкера не выдерживают и тянутся к бутербродам и конфетам. Возле какой-то разорённой лавки запомнилась куча давленных кульков, картонок, крашенных птичьих клеток, припорошенных мокрым снегом. Слышны разговоры, что генерал Брусилов поведёт переговоры, ведь имя его у обеих сторон пользуется уважением до сих пор. Потом вдруг выясняется, что Брусилов отказался по болезни... Запасы патронов у юнкеров уже на исходе. Училищный лазарет не в состоянии вместить всех раненых. Все уже понимают и чувствуют, что восстание обречено. В Училище прибывает министр Прокопович, который заявил, что положение безнадежно и помощи ждать неоткуда. В ответ раздаются исступленные крики: «Позор! Опять предательство! Они только сдаваться умеют! Мы не сдадимся!» Вперёд выходит молодой полковник, но уже георгиевский кавалер, Хованский. Слова его до сих пор звучат в моих ушах, да и в ушах каждого Охотина, которым я передал их, как и слова полковника, взявшего слово после него. Хованский начал: «Я беру смелость говорить от вашего имени, господа. Никакой сдачи быть не может! Если угодно - Вы, не бывший с нами и не сражавшийся, Вы, подписавший этот позорный документ, Вы можете сдать. Я же, как и большинство здесь присутствующих, - я лучше пуцу себе пулю в лоб, чем сдамся врагам, которых считаю предателями Родины. Полковником Дорофеевым отдано приказание расчистить путь к Брянскому вокзалу. Мы займем эшелоны и будем продвигаться на юг, к казакам, чтобы там собрать силы для дальнейшей борьбы с предателями!» «На Дон! Долой сдачу!» - стены оглашает дружный рёв. Вслед за горячим молодым полковником берёт слово пожилой: «Догадываюсь, господа, то, что вы от меня услышите, вам покажется неблагоприятным и низким. Поверьте только, что мною руководит не страх. Нет, смерти я не боюсь. Я хочу лишь одного: чтобы смерть моя принесла пользу, а не вред Родине. Скажу больше - я призываю вас к труднейшему подвигу. Труднейшему, потому что он связан с компромиссом. Вам сейчас предлагали прорываться к вокзалу. Предупреждаю вас - из десяти до вокзала прорвется один. И это в лучшем случае! Десятая часть оставшихся в живых и сумевшая захватить железнодорожные составы, до Дона, конечно, не доберётся. Дорогой будут разобраны пути или подорваны мосты, и прорывающимся придётся, где-то далеко от Москвы, либо сдать озеревшим большевикам и быть перебитыми, либо всем погибнуть в неравном бою. Не забудьте,

⁴⁶ Узнав о бомбардировках Кремля, подаёт в отставку нарком просвещения Луначарский, заявив, что он не может смириться с разрушением таких художественных ценностей, «тысячью жертв», ожесточением борьбы «до звериной злобы», бессилием «остановить этот ужас». Но Ленин сказал Луначарскому: «Как Вы можете придавать такое значение тому или другому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идёт об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли только мечтать в прошлом?» И Луначарский пишет более политически корректное обращение: «Народ в борьбе за власть изуродовал Москву; непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения в дни беспощадной войны; надежда только на победу социализма, источника высшей культуры, который за всё вознаградит нас». Вскоре Луначарский весьма нелепо в обращении к опоре большевизма - красной гвардии выразил уверенность, что в будущем красногвардейцы создадут доселе невиданные шедевры ослепительной красоты. Троцкий добавил: «Мы скорбим о гибели архитектурных ценностей, но это - следствие борьбы классов; выше всех ценностей на свете свобода угнетенного класса; и когда он возьмет власть, он создаст ценности, которых не знал мир». Позже тот же Луначарский заявил, что скоро город будет превращён в сад... Насквозь пробит главный купол Успенского собора, повреждена и ещё одна его глава. Лёгкими снарядами и осколками изъязвлены стены соборов Архангельского и Благовещенского, разрушено знаменитое крыльцо Благовещенского, истерзаны фрески на его портале, отбит угол колокольни Ивана Великого. В Чудов монастырь попало несколько десятков лёгких и тяжёлых снарядов. Почти не осталось не пострадавшего храма, побиты многие иконостасы. Сразу же началось расхищение алтарей с ризницами. Снарядами исклѐваны стены и башни Кремля, а часы Спасской, которые так приятно вызванивали «Коль славен», были пробиты снарядом и остановились. Икона Николая Чудотворца на Никольских воротах разбита. И перестала быть видна надпись, красовавшаяся на кремлёвских вратах: «Спаси, Господи, Град сей и люди твоя и благослови входящих во врата сии».

что и патронов у нас нет. Поэтому я считаю, что нам ничего не остается, как положить оружие». Одни кричат: «Пробиваться на Дон всем вместе! Нам нельзя разбиваться!» Другие молчат, но ясно, что соглашаются не с первым, а со вторым полковником. Не знаю о судьбе большинства участников Московского восстания. Лишь одного случайно встретил я уже в рядах деникинцев. В Москве особенно пострадало Алексеевское военное училище и кадетские корпуса: не пощадили офицерских детей, отцы и старшие братья которых уже отдали жизнь за Отчизну на фронтах затянувшейся войны, или всё несли свой офицерский крест на фронте в осатаневшей орде, недавно бывшей доблестной Русской армией... Ещё в сентябре семнадцатого, если верить этой газете, Церетели сказал большевикам: «Передача всей власти Советам неминуемо повела бы к немедленной гражданской войне со всеми ее ужасами». «А мы и хотим гражданской войны!» - ответил ему Троцкий... Большевицкие парламентарии намекнули, что не смогут сдержать разгоряченных солдат и рабочих, если те надумают надругаться над жёнами и детьми офицеров и юнкеров. 2 ноября контрреволюционные силы подписали договор о капитуляции. Громят винные склады и на автомобилях разъезжают пьяные солдаты. Распропагандированная толпа требует выдачи «юнкеров и офицерёв» для самосуда. Идёт охота на «золотопогонников и буржуев», как в Петрограде. Но 2 ноября лишь отдельные большевики проникают в Кремль. Окончательно твердыня взята только утром следующего дня. Несколько отчаянных юнкеров продолжают сопротивление, не ведая о приказе о сдаче. Брат Сергей рассказывал, что своими глазами видел, как солдаты выносили из Кремля тело одного юнкера на носилках. Из толпы донеслись возгласы соболезнования в адрес убитого. Кто-то воскликнул о мученической смерти. Солдаты рассвирепели, выбросили тело с носилок на мостовую и сапогами превратили его в кровавую кашу. Неделя столкновений унесла жизни около тысячи граждан с обеих сторон⁴⁷. Руднева и Рябцева арестовали⁴⁸. Жаль, что мне ничего неизвестно о храбром Раре⁴⁹. Как часто встречаются немцы, православные или протестанты, которые оставались патриотами России в Великую войну, а также более верными Престолу, чем многие русские... Им не свойственны наивные и бредовые мечты на тему социальных утопий, а чувство долга, службы, порядка развиты больше, чем у большинства русских. Но какова низость эсеров, которые толкали на выступления столичные юнкерские части! С какой лёгкостью они заключали тут же с большевиками перемирия, отдавая на расправу юношей!

В те дни в Москве должна была состояться концертная программа Вертинского... Певец присутствовал на погребении юнкеров, где я встретил его. Под впечатлением убийства юношей Вертинский написал романс «То, что я должен сказать»⁵⁰. Крыленко приказал расформировать все военные училища страны. Говорят, что Горький был свидетелем обстрела Кремля и ощущал «каждый залп орудий как рану в собственном теле». Плаксив стал и даже, мол, над своими романами слезу пускает. Наверное, осознал свою греховную причастность к

⁴⁷ По другим сведениям, жертв в два раза меньше. Если в Петрограде в течение первой недели власть была сосредоточена в руках большевиков, то в Москве состояние оставалось неопределённым. Скорее всего, не было ощущения того, что власть окончательно переменялась, что позволило провести публичные похороны белых офицеров в районе нынешнего метро Сокол.

⁴⁸ Вадим Руднев после поражения в Москве уехал на юг России. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Константин Рябцев три недели пробыл в тюрьме, после этого был освобожден и продолжал политическую деятельность в партии эсеров. В 1919 г. Рябцев был арестован. Ему вменялось в вину активное выступление против Корнилова летом 1917 г., а также безвольное командование Московским гарнизоном во время восстания большевиков. По пути от следователя контрразведки в тюрьму Рябцев был убит конвоем, как сказано в официальных документах, «при попытке к бегству».

⁴⁹ Владимир Рар пробился из Лефортово к Кремлю, избежал ареста после капитуляции, до января 1918 г. скрывался вместе с женой и детьми в Москве, а в январе сумел вывезти семью в Ригу, которая находилась под контролем немецкой армии. После ухода немцев, Рар принял участие в формировании латвийского ландесвера, составлял планы по отражению вторжения большевиков. Перед тем, как город захватили красные, отправил семью в Германию, а сам продолжил воевать. Заразился сыпным тифом и умер.

⁵⁰ Романс обрёл автора на длительную эмиграцию.

этим ужасам и кается⁵¹». Позже Глеб узнал, что те же дни восстали юнкера в Омске и, спустя месяц, в Иркутске, но их выступления были столь же кроваво подавлены⁵². Казаки подняли восстания в Томске и Красноярске. Финал печальный... Большевики же устроили восстание в Киеве и расстреляли взятых в плен офицеров городской крепости, которую потом осадили юнкера и казаки. Но Рада потребовала, чтобы арестованных большевицких вождей безнаказанно отпустили.

Мысль Глеба перекинулась на, мучившие его державные чувства, недавние отложения, плодящихся, новоявленных республик. «Какой-то бред! За какие-то считанные месяцы после Октября Бессарабию уже оккупирует Румыния. Распад Великой державы с началом правления всех этих проходимцев налицо... Наконец – *Похабный мир*⁵³. В пять недель большевики сбросили с боевых счетов десять миллионов русских штыков, позорно развязав германцу руки на всём Восточном фронте. За долгожданным, казалось бы, миром очевидна необходимость группы изменников Родины расплачиваться с финансирующей их Германией. Для масс же прозвучало желанное слово «мир» и без кабальных условий⁵⁴. Надолго ли мир? Понять тёмный народ до какого-то предела можно – война замутила всех. Говорят, что «левые коммунисты» Бухарина предлагали продолжать войну, а Троцкий выбрал промежуточный вариант – «ни мира, ни войны». Мир не подписывать, но и не продолжать боевые действия. Видимо, Ленин был больше прочих связан с немцами и отстаивал подписание мира на любых условиях, а вслух – «без аннексий и контрибуций». Мир «демократический и всеобщий» подписан товарищами Иоффе и Каменевым – словно насмешка над державностью... Позже герр Гофман заявил, что освободить ни пяди оккупированных земель Германия не собирается, поскольку народы запада бывшей Империи вовсе не хотят жить в составе большевистской России. Узурпаторы власти приуныли, но продолжать войну они не могли ни технически, ни политически. Армия к концу года почти разбежалась. Ведь большевики только что призывали солдат брататься с врагом и заявляли, что война ведётся для обогащения буржуев. Большевики стали затягивать переговоры, надеясь, что предложенные ими усилия не напрасны и в Германии вот-вот грянет революция. Немцы перехватили радиобращение из Петрограда к солдатам Германии с призывом создавать Советы, убить кайзера с генералами. Вильгельм рассвирепел и велел немедленно прекратить переговоры. Выбора у новой власти не оставалось⁵⁵.

А чего стоит каждое начинание проклятых большевиков! Те же их чёртова новая орфография и гнусная подмена календаря! Как недавно возмущался мой денщик: «И численник они исправили, то бишь – испортили. И как нам святых поминать? Путаемся. Глядишь - скоро

⁵¹ В своих публикациях Горький даже смело заявил, что «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти; слепые фанатики, бессовестные авантюристы; считают возможным совершать все преступления вроде разгрома Москвы, уничтожения свободного слова, бессмысленных арестов; на шкуре рабочего класса Ленин производит некий опыт».

⁵² Восстание в Иркутске было более массовым. Большевики захватили тогда власть и в Гомеле, и в Харькове, а также в Курске, Воронеже, Саратове и Ташкенте.

⁵³ Государь высказался по поводу мира с большой грустью: «Это такой позор для России, и это равносильно самоубийству! Я бы никогда не поверил, что император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этим негодяям, которые предали свою страну. Но я уверен, что это не принесёт им счастья и это спасёт их от гибели!... Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени!» (Дневники Александры Фёдоровны).

⁵⁴ Левые эсеры возмущались, что большевики обещали заключить мир с германским революционным народом, а не с Вильгельмом, но – лгали. Ленин заключает с Вильгельмом Похабный мир за счёт России. «Он на коленях, как холоп, преподносит кайзеру целые губернии и миллионные народы». Предательство Ленина, поведшего себя беспринципнее всех прочих большевистских вожаков, начиная с его призыва к поражению в войне, преподносилось для целых поколений, изучающих историю СССР, как мудрейший шаг доброго дедушки Ленина, который очень любил детей и ненавидел войну. Умалчивалось, что он желал России быть разбитой и выпячивалось его детище, звучащее столь выгодно, особенно тогда - «Декрет о мире».

⁵⁵ Вскоре, после подписания перемирия между союзниками и Германией, советское правительство объявляет об аннулировании Брестского мирного договора.

новые буквы и язык новый выдумают». Для того всё и затеяли эти христопродавцы! Во что они хотят превратить русский язык, весь образ жизни?! Право, за всем этим непременно стоит кто-то, ненавидящий русскую культуру, желающий её уничтожения. Но и иные наши офицеры ещё в пятнадцатом одобрили моду на сокращенные выражения, как «начдив», вместо «начальник дивизии» и «комкор», вместо «командир корпуса». Когда Глеб впервые осознал, что твориться под боком у них в самой Первопрестольной, с каким беспощадным чудовищным внутренним врагом они имеют дело, он сразу же решил бежать на юг, где собирались честные оппозиционные патриотические силы. Помочь сопротивляющимся новой власти в самой Москве уже не представлялось возможным. «Если уж Корниловский «мятеж» и Поход Краснова захлебнулись... *Оказывается честные военные пытались ещё создать и сводный отряд Врангеля, чтобы бросить его на Петроград... В самом конце прошлого года Черноморский флот разразился зверским истреблением своих офицеров вслед за Балтийским*⁵⁶. А каков иезуитский ход этих изменников – их «декрет о земле»: помещичья собственность отменяется немедленно без всякого выкупа; все имена, также и церковные, монастырские, передаются волостным земельным комитетам вплоть до Учредительного». На деле это означает передачу земли без закона, без плана, без власти и неизбежно приведёт к конфликтам между деревнями. И ни единый крестьянский депутат не участвует в этом земельном обмане! Этим они подкупают крестьян, а следовательно, и большинство солдат. И тридцати сребреников им не надо. Деньжат у них хватает. Государь просто не мог победить в борьбе со столь низкими людишками. Такие всегда перехитрят! Да и эсеры ничем не чище. Чего стоит заявление Климущкина из Комуца - большевицкая власть «немедленно приведёт к монархизму или германскому засилью. Так как... монархизм не имеет под собою в России почвы и может появиться только при помощи немецких штыков». Откровенный казуистическо-политический бред!

Чем, как не гражданской войной можно назвать все эти события? Пока почти незаметно, но уже с осени шла Гражданская война. Уже в декабре на юге шли боевые действия Алексеевской организации против большевиков. Удалось отбить Ростов, - размышлял Глеб, всё больше распаляясь. – На теле распавшейся Империи плодятся какие-то непонятные новообразования – что гнойники: *Временное Терско-Дагестанское правительство, Кокандская автономия, Донецко-Криворожская Советская республика, ставшая вскоре Народной республикой Петлюры, Одесская и Ставропольская Советские республики, Горская, Белорусская и Бессарабская республики. В Севастополе ненадолго были провозглашены Советская социалистическая республика Тавриды, Кубано-Черноморская республика и Балтийское Герцогство, Амурская Трудовая Социалистическая республика.* Да и Временное Всероссийское правительство – очень уж левая Уфимская директория - ничуть не лучше. Даже казачьи государственные образования не могут порадовать: республики Кубанская, Терская, Уральская, Донская⁵⁷ – лишь бы отмежеваться и отстаивать свои узкие интересы! Безумие – ведь большевикам нужны и их земли!»

Немного претило воспоминание о том, что любимая жёнушка его, мудрая Феврония, имела столь неприятную внешность, что именно благодаря этому обстоятельству, их пронесло тогда в поездах, при проверках большевиками. Но проверяли тщательно обычно лишь

⁵⁶ Офицеров флота пытали и топили десятками. Большевики люто расправились с контр-адмиралом Щастным только за то, что он спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре. О подвиге выдающегося флотоводца и его моряков писали газеты всего мира. Щастный был расстрелян большевиками руками команды из китайцев.

⁵⁷ В ходе распада Российской Империи и Гражданской войны были провозглашены несколько новых независимых казачьих государств: Сибирско-Семиреченское, Забайкальское, возникло новое Енисейское казачье войско на основе Енисейского казачьего городского полка, а также Ефратское казачество, в основном из армян и персов, на основе шахских казаков, и Башкирское.

синие - перво- и жёлтые - второклассные вагоны. Отсидеться в теплушках, как правило, было куда безопаснее. Правда, их «демократическая» теплушка, отходящая от Москвы, была так набита, что двигаться было совершенно невозможно и длинное крупное тело Глеба мучительно затекало. Голова засыпающей жены всё чаще падала на его плечо, а спящий сын, изрядно придавил колени. Ягодицы затекали от, врезающегося в них, края полатей, поскольку за спиной были спрятаны их пожитки. Кислый сизого оттенка паровозный дым отравлял дыхание. Но и контроль в переполненном вагоне был невозможен: разве что всех пришлось бы выгнать наружу. Даже билеты никто не проверил. Среди теплушечной публики никто не пытался выделить ни бар, ни буржуев. Все воспринимались своими, и никто не боялся ругать большевистский произвол на все лады. Чахлая электрическая лампочка, свободно раскачивающаяся под потолком, не позволяла толком разглядеть лица. Глеб старался молчать, чтобы не выдать себя речью человека образованного. Одежду же, он предусмотрительно выменял у спивающегося от безделья соседского дворника, который был не слишком занят с развалом былых порядков. Народ вёл себя в поезде совсем иначе, не как раньше. Если до войны проходили по коридорам деликатно тихо, стараясь не будить окружающих, то теперь вокруг галдели, харкали и рыгали совершенно оглушительно. Стоял тяжёлый дух сапожного крема с портянками, пота и густой отрыжки. Тянущиеся до бесконечности, беседы иной раз забавляли Глеба, который не мог заснуть: «А что все вы на нас, на матросов киваете, - защищался человек в тельняшке от нападок крестьян. - Посадили мы их, сами и сбросим. И нам большевички уже глаза мозолят. Думали они - свои, а оказалось – одни жида». «Жили бы по-старому – тишь, да гладь была. Не тужили. Вы воду замутили, матросы», - вздыхала толстая тётка. «Ты, мамаша, енто брось. При царском режиме не продохнуть нашему брату было. Ахвицера нам чуть-что – зуботычины. Хенералы все неудачи на фронтах подстроили. Хотели побольше нас, пролетариев, перебить. Сами выберем новое начальство, но войны боле не допустим!» - огрызнулся матрос. «Нас, крестьян поболее будет. Шо вы там – матросы. Мало ли кто чем недоволен? Был Царь и порядок был. Был Николаша - имели хлеб, щи, да кашу, как г-рится. А теперя придёт какой комиссар, да и отымет запас хлеба твой до весны – хучь подыхай. Мы хотим всё по-старому и точка!» - ворчал седой бородач в тулупе на голое тело. И такое вялое переругивание тянулось всю ночь. Вдруг какой-то корпулентный пассажир неизвестного звания начал: «А помните, как до семнадцатого года было? Даже и во время войны, совсем недавно? Вокзал - буфетный зал, буфетная стойка - блюда с макаронами, сосисками и котлетами, кофе и пиво, девицы в чистом, тщательно выглаженном белом с синими полосками переднике, разносят напитки. Особенно радовало – клади себе сколько хочешь в свою тарелку – ешь, как на убой. Теплушка для солдат, для молодёжи – ладно. Они себе в засаленные картишки режутся, но был и классный вагон с холёным машинистом в форменной царской фуражке». «И шо ты заладил? За контрреволюцию агитируешь, гад? Давайте, братцы, ссодим его! Всех вас, мерзавцев, перестреляем, дай срок! Покуражились над нами, бу-ит», - набросился на него чахлый тощий солдатик и говоривший сразу же сжался в комок. Но никто не поддержал крикуна, и солдат сразу затих.

«По соглашению с Керенским, генерал Алексеев вновь принял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. Но цель теперь у него была одна - спасти Корнилова и других быховских узников от расправы. Когда угроза расправы миновала, и узники спаслись, Алексеев сложил с себя полномочия Верховного. Пытается теперь искупить свои грехи тяжкие пред Государем, которого предал, будучи обманутым опытными интриганам. Ощутил груз греха в полной мере, - размышлял Глеб Охотин далее. – Но болен Алексеев и слаб, да и можно старику всё простить за его патриотизм. А склонность к вере в напраслину на Царя своего предопределена происхождением генерала. Но как мерзавцы-политиканы сумели ловко само появление Распутина обыграть! Простой мужик стал козырной картой закулисных игр, позволивших дискредитировать в глазах масс Царскую Семью! А сколько умных образованнейших

военных смутили! Того же Алексеева в свои ряды разрушителей втянули! Многие генералы стали считать Государя виновником всех бед, военных неудач. Но ведь это не давало им право нарушить присягу – клятвенное обещание пред Крестом и Евангелием! Такое нарушение есть ничто иное, как клятвопреступление! Даже, если бы выполнение присяги было очевидно безнравственным, и то следовало бы потом грех замаливать...»

Глеб тряхнул головой, отбрасывая мучительные мысли: «До какой низости падения дошли русские: после растерзания толпой неподкупного генерала Духонина, Верховным Главнокомандующим числится безграмотный прапорщик Крыленко⁵⁸! Жалкий «верхопран». Подобное назначение – апофеоз позора, до которого дошла русская армия. Впрочем, и назначение Керенского Главковерхом стало стыдом для нашей армии...» Глеб слышал и о жутких подробностях убийства сильного в стратегии и тактике генерала: *Духонину нанесли до сотни иштыковых ранений, труп обмочили, обгадили и швырнули в грязь. Лишь после этого излишне щепетильные заключённые в Быхове окончательно решаются на побег. Не видя своей вины перед государством, до последнего надеялись они на законность и не желали бежать из заключения до суда. Уходят они разными путями, чтобы запутать преследователей, но все страстно желают присоединиться к Каледицу на Дону. Генералы Деникин, Марков, Романовский сумели переодетыми добраться до Новочеркаска поездом, а Корнилов пробивался на юг с несколькими эскадронами текинской конницы. К стыду основной массы русских солдат, Дикая дивизия из туркмен и горцев дольше оказалась верной своему доблестному прошлому.*

В который раз Глеб вспомнил, как тепло приняли его отцы Добровольческой армии и всё - благодаря Корнилову. В суровые холодные ночи Ледяного похода Лавр Георгиевич однажды рассказал о своём переходе в более, чем тысячу вёрст из Быхова на Дон. *Текинцы приходили в изнеможение от морозов с гололедицей и бессонных ночей. Коня шли всё с большим трудом, иные отставали, калечили ноги. Поначалу многие закалённые офицеры, прошедшие войну, от всех природных и человеческих преград и опасностей похода во главе с любимым вождём испытывали лишь некий душевный подъём. Но с каждым днём их настроение падало. На седьмой день похода крестьянин, вызвавшийся добровольно проводить их через железнодорожный узел, навёл текинцев на большевистскую засаду. Когда беглецы поравнялись с опушкой леса, их встретил ружейный залп почти в упор. Полк быстро отступил, но на станции Песчаники их встретил бронепоезд с пулемётами и орудиями. Головной эскадрон ускакал, потянув за собой весь полк, но один эскадрон был окружён и разоружён большевиками. Долго собирал Корнилов рассеявшийся полк. Текинцы, толком не понимавшие что творится вокруг, находились в большом волнении. Они были по-прежнему преданы генералу, но всё это оказалось выше человеческих сил. «Ах, бояр! (так текинцы доверительно звали офицеров) Что мы можем делать, когда весь Росыя – большевик», - говорили они офицерам. Текинцы пали духом и вели разговор о том, что они окружены, и пора бы сдаться большевикам. Подполковник Эргардт возразил, что в таком случае большевики расстреляют «бояра Корнилова». «Всадники» (так называли они себя в Дикой дивизии) ответили, что они такого никогда не допустят, но продолжали твердить о необходимости сдачи. Старая привычная и понятная Россия рушилась на глазах и весь этот хаос мог загнать в тупик самого отважного воина. Лавр Георгиевич вышел к текинцам, взобрался на пень и обратился с речью на их родном наречии: «Туркмены! Вы дали мне слово доставить меня на Дон, а теперь хотите сдаться без боя врагам Родины - большевикам, то есть хотите выдать меня. Этим вы покрываете себя позором. Туркмен, изме-*

⁵⁸ Прапорщик Крыленко, известный по 1905 году товарищ Абрам - сын мелкого чиновника в Люблине, физический и нравственный урод. Будучи сыном крещённого еврея, отличался жестокостью гонения бедных еврейских детей, когда евреев переселяли из приграничной полосы. Казусы, напоминающие некоторых приспешников Гитлера – закамуфлированных евреев-полукровок, готовых уничтожать своих, для своего спасения.

нивший своему слову, заслужит презрения своего народа. Печально сложились обстоятельства, я не хочу навлекать на ваши головы бед, но как честный солдат, не хочу погибнуть от дезертира. Убейте меня сами. Я вот здесь один стану перед вами, а вы расстреляйте меня». Потянулась томительно долгая минута. «Нет, бояр, ты должен жить! Веди нас, мы идём за тобой!» - закричали в рядах. Тогда Корнилов вскочил на коня и крикнул: «За мной, вперёд!» И текинцы, все как один, поскакали за генералом⁵⁹. После четырёхсот вёрст сквозь позиции, занятые врагом, который всё чаще выставлял заслоны и засады, Лавр Георгиевич решил расстаться с текинцами и дальше пробираться одному. Но как сказать об этом текинцам? Ведь они решили умирать до единого, но командира не выдать. Корнилов заявил, что он поедет на разведку с двенадцатью текинцами. Генерал переоделся в туркменский костюм и расстался со своим преданным полком. Отъехали немного и тогда Лавр Георгиевич сказал своим спутникам правду. Сели текинцы и генерал в круг, по магометанскому обряду совершили напутственное моление, пожелали своему генералу благополучного пути, дали хлеба и расстались с ним навсегда⁶⁰. Лавр Георгиевич отправился дальше пешком под видом старика-беженца и даже воспользовался железной дорогой. Генерал нередко заблуждался, слишком верил в союзников, в то, что французы не забыли чудовищных жертв России для спасения Парижа от оккупации, а после и спасения французской армии под Верденом. Корнилов смотрел на большевиков как на орудие немцев, рассматривая их как изменников, которым место на виселице. В солдата и казака он больше не верил, но сохранил веру в русского офицера и юнкера. Всё это несколько наивно, но честный вояка, которого охмурили ловкие политики, заставившие поверить в напраслину на Царскую Семью, не мог поступить иначе. Офицерство долго верило, что именно Лавр Георгиевич Корнилов – тот самый новый Скобелев и он непременно спасёт Россию.

«Неплохо поработали некоторые офицерские тайные организации в большевицком тылу, - рассуждал далее Охотин. – Уже летом семнадцатого Николай Евгеньевич Марков создаёт в Петрограде подпольную монархическую организацию «Великая единая Россия». Изначальная цель её - спасение Царской Семьи. Они стремятся привлечь германские войска и немецких военнопленных к новому государственному перевороту. Переговоры с доверенным лицом немецкого генерала Гинденбурга ведёт лично Марков, но немцы выдвигают кабальные требования и договоренность не достигается⁶¹. С осени, воспользовавшись прикрытием Совета Союза казачьих войск, в Петрограде действует организация во главе с командиром Лейб-гвардии Измайловского полка полковником Веденяпиным, состоявшая из офицеров полка, кавалерии, Дикой дивизии и технических войск – то есть, наименее разложившихся. Многих воспитанников артиллерийских училищ и Морского корпуса сумели переправить на Дон. Монархическая организация, ушедшего в подполье Пуришкевича⁶², «Русское Собрание» занималась тем же. Да только рыльце у Вас в пуху, господин-говорун Пуришкевич: уж слишком Вы, монархист с позволения сказать, увлеклись рассказами врагов Самодержца о Распутине. Рады были при-

⁵⁹ Так описана эта сцена у Виктора Севского, в его труде, изданном в 1919 г.

⁶⁰ Отдохнув и устроившись, полк в составе 14 офицеров и не более, чем 125 всадников двинулся дальше на юг, долго никем не тревожимый. Он участвовал ещё раз в стычке большевиков с украинцами на стороне последних, но украинская Рада после этого отказалась пропустить Текинский полк на Дон. Лишь десяток из тех офицеров и взвод всадников с сражался позже в рядах Добровольческой армии.

⁶¹ Исключение составил немецкий капитан Константин фон Альвенслебен, который разгонял Центральную Раду. Он имел русскую бабушку и искренне стремился помочь Царской Семье.

⁶² Пуришкевич скрывался в Петрограде с поддельным паспортом на фамилию Евреинов. Его арестовали по обвинению в контрреволюционном заговоре. Приговор оказался необыкновенно мягким: 4 года принудительных общественных работ при тюрьме. Но через несколько дней Пуришкевича выпустили из тюрьмы, после личного вмешательства Дзержинского и комиссара юстиции Северной коммуны Крестинского. Формальной причиной освобождения стала «болезнь сына». С Пуришкевича взяли честное слово о неучастии в политике. Он уехал на [юг](#), принимал участие в идеологической поддержке Белого движения. Умер в 1920 г. от тифа.

нять отречение «слабовольного» монарха, «негодного политика», бывшего на порядок более мудрым во внешней политике, чем Вы, сударь. Что Вы вообще в ней смыслите? Из-за подобного Вам окружения и запутался Самодержец в политике внутренней... Куда достойнее Вас решительные капитан Зинкевич с подпоручиком Ушаковым, военврачом Некрасовым и вольноопределяющимся Мартьяновым, которые создали в самой столице, под носом у Чека «Петроградский союз георгиевских кавалеров». Да только смелые его руководители вскоре были арестованы. Вскоре была разгромлена и вербовочная «Организация борьбы с большевиками и отправки войск Каледицу» полковника Ланского и поручика Орла. Вместе с ними арестовали семнадцать славных офицеров! Все сгинули в застенках Чека. Возникли и «Союз реальной помощи», «Чёрная точка», «Белый Крест», «Всё для Родины». Гвардейские полковники Хомутов с Кушелевским, измайловцом, пойманы и, наверное, уже в ином мире. Такие смельчаки пытались ещё раз поднять восстание в окрестностях Питера, но сил не хватало. Не было денег, оружия. Но средний обыватель отнюдь не стремится поддерживать какие-либо начинания более ответственных, честных и храбрых. «Белый Крест» оказался живучее других и конспиративнее. Он действовал как благотворительное учреждение и умудрялся перебрасывать Алексееву маленькие группы офицеров под видом инвалидов или раненых. Упоминали и некую вербовочную организацию графини Ланской и несколько мелких групп генералов Суворова и Геруа. Была и монархическая организация германофильского толка генералов Довгирда и фон Дрейера. Да только выдали её большевикам германские же дипломаты... Чистой политики более в природе не бывает – одна грязь. Но больше всего меня привлекает Московская организация присяжного поверенного Полянского, предпринявшая попытку освобождения Царской семьи. Но данных у нас о их деятельности явно недостаточно. Они забросили в Сибирь отряд в тридцать человек, в их числе - с десяток офицеров Сумского гусарского полка во главе с ротмистром Михаилом Лопухиным. Большинство из этих офицеров погибли. Был среди них и некий гвардеец Лермонтов. Лопухин был расстрелян, вернувшись в Москву. До обидного мало известно об этом деле. Создаётся ошибочное представление, что не предпринято ни единого шага по спасению Государя. Вот и генерал-лейтенант лейб-гвардии Конного полка, начальник канцелярии министерства Императорского Двора Мосолов, как я слышал, пытался что-то предпринять⁶³. Вот где мне подобало бы находиться, а не штаны здесь протирать! Штабная работа нужна, но не лежит к ней моя душа. Заставляют, мол, у тебя полицейский опыт... С другой стороны, выполняю свой долг там, где большая часть офицеров не имеет опыта. А хотелось бы примкнуть к Северной армии во Пскове. Хочется надеяться, что её возглавит сам генерал Келлер. И давний знакомый Спиридович⁶⁴ служит у графа. Куда более привлекательная фигура, чем наш «Царь Антон»⁶⁵. Германия намерена поддержать монархическое движение.

⁶³ Александр Мосолов писал: «В Киеве я встретился... с герцогом Георгием Лейхтенбергским, бывшим сослуживцем по... полку. Нашей единственной мыслью было спасти Государя и его Семью... Герцог... был нашим посредником в сношениях с германскими властями. Двоюродный брат баварского кронпринца, он имел свободный доступ к генералу Эйхгорну, начальнику оккупационных войск... Немцы... открыли нам кредиты и обещали предоставить в наше распоряжение пулемёты, ружья и автомобили. Наш план заключался в том, чтобы зафрахтовать два парохода и послать их с доверенными офицерами вверх по Волге и по Каме. Предполагалось образовать базу верстах в 60 от Екатеринбурга и затем действовать, смотря по обстоятельствам. Мы послали в Екатеринбург разведчиков... Они должны были войти в сношение с немецкими эмиссарами, тайно пребывавшими в городе, содействием которых необходимо было заручиться... Я знал, что Государь не согласится променять заточение у большевиков на плен в Германии. Чтобы уточнить создавшееся положение, я написал Вильгельму II письмо, которое передал графу Альвенслебену, причисленному к особе гетмана... В этом письме я просил германского императора заверить Государя, что Ему и Его Семье будет дан свободный пропуск до Крыма, где Он не будет считаться военнопленным в Германии. Но кайзер не мог дать никакого ответа, не посоветовавшись со своими министрами. Он рекомендовал мне повидать дипломата графа (по иному данным – барон) Мумма (Альфонс фон Шварценштайн – идеолог культурного империализма), дипломатического представителя Германии при гетмане. Граф Мумм категорически отказался помогать нам».

⁶⁴ Жандармский генерал Александр Спиридович из Охранного отделения.

⁶⁵ Так офицеры прозвали между собой Деникина.

Во всяком случае, честная часть её офицерства⁶⁶. От Великобритании и ожидать нечего. Там уже и не монархия вовсе.

Радоваться надо, что успел честно пройти Ледяной поход, а потом занялся контрразведкой. *Прибывших после Кубанских походов офицеров, начальство встречает холодно, а ежели узнает, что новичок – монархист, или имел несчастье прослужить хоть день на Украине при гетмане - то и враждебно. Что поделатъ, если в управлении армией засилье кадетов и эсеров. Над прибывающими генералами чинится подлинное следствие специальной комиссии. Потом требуется ещё персональное согласие главкома на приём в Добрармию. Заметно пристрастное отношение Деникина и его начальника штаба к, служившим при царском режиме в Отдельном корпусе жандармов, в полиции, да и в других ведомствах. Если их и принимают на службу, то на незначительные посты. То есть, мне следует благодарить Бога, что Корнилов успел меня сюда поставить, и, что деникинцы не ведают о моих истинных убеждениях. Сейчас в Совдепии действует, по нашим сведениям, один единственный «Всероссийский монархический союз». Может быть ещё жив и «Тактический Центр» князя Владимира Трубецкого, пытавшего освободить Царя. Но забрасывать завербованных на юг становится всё сложнее⁶⁷. Всего в Москве действовало не менее двенадцати вербовочных организаций. Совсем недавно разгромлены «Сокольническая боевая организация», «Орден романовцев⁶⁸» и в Вологде – вербовочный пункт для Северной армии – «Организация британо-славянских легионов». В марте Корнилов послал полковника артиллерии Перхурова для формирования добровольческих отрядов для борьбы с большевиками в Москве и Центральной России. Полковник становится начальником штаба тайной офицерской организации в Москве, входившей в состав «Союза защиты Родины и свободы», возглавляемый Савинковым. Сильный союз «Наша Родина», действующий в ряде городов Украины, мог бы забрасывать к нам на юг людей гораздо проще и быстрее. Но они упорно пополняли Южную армию, которая так себя и не реализовала, в отличие от Добровольческой... При этом Южная армия мне гораздо ближе по своему монархическому духу⁶⁹...*

Увы, с восстаниями на территориях, поработанных большевиками, явно вышла одна сплошная неудача. Лучше бы их жертвы были брошены к нам, или на Волгу. Взять Ярославское восстание. Что можно ожидать от замаравшего свои руки до локтей в крови, старого бом-

⁶⁶ Леопольд Баварский и генерал Людендорф были противниками большевизма, за русский монархизм, его реставрацию и возобновление добрососедских отношений. Деникин же, очень недоброжелательно относился к монархизму Келлера. Неспросив патриарх Тихон благословил бескомпромиссного Келлера на поход против большевизма, но не дал благословения прочим белым генералам, понимая их половинчатость - республиканство. Интриги белых-республиканцев очень вредили делу и, вместе с падением немецкой монархии, свели на нет усилия по формированию Северной (Псковской) армии. Мертворождёнными детьми оказались армии генерала Вандама в Пскове и генерала Кондратова в Белоруссии. Было много шума, ожиданий, но сопротивление не состоялось.

⁶⁷ Члены офицерской гвардейской организации монархической группы Маркова 2-го и полковника фон Штейна проникли в Красную Армию (ротмистр фон Розенберг) и Самаро-Волжскую флотилию (Билибин). С начала 1919 г. в Петрограде действовала организация «Единая Великая Россия», которую ЧК удалось раскрыть весной. Позже работу для помощи армии Юденича вели офицеры, служившие в РККА (полковники Люндеквист и Медиокритский, адмиралы Бахирев и Развозов и другие, позже расстрелянные).

⁶⁸ А также «Объединенная офицерская организация». В Нижнем Новгороде, где осенью скопилось много офицеров, был организован завод жестяных изделий, куда принимались только офицеры, юнкера и кадеты. Эта тайная офицерская организация направляла своих членов в Добровольческую армию, а с весны - в Ярославль, Рыбинск, Муром и другие города, где готовились восстания. В Одессе существовала монархическая группа морского офицера барона Унгерна фон Штернберга, родственника Унгерна, позже прославившегося в Монголии. Всего с декабря 1918 по 1920 г.г. только в Москве было раскрыто 59 организаций, из них 22 – белогвардейских. Всего за 1918 г. в 20 губерниях центральной России произошло 245 крупных выступлений и было раскрыто 142 организации, за 7 месяцев 1919 г. - 99 восстаний и обнаружено ЧК 270 организаций, более трети из которых - чисто белогвардейские.

⁶⁹ Монархический союз «Наша Родина» в Киеве - идейный центр создания Южной армии под руководством присяжного поверенного Михаила Епифановича Акацатова (члена «Русского собрания» в Петербурге). Он был конституционным монархистом, но предпринимал попытки к освобождению Царской Семьи. Проповедовал крестьянское Зелёное движение.

биста Савинкова? Сначала он напакостил Корнилову вместе с Керенским, потом он едет к нему же, чтобы примкнуть к добровольцам. Савинков⁷⁰ берёт на себя подготовку офицерского подполья в тридцати четырёх центральных городах сразу! Были и «Союз фронтовиков», «Союз офицеров». Полковник Перхуров и кадет генерал Рычков становятся верными помощниками террориста номер один... Впрочем, теперь не до щепетильности. Вместе с «Национальным центром» Кривошеина было объединено до пяти тысяч человек. Среди них были и монархисты. Но тут начинается: Савинков не желает их принимать в Союз! Отвергает наиболее верных и преданных России в принципе! В разношёрстных организациях преобладают социал-демократы плехановского толка, эсеры, меньшевики, бывшие террористы разных мастей. Намеивались савинковцы и Троцкого с Лениным пристрелить, на что сумели получить немало средств от французов. Уж тут-то Савинкову опыта не занимать! Но с нынешней властью так легко, как раньше, не выходит. Долго скрывался Борис Викторович в Москве в квартире литератора Дикгоф-Деренталя, где коротал вечера в пространных беседах с женой Деренталя о верности идеалам, мужской дружбе и свободе женщин располагать собой. Позже проскальзывало в словах Савинкова о некоем любовном треугольнике. Его непомерное честолюбие и самолюбие включали и успех у женщин в качестве неотъемлемой части звания «великого террориста». Московское подполье провалено. Идут репрессии. Но решительности Савинкову с Перхуровым не занимать и, в отличие от многих других подпольщиков, они начинают восстание, несмотря на его непродуманность и неподготовленность. К тому же, они сильно надеялись на наступление англичан с французами на Вологду и Вятку. Савинков с Перхуровым отправляются в Ярославль, а полковника Бредиса посылают в Рыбинск. Сотня офицеров «Ярославского отряда Северной Добровольческой армии» захватывает арсенал города, что становится сигналом к боевым действиям. Восставших поддерживает городская милиция, которая формировалась ещё до Октября, сотня военных из Ярославского округа, автоброневой дивизион поручика Супонина из двадцатипяти офицеров и двух пушечных броневых автомобилей «Путилов-Гарфорд», а также около сотни добровольцев - кадеты, учащиеся Демидовского юридического лицея и гимназисты. Позже подходят две сотни крестьян из села Диево-Городищево, собравшиеся по звону набата и отслужившие молебен «о даровании победы над безбожной властью» решением волостного схода. Но защищать Ярославль остаются лишь пятьдесят крестьян, остальные получают оружие и идут назад в деревню. Сражается уже около полутора тысяч офицеров и почти шесть тысяч добровольцев. «Перст истории указал на наш город, и нужно верить, что Бог спасет нашу Родину в тяжёлую настоящую годину! - с пафосом воззвал Перхуров к горожанам, но тут же заладил, как теперь Деникин - Да здравствует Всенародно-законно-избранное учредительное собрание!» Кого вдохновит такая ахинея? Разве что бюрократа. Уместно вспомнить слова Маркова Второго, который сказал ещё думским либералам: «Народ пойдёт или с правыми, или с левыми, но с вами... народ никогда не пойдёт, ибо вы ничего общего с народом не имеете». Вспыхнувшие восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме провалились⁷¹. Красные бонзы знали кого посылать разрушать древний город, кто надёжнее будет добывать остатки гимназистов без всяких эмоций: были брошены Московский интернациональный батальон из австрийцев, латышский корпус⁷²,

⁷⁰ Левые эсеры оставались в коллегиях наркоматов, разных комитетах, комиссиях, советах. Совместно с большевиками, левые эсеры расправлялись с правыми и центристскими, или, в советской фразеологии - «буржуазными» партиями.

⁷¹ Все офицеры, схваченные в Москве и Казани (около 600 человек) были расстреляны. Но большинству членов организации удалось перебраться в Поволжье.

⁷² Образовался «корпус латышских стрелков» в 30 тыс. человек, продолжавший пополняться, поскольку платили неплохо: 10, потом - 15 рублей в день. Долю погибших то делили уцелевшие, то зажимало начальство. Из Латвии потёк целый ручеек служить не только в «стрелках», но и в ВЧК. В 1919 г. 75 % работников центрального аппарата ВЧК были латыши! Петерс, Петрове, Берзинь, Лацис... Были и латышки, служившие в ВЧК: Штальберг, Виккерс и другие, оставившие о себе особенно мрачную славу. Прибалтийские большевички отличались особым озверением, за что немцы их прозвали Flintenweiber (ружейные бабы).

польский революционный полк, венгерские части. Какой глупостью было создание огромных латышских частей, которые горазды были оклеветать офицеров-немцев! Не зря левый думец Гольдман так старался осуществить идею их создания в жизнь... А генерал Курлов прозорливо уверял, что такие формирования опасны. Большевики предъявили ультиматум и передали его по радио: «жители должны выйти из города, а иначе будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжёлых орудий, а также химическими снарядами». Ответа не последовало. Ярославль превращён латышской артиллерией в груды развалин⁷³, большинство защитников захваченного центра города погибает⁷⁴. Четыреста тридцать офицеров сдаются представителю германской миссии лейтенанту Балку, который заверяет сдававшихся: его комиссия занимает «позицию вооружённого нейтралитета», никто из них не будет выдан красным. Но все офицеры выданы большевикам и расстреляны, ибо они против Брестского мира и не могут найти поддержки у немцев! Полковник Перхуров с несколькими десятками офицеров прорывается на катере за Волгу к Толгскому монастырю. Они пытаются вооружить и поднять местных крестьян. Мужики берут винтовки и попросту прячут оружие на чёрный день. Перхурову приходится уходить, чтобы примкнуть к Народной армии Комуца.

Савинков тоже бежит в эсеровский Комуц, который относится к нему с подозрением. Наглый эсер не унывает и бросается в ряды каппелевцев. Возможно, что это был его театральный жест в истерическом порыве от потерянности? Никто уже не узнает. Представляю себе радость монархиста Каппеля! Уж кто-кто, а Владимир Оскарович к нему симпатии не испытывает. А каппелевцы обожают своего командира... Примечательно, что никто уже и не вспоминает, кем был этот террорист, убийца-Савинков в мирные времена. Его осуждают за предательство Корниловского «мятежа», но не более. Позже Савинков умолял Авксентьева отправить его в Париж с особой миссией и отправился туда через Владивосток с супругами Деренталь. Скатертью дорога: чем меньше эсеров останется здесь, тем лучше для нашего Белого дела. И не подумал бы я становиться под знамёна Савинкова в Ярославле. Эсер испортит всё дело на корню. Когда же в Новочеркасск явился Керенский, генерал Каледин его не пожелал принять, обозвав «шельмой». К прискорбию, современные иуды не хотят следовать примеру своего предшественника Искарриота. Они не удавятся, но напротив, чувствуют себя героями.

Надеюсь, что с Каппелем сейчас и трое младших брата-Охотиных, а может и старший тоже. Знаю лишь, что все трое подались на Волгу... Братья мои долго колебались: оставить ли семьи в Москве, или рискнуть перебраться на юг вместе? Выбор их затягивался. Я мог хорошо понять своих братьев, но для себя решил: срочно на юг, и с семьёй! Отправляться всем вместе было бы рискованно, и мы решили уезжать поочередно. Конечно, Охотины дотянули до того, что договорились податься не на юг, куда стало пробираться опаснее и дольше, а на Волгу, где уже вспыхнул второй очаг сопротивления большевизму⁷⁵. В это время я уже был

⁷³ В общей сложности на Ярославль упало около 75 тыс. снарядов из сотни стволов. Город бомбили и до 30 самолётов. Разрушены Афанасьевский и Спасо-Преображенский монастырь, XIII в. В огне погибли Демидовский лицей и его уникальная библиотека, городская больница, Гостинный двор, 15 фабрик, 9 начальных училищ, больше 100 жилых домов.

⁷⁴ Жители города считали, что коммунисты расстреляли не менее 2 тыс. человек (в их числе убиты все рабочие, которые ремонтировали бронепоезд). Число мирных жителей, уничтоженных огнём артиллерии и бомбёжками, никогда не было названо. Все раненые, включая женщин и подростков, считались участниками боёв и расстреливались на месте.

⁷⁵ С наступлением репрессий и голода началось почти повальное бегство интеллигенции на Юг России. Но большевики, не желая усиливать ряды белых, постарались затруднить выезд из столиц. Кто желал выехать на Украину, должен был доказать свое украинское происхождение, а в любом ином направлении требовалось представление удостоверений от разных советских учреждений, и от Чека - в особенности. Лишь немногие, после долгих мытарств, выезжали легально, а большинство - с фальшивыми документами, или совсем без документов.

в Новочеркасске. Да, в те дни железнодорожные полотна повсюду были усеяны трупами офицеров, обывателей и даже женщин. Расправлялись куда быстрее, чем при суде Линча. Россия одичала больше Дикого запада за какой-то год! На вокзалах часто буйствовали рев-комитеты, стрелявшие в пьяном виде нередко в вагоны - в назидание «буржуям». Иной раз, озверевшая толпа бросалась в вагоны в поисках офицеров.

А каков этот Ленин! *Очень ловкий шаг: объявить партию социал-демократов большевиков партией коммунистов, а советскую власть коммунистической. Тем самым Ленин поглощает все анархо-коммунистические группы и парализует их пропаганду, ибо левее коммунистов идти некуда. Анархические группы как политические организации неуклонно деградируют и исчезают. Но, если бы год назад кто-то из большевиков заикнулся о коммунизме, Ленин его объявил бы чуть ли не ренегатом. Опасность слева была обезврежена, а справа осталось разгромить своего самого страшного врага - эсеров⁷⁶ и кадетов, которые год назад были ещё очень сильны. Из-за провокационного убийства левыми эсерами немецкого посла Мирбаха пострадало немало невинных⁷⁷. Масштаб большевистских репрессий возрос. Несколько позже, насколько мне известно, левые эсеры хотели устроить убийство Царской семьи, поскольку как бы направили свой террор на всех немцев, а кем же в их глазах была Александра Фёдоровна? Дочери её, следовательно - одновременно и русские царевны, и германские принцессы. Так что, для меня эти эсеры ничем не лучше большевиков. Британские службы пытались проработать вопрос о предполагаемой эвакуации латышских частей из России в Латвию. Моему давнему «знакомцу» Сиднею Рейли надлежало подкупить латышей. Новый германский посол Рицлер, скорее всего, со своей стороны, пытался сделать тоже самое, но для противоположной цели, поскольку только большевики были за Похабный мир. После этого распустили коллегию ВЧК, назначив новым председателем Петерса. Чека стала полностью коммунистической. И далеко не один Рейли был послан со шпионскими целями нашими «союзниками». И некий литератор Сомерсет Моэм прибыл к нам в семнадцатом году⁷⁸. Не говоря, о подозрительной деятельности некоего Гувера⁷⁹.*

На Украине недавно казался привлекательным союз «Наша Родина» герцога Лейхтенбергского, начавший формировать Южную армию. Монархисты, несколько наивно, увидели в ней надежду на возрождение самодержавия. Тем паче, что командующим её пророчили тогда самого неотразимого кавалерийского генерала - графа Келлера. Краснов очень надеялся, что она прикроет северные рубежи Дона, а немцы усматривали в ней противовес Добровольческой армии, преданной Антанте. Помимо Южной армии, под немецким покровительством формировались и Астраханский с Саратовским корпуса. В качестве командующего намечался Первая шашка Империи - граф Келлер, который начинал создавать свою Псков-

⁷⁶ Эсер Гоц писал из подполья: «Если смольные самодержцы посягнут на Учредительное собрание, то наша партия вспомнит о своей испытанной тактике (личного террора)».

⁷⁷ Это убийство большевики сразу объявили мерзкой попыткой эсеров подставить их, безгрешных коммунистов. Но немцы не раз получали донесения, что ВЧК готовит террористический акт против Мирбаха. Убийцы Мирбаха, Блюмкин и Андреев, забыли в германском посольстве мандаты на встречу с Мирбахом, подписанные Дзержинским и с печатью ВЧК. Прибывший на место гибели посла Дзержинский, тут же объявил их «поддельными», опустил в карман. С тех пор мандатов никто никогда не видел. Блюмкин несколько не пострадал и сделал блестящую карьеру в ЧК. Вскоре левые эсеры убили в Киеве командующего немецкими оккупационными войсками на Украине генерала Эйхгорна.

⁷⁸ Друг Черчилля, Моэм, был послан в Россию с заданием «предотвратить приход большевиков к власти... создать мощную подпольную сеть», что было несколько самонадеянно, учитывая полнейшую неопытность агента. Моэм планировал убрать Ленина с помощью Савинкова. Миссия Моэма в России не увенчалась успехом, но строго хранилась в тайне. Сам писатель не рисковал в своих мемуарах хоть как-то описывать её.

⁷⁹ Накануне Первой мировой войны резко возросла деятельность американских предпринимателей в России. Будущий президент США Герберт Гувер стал владельцем нефтяных компаний в Майкопе. Гувер приобрел концессии на Урале и в Сибири вместе с английским финансистом Урквардом.

скую армию. Загорелся было я туда податься от здешнего засилья республиканцев, да оказалось, что Южная армия – дитя мертворождённое... Но и сам Фёдор Артурович похоже, что ошибался: в ответ на просьбу вербовщиков не отговаривать офицеров от поступления в Добровольческую Армию, граф заявил: «Нет, буду отговаривать! Пусть подождут, когда наступит время провозгласить Царя, тогда мы все вступим!»⁸⁰ Не то сейчас время, чтобы идти на принцип без компромисса. Граф Келлер писал Алексееву, чтобы тот публично покался и придал своей армии монархическую направленность. Недалго под Витебском и Псковом русские монархисты во главе с самими Треповым, Марковым Вторым смогли добиться германской поддержки для создаваемой ими Северной армии. В командующие хотели пригласить либо генерала Гурко, либо Юденича, либо Келлера. Называли и Хан-Нахичеванского, тоже готового постоять за Престол, как и неустрашимый Келлер. Слышал, правда, что писал послание, с готовностью поддержать отрекающегося Государя, вовсе не сам генерал Нахичеванский, а его подчинённый барон Александр Винекен⁸¹. Более суровым в суждении оказался Монархический союз «Наша Родина», действовавший в Киеве летом недолго. Во главе его встал боевой флотский капитан, прославившимся в 1916 году при Трапезунде, герцог Лейхтенбергский. О Добровольческой армии он заявил: «Самой армии не трогать, а при случае похваливать, но зато всемерно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей армии. Для России и дела её спасения опасны не большевики, а Добровольческая армия, пока во главе её стоит Алексеев...» Руководители Южной армии заявляли, что в Добровольческой армии должна быть произведена чистка, поскольку в составе её командования имеются лица, противостоящие по существу провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский. Этого генерала при Деникине упорно сравнивали с «социалистом» генералом Борисовым, бывшем в Ставке при генерале Алексееве до Февраля. Разницу находили они лишь в том, что Борисов был «немыт и нечистоплотен», а Романовский⁸² лощён в лучших офицерских традициях. Атаман Краснов добавлял, что «в Добрармии имеется раскол: с одной стороны – ярые монархисты дроздовцы, с другой – последовательные деникинцы».

В ходе формирования Добровольческой армии в неё вливались, в основном, не дворяне с буржуазией, а государственно настроенная «служилая» интеллигенция. Это объясняет во многом желание её руководителей подчеркнуть демократизм армии. Даже Корнилов демонстративно заявлял: «Я – республиканец», хотя частенько оговаривался, что «с удовольствием перевешал бы всех этих Тучковых и Милюковых». Лавр Георгиевич колебался, в силу своего происхождения, помноженного на вражью пропаганду с самых верхов идущую, которая оболгала Царя. До боли хочется верить, что этот храбрый офицер не отвернулся от покинутого Государя, подобно многим, а только прикрывался республиканскими лозунгами. Полученный в Японскую чин полковника, давал сыну сибирского казака права потомственного дворянства. Но и это не могло легко обратить его в твёрдые сторонники самодержавия. Деникин, скорее всего, республиканец по убеждению всё твердит об Учредительном, словно это панацея для больной России. Наследственность матери-полячки сказывается в нём. Один вред был нам от владения половиной Польши целых два столетия... Приходится молчать, коль нами руководит

⁸⁰ Келлер написал генералу Алексееву: «Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении. Но для пользы и спасения Родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас ещё осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично всё же приписываю любви Вашей к России и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идёте за законного Царя».

⁸¹ Бывший генерал от инфантерии Епанчин утверждает, что телеграмму составил Винекен, без ведома командира корпуса Хана Нахичеванского. А когда последний её не одобрил, барон ушёл в свой кабинет и застрелился.

⁸² Романовский выехал в эмиграцию вместе с Деникиным в 1920 г. на английском линкоре из Феодосии в Константинополь, где на следующий день был убит в здании русского посольства поручиком Харузиным, членом тайной монархической организации, считавшей Романовского масоном и главным виновником поражения. Вполне вероятно, что генерал Романовский был оговорён недоброжелателями.

не совсем тот человек, которого бы хотелось видеть во главе Белого движения. Выражение «завоевания революции» пошло от Керенского, но его с упоением повторяют наши вожди, как Корнилов и Деникин. Но выбора нет и пусть лучше заправляет щепетильный в вопросах чести Деникин, лишь бы не такие, как в насквозь эсеровком Комуچه. *Похоже, что из высшего офицерства при Корнилове, лишь один Марков – сторонник самодержавия. Сергей Леонидович не мог себе представить Отечество республикой, когда наступит мир...* Марков относился к тому сорту былых кадровых офицеров, что воспринимали свою службу в армии на особый рыцарский, средневеково-акмеистский лад, а также на лад былинно-русский и, подобно казакам, ощущал себя, наверное, «лицарством Христовым». *Когда последний, уцелевший из триумверата, Алексеев выдвинул Антона Ивановича Деникина на место Корнилова, офицерская молодёжь оказалась недовольной, требуя своего любимца Маркова. Тогда Сергей Леонидович обратился к своим подчинённым: «Армию принял генерал Деникин. Бояться за её судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!» В нашей армии, оказывается, возникла тайная монархическая организация⁸³... Ещё незадолго до своей смерти Алексеев стал склоняться к конституционной монархии и поговаривать, что лозунг Учредительного собрания армия выставила лишь в силу необходимости. Но Деникин продолжает считать неприкрытый монархизм гибельным для Добрармии⁸⁴.*

Добровольческая армия, возникшая из Алексеевской организации, имевшей изначально около семисот человек, превратилась в многотысячную армию. Прибывший, к тогда ещё горстке «добровольцев», Лавр Георгиевич потребовал полной власти над создающейся армией и заявил, что в противном случае он уйдёт воевать в Сибирь. Стало очевидным, что, если не будет Корнилова, армия развалится, но, если отделится Алексеев, неизбежен раскол и ослабление. Офицеры требовали от своих лидеров компромисса. Наконец, вмешался уравновешенный Деникин, который предложил золотую середину: военная власть переходит к Корнилову, гражданская и внешние сношения - к Алексееву, а всё, связанное с Донским казачеством - к Каледину. Так, во главе Донского гражданского совета стал «триумвират»: Алексеев, Корнилов и Каледин. Триумвирату был придан Гражданский совет, куда вошли весьма левые фигуры - Трубецкой, Струве, Милюков, Савинков. И Родзянко к добровольцам приблудился. Такой состав Донского совета вызвал недоумение среди достойных офицеров: что за абсурд, ведь они – предатели!/? Самым одиозным стал близкий сподвижник Керенского великий террорист. У многих офицеров чесались руки, как и у меня, при одном упоминании о Савинкове. Я с удовольствием бы вызвал его на дуэль! На него была устроена охота с нехитрой целью убить зазнавшегося эсера, оскорблявшего своим присутствием Белую армию. Поэтому вскоре Савинков удрал в Москву и Ярославль. Но господин Милюков мне куда омерзительнее беспринципного, но храбреца Савинкова. Этот скользкий тип заявил в Думе, в напряжённый момент войны: «Что это – глупость, или предательство?», положив начало политической травле Царской семьи, умело обыгрывая имя Распутина, немецкую кровь Императрицы. Рвался к власти, Иуда. Недавно, находясь в занятом немцами Киеве, тот же Милюков настаивал на том, что следует «убедить немцев занять Москву и Петербург». Мразь! Большинство, тех же кадетов, такое отвергли. Рассказывали, что кадет князь Оболенский спросил Милюкова: «Неужели Вы думаете, что можно создать прочную русскую государственность на силе вра-

⁸³ Несмотря на многочисленность в Добровольческой армии офицеров-монархистов, её командование следовало лозунгу не предрешения государственного строя России до разгрома большевиков. Считалось, что этот лозунг позволит сплотить вокруг армии широкие антибольшевистские силы. По этой причине была отклонена кандидатура великого князя Николая Николаевича на роль главы Белого движения.

⁸⁴ «Небезынтересно отметить, что на территориях, занятых армиями генерала Деникина и адмирала Колчака, пение гимна было официально запрещено как не отвечающее историческому моменту, и поющие его неоднократно подвергались арестам и отправлению на гауптвахту (правда, как правило, на два-три дня). Однако, несмотря на запрет и наказания, по всей России русские добровольцы - кадеты, гимназисты, юнкера, студенты и офицеры продолжали его петь» (Шкуро А).

жеских штыков? Народ вам этого не простит...». Циничный политикан ответил: «Бывают исторические моменты, когда с народом не приходится считаться...» Что ещё ждать от всей этой либеральной шушеры? Недавно Милюков признал ошибочной свою пронемецкую позицию и приветствовал интервенцию государств Антанты... Когда такие, как господин Милюков становятся автором декларации Добровольческой армии, определяя её цели и принципы, реакцию лучшей части офицерства можно себе предположить! Такие, как Дроздовский, готовы плюнуть в его сторону. Добровольческой армии предписывалось «стоять на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской, её народ, выявит через посредство свободного избранного Учредительного собрания державную волю свою». Так, по-иезуитско-республикански, выражена задача Белого движения с начала его возникновения! Абсурд! Восстановлением самодержавия тут не пахнет! Большинство крестьян ещё не испорчено и могло бы встать на защиту самодержавия. Обещание им большевицкого «царства справедливости» тоже может их увлечь, но уж никак не проникнется простой народ труднопроизносимым словосочетанием «Учредительное собрание»! Такие дурацкие слова народ не заманят, господа-словоблуды! Думается, что будь Каледин выше Алексеева по рангу, он бы погнал с Дона Милюкова и компанию. Право, каким местом - головой или седалищем думает наше начальство, которое терпит эту поганую свору в качестве политического сотрудника, если не руководства? Не тёмный наш, пока ещё, народ во всём этом аду виновен, а безответственные горлопаны из Думы! Набоков, выступая в Думе где-то в шестом году, клеймил правительство как убийцу! Милашка Милюков высказывался в том смысле, что террористическая деятельность «логична», при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху! Кадет Пустошкин сравнил бомбистов с Христом: «Вспомните, что Христос тоже признан был преступником и предан позорной смертной казни на кресте. Прошли года, и этот преступник - Христос - завоевал весь мир и стал образцом добродетели. Отношение к политическим преступникам является подобным же актом насилия власти по отношению к людям, не выносящим строя!» Деникинский ОСВАГ⁸⁵ находится в руках тех же конституционалистов и прочего сброда самых разных политических воззрений. И хорошо ещё, если не скрытых социалистов⁸⁶. Монархистам там голоса не дают. От того ОСВАГ и работает слабее большевистской пропаганды. Никакой духовно-просветительной работы! Нет до сих пор агитации на территории, занятой красными в то время, как они засылают своих агитаторов по всей России. Служба в ОСВАГе даёт кусок хлеба представителям творческих профессий и избавляет их от мобилизации...

Уже в ноябре прошлого года в столице Дона Новочеркасске сформировали Юнкерский батальон. Батальон получил приказание погрузиться в поезд и с полусотней Донского казачьего военного училища был направлен в Нахичевань. Выходили из поезда под огнём противника. Батальон быстро построился, как на учении и, идя во весь рост, бросился в атаку на красных. В том бою почти целиком погиб взвод капитана Донскова (родственника однокашника брата Аркадия – Сергея Бородина), состоявший из кадет. Именно кровью русских детей-кадет омылась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и всей Белой борьбе, при взятии Ростова-на-Дону! Самое страшное, что почти все победы белых оказываются пирровыми: идёт неуклонное избиение наших лучших воинов. «Офицерство записывается позорно плохо и вяло, - ворчал тогда Алексеев. – Часто слышишь: «Нет Императора - нет смысла служить». Подумалось мне тогда: исходя из офицерской психоло-

⁸⁵ «Осведомительное агентство» - информационно (осведомительно)-пропагандистский орган. В период расцвета в ОСВАГе работало 255 человек, а общая численность сотрудников была от 8 до 10 тысяч. Работали там знаменитые писатели и художники – Бунин, Билибин, Лансере.

⁸⁶ Типичен лозунг, придуманный для Освага неким торговцем Абрамом Альпериним: «Лучше спасти Россию с казаками, чем потерять её с большевиками». Очередное унижение.

гии генералы Алексеев с Корниловым могли бы отдать приказ о сборе на Дону всех офицеров «Русской армии». Подобный приказ был бы юридически оспорим, но морально обязателен для большинства офицерства. Но генералы выбрали распространение анонимных воззваний... Скорее всего – напрасно. Множество осевших в Ростове и Новочеркасске офицеров не решились тогда примкнуть к Добровольческой армии. А Ростов поразил меня в те суровые дни массой, праздно фланирующей по Садовой улице, публики, среди которой хватало и строевого офицерства всех родов оружия и гвардии⁸⁷. Слонялись без дела в парадных формах, при саблях, но ни на ком я не заметил отличительных для добровольцев национальных шевронов на рукавах... На нас, добровольцев, подобная публика не обращала ни малейшего внимания. Более того, иные старшие офицеры останавливали нас и требовали отдания чести! Но, получив гневную отповедь в ответ, они пасовали и предпочитали не выяснять отношения, исчезали в толпе... Не исключаю, что эти офицеры были настолько ошарашены произошедшим разложением фронта от пропаганды, что уже не надеялись ни на что. Но и понять, оправдывая, все эти тысячи никогда не смогу. Как и тот факт, что обычным и весьма циничным, в такое время, вопросом многих, приходящих в наше вербовочное бюро, был: «Что даёт Добровольческая организация?» На него давали один ответ: «Винтовку и пять патронов к ней», а также предупреждение для сомневающихся, что от большевиков можно получить пулю в затылок. Ответ их не удовлетворял, а предупреждению большинство не верило⁸⁸...

А потом был Ледяной поход⁸⁹... Рассказывают, что Офицерский полк попал под сильный дождь, который сменился снегом, а изменившийся ледяной ветер заморозил облитые водой шинели, покрыл их коркой льда. А когда проглянуло солнце, взору очевидцев представилась целая колонна сверкающих ледяными доспехами воинов. Может быть это сильно утрировано. Я такого не видел. Самое страшное, что вспоминается из этих суровых дней, были не кровавые стычки, а ночной холод, когда приходилось греться спина к спине, сидя, или стоя в кругу, в промокших под весенним мокрым снегом, шинелях. Поразительно, но не оказалось умерших от воспаления лёгких. Бесконечные и мучительные ночи, когда нельзя было развести огонь, чтобы не выдать своё расположение более многочисленному противнику, а ветер пробирал до костей. Переходить вброд незамёрзшие речки - и никаких тебе наплавных⁹⁰, сутками лежать в цепи в снегу, в ожидании атаки, изматывало больше жестокой битвы. Приходилось стремиться довести каждый бой до удара в штыки, поскольку надо было беречь каждый патрон. Зато, став ветераном этого похода, могу не стыдиться того, что пришлось согласиться на штабную работу. Походил, наравне со всеми, в полный рост⁹¹ в лобовые атаки на пулемёты. Но Господь хранит доселе Охотиных от шальной пули. В начале похода генерал Деникин шагал в дырявых сапогах, в штатской одежде, с карабином через плечо. Вскоре он сильно простудился и его положили на повозку в самом хвосте обоза. Больной старик Алексеев ехал в тележке с чемоданом, где помещалась вся казна армии. Неподдалёку тряся в повозке высокий и очень худой бритый человек, страдающий от боли каждого офицера - Алексей Суворин, автор трактата «О новом человеке», никак не принимающий людских мучений, а также сам Родзянко и ряд других разрушителей Империи. Сначала войска двинулись в сторону Новочеркаска, но по дороге добровольцев встретила делегация новочеркасских казаков и просила не входить в

⁸⁷ В Ростове скопилось тогда до 17 тыс. офицеров, не считая 2 тыс. казачьих.

⁸⁸ При занятии большевиками Дона, после смерти Каледина и ухода Добровольческой армии на Кубань, было убито до 500 офицеров. Затем в Новочеркасске расстреляли более 500.

⁸⁹ 23 февраля - день начала знаменитого Ледяного похода. День, который белые отмечали десятилетиями - и на Родине, и в рассеянии. Коммунисты так боялись всякой памяти о белых, об их памятных датах, что позаботились, чтобы 23 февраля, ни в коем случае, не было бы днём выхода в степи войска Корнилова, но стало Днём Красной Армии.

⁹⁰ Наплавной мост позже назывался понтонным, но по сути это разновидность понтонного моста.

⁹¹ Позже названные «психическими атаками».

город, иначе, было сказано, им окажут вооружённое сопротивление... Казаки уже раскололись, но добровольцев никто из них изначально не жаловал. Неорганизованность и бестолковость красных спасала добровольцев. Красных было намного больше, но не в качестве армии под единым руководством, а в виде самовольных отрядов. Ближнего боя они всячески избегали, понимая, что легко обратятся в бегство. В плен мы не сдавались, зная, что расправа будет более жестокой, нежели смерть в бою. По приказу Корнилова, мы в плен не брали... «Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!» - сказал генерал. Охранять и кормить пленных возможности не было. Впрочем, такое положение характерно для гражданских войн: в них почти никогда не бывает пленных. Позже Дроздовский говорил мне, что «сердце его мучится, но разум требует жестокости. Многие офицеры не возражали. Что требовать от Туркула, потерявшего трёх братьев, убитых и замученных матросами». Всех раненых мы везли с собой. «Армия должна до последнего человека умереть, защищая своих раненых, - говорил Корнилов. – Иначе это не армия, а жалкий сброд⁹²». Многого могло показаться в том походе диковинным любому военному. Бывало ли в истории войн, чтобы шесть тысяч человек штурмовали город, который защищает двадцать тысяч? «Если не возьмём Екатеринодар, мне останется пустить себе пулю в лоб» - заявил тогда Лавр Георгиевич и приказал идти на штурм. Через четыре дня город пал.

Увы, качество воинов нашей Добрармии сейчас уступает прежнему. Выкашивает наши ряды вражья пуля всё больше. Когда мы победим, монархистов-то мало останется... Боюсь, что все эти проходимцы – социалисты с кадетами опять власть к рукам приберут. Лучшие уже отдали свои жизни... Лишь командир славных дроздовцев пока на этом свете. Нет уже ни Каледина, ни Корнилова с его верным соратником по Великой войне, по Корниловскому Ударному полку, павшим за день до Лавра Георгиевича - Неженцевым, ни Маркова. Целую икону перед смертью от чудовищной раны, Сергей Леонидович успел произнести: «Умираю за вас... Как вы за меня...» На похоронах генерал Алексеев положил три земных поклона – матушке, жене, детям павшего... На их авторитете держится до последнего тот дух добровольцев, который теперь частично уцелел лишь в офицерских полках корниловцев и марковцев. Сохранился дух и среди алексеевцев. Вне сомнений, силён пока дух дроздовцев. Монархические настроения определяли торжество духа ранних добровольцев и позволяли им совершать чудеса воинского подвига. Как на востоке всё держится, говорят, на Каппеле. Заигрывание с левыми к добру не ведёт: такое оскорбляет лучшие чувства офицеров.

«Атаман-печаль» прозвали Каледина, с его пышными висячими усами. Грех для православного такой конец. Но и понять человека можно. Сохранять честь становится всё труднее. Ближайший соратник Каледина в Великой войне - *генерал Назаров, избранный атаманом, объявляет всеобщую мобилизацию на Дону, распускает Круг и принимает роль диктатора. Красные казаки захватывают Ростов и подходят к Новочеркасску. Красноказачьи сотни Голубова, врываются на заседание Войскового круга, срывают с атамана погоны. Анатолия Назарова расстреляли красногвардейцы-шахтеры из отряда казака Голубова. Рассказывают, что команду на расстрел самого себя Назаров подал сам. Сняв с шеи икону-благословение, совершив молитву, поцеловав святыню, которая хранила его в годы войны, он скрестил спокойно на своей груди руки и подал властно и твёрдо команду караулу: «Раз, два, три, сволочь, пли!» Остатки белоказачков, в полторы тысячи шашек, во главе с походным атаманом генерал-майором Поповым, ушли в Сальские степи», - Охотин тяжело вздохнул.*

⁹² После смерти Корнилова и отхода от Екатеринодара на север около 500 человек, от безвыходности, было оставлено добровольцами в 2-х станицах. Почти все они были добиты преследователями. В Елизаветинской их рубили топорами. Причём, когда раненые просили не рубить их, а расстреливать, неизменно следовал ответ: «Собаке собачья смерть».

Глебу вспомнился случайный разговор с простым казаком-стариком. Так называют на Дону тех, кому за пятьдесят. Тогда ещё лишь началось формирование Добрармии. *«И чиго это, Ваше-скородие, люди хотят? Ведь жил народ в довольстве, можно сказать. А главное - по закону Божьему и человеческому и вот-те на: в один день, все будто очумели. Бросили работу и ну токмо кричать. И всё молодёжь та, что с фронта. Пошёл раз и я на этот, как его, да митингу, думал, что по чину будет, как у нас на станичном сходе. Но противно стало. И чиго там только не кричали: Бога и Царя не надо, законы долой, начальству не повинуйся, этих самых буржуёв режь и грабь, становись, стало быть, разбойником. Все оне грубят начальству, родителям, пьют, да курят. Старшие отворачиваются, делают вид, что не видят, не хотят связываться. От того зло токмо хужее, а молодёжь наглеет пище прежнего. Прежде, бывало, молодой и при нас, стариках, не смел и цигарку размять. Нонче же всякий ценнок, когда с сотенным говорит руки в карманах держит, а то и цигарку сосёт, да зелье ему в нос пуцает. Надо бы нам на корню с такими ослушниками по-отцовски разделаться и неповадно бы другим стало. Спуску дали давно, а теперь уж поздно. Служить так, как мы служили прежде молодёжь уже не станет... Дома пока помалкивают. Даже цигарки от матерей прячут. Знают, что мамка может по мордасам надавать – позволенья не спросит. Надолго ли?»*

Но хуже всего, что Дон и сейчас не может найти общий язык с Деникиным. Хорошо ещё Краснов брал, до последнего времени, оружие у немцев и скрытно переправлял его ярому их врагу - Деникину. На том Дону спасибо! Помню, как во время торжественного застолья с союзниками, на котором мне довелось представлять деникинцев, первый тост Краснов произнёс за Его Величество Короля Георга, за английский народ, британскую армию и флот. Заиграли британский гимн. Второй тост был тоже произнесён донским атаманом - за Францию и её вооружённые силы. Выслушали «Марсельезу». Англичане, на удивление, ответили тостом за восстановление Великой единой России. Видимо это было сказано от души, но на уровне простых офицеров, а не правительства коварного Альбиона. Возможно, что тем самым офицерам потом и не поздоровилось от высокого начальства. Оркестр грянул: «Боже, Царя Храни!» Республиканцы ёжились, но встали из приличия; монархисты раскраснелись от волнения и подпевали. «Могу ли я, - произнёс атаман, – имея сильную армию на освобождённой территории, подчиниться генералу Деникину, почти не имеющему ни территории, ни своей армии? Меня обвиняют в германофильстве, но это плод недоразумения, ибо моё так называемое германофильство есть разумная международная политика, вызванная обстоятельствами времени. Пусть добровольцы помнят, что Дон снабжал их патронами и снарядами, без чего борьба их с большевиками была бы немислима. Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне⁹³!». Немцы с одной стороны поддерживают Краснова и самостийщика Скоропадского⁹⁴, а с другой им нужны и большевики, чтобы воспрепятствовать открытию нового Восточного противогерманского фронта Деникиным. Коварно-невидимой рукой немецкого Генштаба создаются «интернациональные дивизии» из военнопленных немцев и мадьяр, которые должны сражаться за красных. Конечно, и «союзники» рады до смерти развалу и братоубийству в России. Теперь можно и Дарданеллы ей не отдавать и ничем больше не делиться: Мавр сделал своё дело. Подлецы! До чего же тошно, о Господи!

⁹³ Склоки между донцами и добровольцами доходили до неприличия. Как-то в запальчивости офицеры Деникина обозвали донцов «проституткой, зарабатывающей на немецкой постели», на что командующий Донской армией генерал Денисов ответил: «А кто в таком случае вы, добровольцы, если живёте у нас на содержании?»

⁹⁴ Распустив Центральную Раду, власть на Украине в апреле взял гетман Скоропадский, которого поддерживает [Германия](#).

А какой хаос всё это время происходил на Кубани! Марков спешил овладеть Кубанью окончательно, чтобы, объединившись с кубанскими казаками Андрея Шкуро и терскими Лазаря Бичерахова, пойти на север. Деникин с Романовским, считали, что большевиков необходимо изгнать в первую очередь из Кубани, а Кубанское казачество всё чаще стремилось начать формирование своей отдельной армии. Ветеран войны Бичерахов хорошо понимал, что без объединения с Деникиным им не уцелеть, но желали избежать единоначалия Антона Ивановича над ними, что вредило общему делу. Но всё же, помощь казаков Северного Кавказа позволила нам начать наступления на Царицын. Очень важно нам занять этот железнодорожный узел и волжский порт, но и стремиться дальше к востоку на соединение с Народной армией! К тому же, произошла высадка англичан в Архангельске и образование Правительства Севера России во главе со старым народником Чайковским, будь он опять же неладен. В середине лета атаман Дутов со своими казаками берёт Оренбург. Уральский атаман полковник Ульяновский не пускает к себе большевиков, вооружает всех - от стариков до детей!

Пока с нами такие офицеры, как Дроздовский – не всё потеряно. Он из тех офицеров, что живут и умирают согласно рыцарскому кодексу: «Душу - Богу, сердце - Даме, жизнь - Государю, а Честь? Никому!» Дроздовский Михаил Гордеевич сумел зимой пробиться с румынского фронта к добровольцам со своим, не разложившимся от пропаганды, полком. С тех пор он стал вдохновителем одного из добровольческих подразделений, а также душой тайной монархической организации. Чем-то я ему приглянулся, или оттого, что отцы наши одно имя носили, но мне он доверился и пригласил в ряды тех, кто готов был посадить Романовых, в случае победы. Тогда ещё Его Величество был жив, и «кандидатура» на Престол обсуждению не подлежала. Хотели бы мы с ним в Екатеринбург прорваться... Всё задаюсь вопросом: почему Дроздовскому, искусному полководцу, дали у нас небольшую должность? Не от того ли, что Алексеев побаивался монархистов по-прежнему? Зато части Михаила Гордеевича бросали в самое пекло... Николай Степанович Тимановский из тех истинных рыцарей Императорской армии, которые исчезают на глазах. Ушёл он на Японскую в пятнадцать лет, гимназистом! А когда сам Государь навестил его, тяжело раненным, в лазарете и спросил о планах этого офицера с двумя Георгиями, последовал ответ, что он вернётся на фронт служить Его Величеству. В Германскую ходил в атаки без оружия, опираясь на палочку, с полнейшим презрением к свистящим пулям и осколкам. Так рассказывали очевидцы. Сам Тимановский – знаменитейший из железных стрелков, скромненький, как никто другой. Отчаянно сражался бок о бок с Марковым на Кубани и прозван Железным Степанычем. Уйдут они в прошлое, полягут остатки и оскудеет Земля русская⁹⁵! Ещё на фронтах Германской зародился Ударный корпус Корниловский - Легион смерти поручика Кондратьева. До сих пор часть наших корниловцев из тех, кто служил тогда.

Всё больше задумываюсь над правильностью деникинского решения летом вновь идти на Кубань. Алексеев и некоторые другие офицеры считали, что идти следует на Царицын, на Волгу, чтобы соединиться там с Каппелем, который именно летом имел огромный успех. Наш уход на окраины дал большевикам возможность создать армию и укрепить. То есть, решение Деникина с Романовским оказалось неверным... Всё больше бывших царских офицеров с немалым опытом добровольно, или же от того, что члены их семей стали заложниками⁹⁶, ока-

⁹⁵ Тимановский умер от тифа незадолго до полного разгрома Деникина и ухода в Новороссийск для эвакуации.

⁹⁶ Более 600 офицеров Генштаба служили красным и довольно честно. Перебежчиков из них оказалось всего около 100 - то есть меньший процент, чем среди мобилизованных красноармейцев. Известны четверо генералов царского времени, которые дали присягу красным и не изменили ей, попав в белый плен. За всё время Гражданской войны в РККА служило до 70 тыс. офицеров из 250 тыс., живших тогда в России. Но добровольно пошло служить к ним не более 10%. За переход на сторону белых, самовольное отступление, или за дезертирство военспеца, расстреливали всю его семью, включая дедов, и

зывают профессиональные услуги Троцкому. С лета их армия уже не разношерстный сброд вооружённых мародёров, опирающийся на латышских, мадьярских и китайских наёмников⁹⁷, а вполне регулярное войско, превосходящее все наши фронты численно и технически. Разве что воевать пока ещё так как мы не научились⁹⁸. Наша осада Царицына, этого «Красного Вердена» столкнулась с уже настоящей армией, а не разбойническим сбродом. Будённый и Ворошилов со Сталиным сумели организовать оборону, и казаки Краснова никак не могли одолеть красных. Похоже, что и дезертирства теперь у них куда меньше. Ленин сообразил, что орудия можно установить и на мирные корабли. Пароходы вооружались лёгкими пушками, «бронировались» тюками хлопка. На баржи устанавливались тяжёлые орудия. В августе красные смяли войска Мамантова и оттеснили казаков за Дон. В те же дни каппелевцы занимали Казань. Ведь мы могли бы соединиться, захватив всю среднюю Волгу! Упущен великий шанс.

В тяжёлые для нас дни начала осады Царицына в Екатеринбурге случилось непоправимое: ночь с 16 на 17 июля... За такое им следует мстить... - Глеб Охотин сжал кулаки и закрыл ими покрасневшие усталые глаза. - Позже стало ясным, что Англия вовсе и не собиралась давать убежище Царской Семье, поскольку король побаивается премьера Ллойд-Джорджа с его социалистами, но делает вид, что это не так⁹⁹. Король лишь подавал надежды на приглашение, но его не прислал. Иезуитская политика характерна для англичан веками. Так же, как и Миллюков, с прочими из кабинета Временного правительства, вроде бы были готовы отпустить Романовых в Англию, но побаивались гнева Петроградского Совета. Все они виноваты, что Семья оказалась в большевицких лапах. Обыкновенная подлость страха за свою власть. Впрочем, известные высказывания Государя указывают на то, что Он бы и не согласился на выезд. Но это уже совсем иное дело. Скромный и умеренный во всём Николай Александрович мечтал лишь о сохранении себе Ливадии с её климатом, необходимым для здоровья Наследника. На худой конец, Государь готов был бы стать крестьянином в глухом углу Сибири, но оставаться в России. Судя по всему, у Государя не осталось и никаких сбережений¹⁰⁰. Как чудовищно всё это!» В тот поздний вечер Охотину долго не спалось.

бабок, и малолетних детей. Около 80 тыс. воевали у белых, или в «зелёных» армиях, остальные не воевали нигде. Порядка 100 тыс. не пожелало участвовать в Гражданской войне, отсиживаясь в тылах по причине безразличия, или потери политических ориентиров. Монархические лозунги бы привлекли часть из них. Часть из последних всё же подверглась репрессиям.

⁹⁷ Коммунисты шумели об интервенции, не имея на то оснований. Да, на севере России велись операции англичан, на юге – французов с греками. Но в Сибири ни французские, ни английские солдаты ни разу не скрестили оружие с большевиками. Американцам пришлось участвовать и в боевых действиях, но и это - считанные эпизоды, когда на них нападали. За всё время американцы потеряли убитыми и от болезней 350 человек. Больше потеряли японцы. Потери британцев и французов составили примерно 500 и 50 человек. Союзники готовы были помогать, но только за деньги. По условиям Брестского мира Центральным державам большевиками возвращались также 2 млн пленных. Не все из этих миллионов военнопленных стремились вернуться в мясорубку войны. Многие стали вступать в интернациональную Красную Армию, в органы ВЧК. Немецкие, австрийские и мадьярские интернационалисты стали идеальными карателями. Одни и впрямь заражались большевицкими идеями, другие же оставались простыми наёмниками. Количество антантовцев и чехословаков вряд ли превышает 80 тыс. За красных сражались: до 150 тыс. венгров, 60 тыс. поляков, до 90 тыс. китайцев (которых царское правительство подряжало на тыловые работы), 25 тыс. болгар, 6 тыс. чехов, до 50 тыс. прибалтов. Кроме того, красные имели башкирские и среднеазиатские формирования, используемые только в Центральной России, как иностранцы. Об использовании вчерашних врагов - немцев и австрийцев данные были засекреченные.

⁹⁸ За время Гражданской войны из Красной Армии дезертировало 35 % всех призванных. Против дезертиров проводились облавы частями все той же РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия) и ЧОНами (Части особого назначения). Дезертиров частью расстреливали, частью возвращали в строй. В 1921 г. оказалось: некоторые красноармейцы побывали в дезертирах по 2-3 и даже по 4 раза! Но солдата приучали считать себя солдатом Мировой революции: он - бедный, который воюет со ставленниками богатых. Солдатам и всем советским людям начали говорить: твой враг - это страны Антанты - буржуазия идущая против рабочих и крестьян.

⁹⁹ От короля Георга Николаю была прислана телеграмма: «Мои мысли неизменно с тобой. Остаюсь навеки твоим верным и преданным другом, каким, ты знаешь, я всегда был...»

¹⁰⁰ Никаких средств на Западе у Романовых не было. Все их 20 млн ушли на лазареты. Стать в гостях у Георга на хлебниками, да ещё и стеснять его перед левыми, неприемлемо для Семьи. Путешествовать по Европе как высочайшим особам, давая материал для иллюстрированных журналов, постыдно - дешёвая популярность. На совет попросить британскую коро-

4. Ужин добровольцев

Но будет кровавой расплата
Для тех, кто Россию забыл.
Торгуй, пока можешь, проклятый
Глухой обывательский тыл!
М. Колосова

Провести беспощадную, террористическую войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба!

В. Ленин

- Гуманизм, сострадание - одни пустые слова. На деле в этом мире царит беспощадная борьба за существование - что в животном мире, что в людском, - вздохнул на всю офицерскую столовую крупный, видный поручик Вадим Новгородцев, имевший в прошлом славу сибарита - отпрыска состоятельной семьи, но в последний год, более замкнувшийся в себе.

- А Вы всё в тех же мыслях? Если даже и так, то обратитесь к Богу и Вам сразу полегчает: доказано тысячелетним опытом человечества, - улыбнулся в ответ Глеб Охотин, оказавшийся, по поручению штаба, в ближнем к нему расположении марковцев, и зашедший, в тот вечер, в их полковую столовую.

- Пустое, Глеб Гордеевич. Не обращайтесь внимания. Мы не смогли спасти Императорскую Семью. Куда уж дальше падать-то? – Вадим потрянул прядью пышных русых волос, подкрутив ус. - Народ, не спасший своего Царя, не достоин лучшей участи, чем наша сейчас!

- Когда мы бегали, чтобы добиться разрешения послать отряд в Томскую губернию, не припомню Вас, поручик, в наших рядах, - с ехидцей заметил славный летун в прошлом и всего лишь отчаянный пехотинец Марковского полка ныне, Роман Заруцкий.

Охотин невольно преклонялся пред теми, кто совершал чудеса храбрости в небе, подвергаясь ещё большей опасности, чем войска наземные. Рассказывали, что этот офицер, в Великую войну мечтал сбить самого Красного Барона и усердно искал его в небе. Вопреки новому приказу, запрещающему красить аэропланы в бросающиеся в глаза цвета, Заруцкий демонстративно выкрасил свой в ярко-красный, как у самого Красного Барона. Начальство браваду эту осудило и позже, всё же, заставило аппарат перекрасить. Но к тому времени, Заруцкий уже повстречал в небе Барона, возмущённого цветом аэроплана противника. Поединок в воздухе был неизбежен, но завершился посадкой обеих машин, изрядно изрешечённых пулемётами. Оба летуна чудом уцелели. Уцелел Заруцкий там, где другие гибли повально, за что был прозван Непотопляемым летуном. Даже при вынужденных посадках костей ни разу не поломал. С той поры Красный Барон русскому смельчаку более не попадался. Ходили слухи, гордый барон намеренно сменил место базирования, чтобы избежать возможного поражения от не менее опытного противника, могущего запятнать имя немецкого аса. Сам Заруцкий о себе и своей машине на людях не вспоминал никогда. Как и почти все марковцы, Заруцкий не избегал крепких выражений, щеголял неопрятностью шинелью и солдатчиной.

- А Вы напрасно пытаетесь меня завести, поручик Заруцкий. И чем закончилась ваша беготня? Командование отвергло вашу задумку. Иного я и не ожидал.

- Вот к Глебу Гордеичу обращались за подписью, зная, что он и сам бы охотно ринулся с нами, да не отпустили бы его, а Вас не припоминаю, поручик... – на груди пилота звякнули,

леву позаботиться об их детях, Государыня ответила: «Это - они, английская чета, должны были давно написать первые, хотя бы выказать сочувствие. Выразительно их молчание».

столкнувшись, два Георгия, а его светлые нагловатые глаза, иной раз прикрываемые падающей чёлкой прямых жидких пегих волос, смотрели слегка поверх лба Новгородцева.

- Вы что, Заруцкий, хотите ссоры? Уместно ли стреляться, когда людей катастрофически не хватает? – недобро посмотрел на него Новгородцев.

Потянулась напряжённая пауза.

- Остановитесь, господа, - недовольно произнёс Глеб, сознавая, что в его тоне должно быть заметно накопившееся раздражение. - Последние слова поручика Новгородцева совершенно верны! Похоже, что затишье на фронте вам всем не по душе.

Роман Заруцкий невозмутимо сосредоточился на своей миске с супом. Казалось, что он молча соглашается со всеми. Новгородцев начал нервно катать катышек белого хлеба, быстро посеревший от замасленности стола и рук.

- Господа, вспоминаю, как сейчас, дорогу на Кавказ незадолго до войны. На каждой станции пирамиды абрикосов, винограда, груш, не дают никому пройти огромные возы, полные арбузов и дынь. Суета баб с крынками топлёного молока, корзинами жареных кур, да поросят. На крупных станциях пассажиры получали на выбор борщ и жаркое на столах со скатертями. Эх, жизнь была! – Новгородцев мечтательно вздохнул, желая перевести разговор. - А яблоки – как на подбор: налив, апорт, мироновка, грушевка... Да что говорить – железнодорожные станции... Бывало, и в «Эрнест¹⁰¹» захаживал с друзьями: отварная осетрина в шампиньонах, паштет из гусиных печёнок в шампанском, белые куропатки под гляссом¹⁰² с клюквенным и брусничным вареньем, сильфиды под раковым соусом. Всего и не перепробуешь... Икорка архиерейская и паюсная, рачьи шейки, брусничное желе, цукаты и марципан от Абрикосова – где всё это? Иль в Мытищах, у Соломяткина, царский квас... Ох, как хорош! И дух укропно-огурцовый со смородиновым листом. Бывало, касторки перед застольем наглотаешься, и влезет потом куда больше... Даже и в простых «казённых винных лавках» - «казёнках» какое разнообразие было! Под орлом двуглавым вывеска-то - не просто так! Там и винцо красное бывало. И тебе водочка высшего сорта с «белой головкой», очищенная за 60 копеек. И с «красной головкой¹⁰³» всего лишь за 40. Выбирай, что угодно. И четверти в плетёных корзинах, сороковки, мерзавчики по шесть копеек. Возле казёнок оживление царит: подъезжают извозчики, бабы огурчики с варёной картошкой приносят. А в местах подороже сорто-ов! И ерофеич, и перцовка, и листовка, и зверобой, и полынка, настоички различные, наливки. Рябиновка, малиновая, смородиновая... Были времена, когда рюмка лимонной в «Медведе», или иной столичной ресторации, стоила всего-то полтинник. А помимо того, буфетчик навязывал вам грибочки в сметане, или расстегаи, икорку, аль ломтик дичи. Самое малое - янтарной ущицы с налимьей печёнкой. Бывало, крякнув, опрокинешь серебряную стопочку, и радость тебя пронизывает душевная. Не как ныне хлещут с мрачными физиономиями. Тогда и в любом последнем заведении сидишь себе, да чай-кофий от души вкушаешь...

- Интересный человек наш поручик Новгородцев. Ему действительно так жалко Царскую Семью, или больше себя в отсутствии былых яств, ублажавших его чрево? – с непроницаемым видом проговорил, пахнувший сапожной ваксой, невысокий сухой офицер в летах, но всё ещё с упругой молодой походкой и почти пиратской чёрной повязкой на пустой глазнице.

Глеб вспомнил, что это круглоголовый коротко стриженный блондин с хрипотцой с в голосе - капитан Мефодий Ведищев из дроздовцев, ветеран подавления Восстания большого кулака (Боксёрского) и Японской. В Германскую имел нарукавную нашивку с адамовой головой

¹⁰¹ Самый дорогой ресторан Петербурга.

¹⁰² Глясс - крепкий бульон из вываренных мясных или рыбных костей и сухожилий до густоты желе.

¹⁰³ Неочищенный спирт часто гнали из картофеля с большим содержанием крахмала. На ректификационных заводах спирт очищался для водки низшего качества-красная головка. Высшие сорта водки и дешёвая запечатывались разного цвета сургучом.

в лавровом венке на мечях¹⁰⁴. К «дроздам» же, он перешёл из корниловцев по политическим соображениям, что импонировало монархисту Охотину. К тому же – первопоходник¹⁰⁵. Они уже встречались в Ледяном. Глеб очень высоко ценил свой терновый венок с мечом, но лишь – как память о Корнилове. Говорили о капитане, что уже несколько поколений рода его – славные офицеры. Вроде бы – с екатерининских времён. Но никто из них, в силу их прямолинейности и нерасторопности, не выслужился до полковника. А потому не получил дворянства. В простом облике капитана, казалось, отражались поколения предков – безвестных героев, безоговорочно преданных Государю и Отечеству.

- Вы пытаетесь нанести мне оскорбление, господин капитан? Пользуетесь старшим чином? Но не забывайте, что я – дворянин, – Новгородцев скрестил на груди руки, и взгляд его стал демонстративно холоден и непроницаем.

- Ну а я, выходит – простолюдин. Из тех, у кого имущества личного-то и не было. Одна лишь униформа казённая, да Россия бескрайная, да Государь, за которого я молился и мой Господь, которому я служил в душе, как и Царю – на деле. В былые времена Вы бы и не снизили до дуэли со мной. Но времена меняются и сословность убывает, – похоже было, что сама румяная физиономия Новгородцева раздражает Ведищева своей неуместной здесь холостью.

- Прошу вас, господа, остановиться! – произнёс Глеб с каменным лицом.

- Вам бы в Ваши годы, Новгородцев, женой обзавестись. А то всё о еде, да о еде, – махнул рукой пехотный капитан, пробормотав невнятно о том, что и полковые дамы полусвета горазды выставить напоказ своё обожание Государя и веру вплоть до ханжества. Но последние слова никак не могли достичь ушей Новгородцева. Глеб же, сидящий ближе к капитану, мог их разобрать, хотя и с трудом.

- Что до меня, то господин поручик меня не интересует вовсе. К чему сосредотачиваться на его персоне, когда есть, или были, такие люди, как *Пётр Николаевич Нестеров*. В некотором роде – идеал для подражания. Он был новатором в лётном деле и в начале Большой Войны протаранил очень крупный аэроплан противника. Погиб и сам... – не торопясь проговорил Заруцкий, дожжёвывая свой ужин. – А ещё такой человек, как *Прокофьев-Северский*. Он был сбит, и взрывом боезапаса ему оторвало ногу. Летун-инвалид обзавёлся деревянным протезом и начал отстаивать своё право на дальнейшую службу в Имперской авиации. На одном из смотров он самовольно сел в аэроплан и совершил несколько рискованных вылетов. За это его арестовали. Однако, по личному распоряжению Императора, лихач вернулся в строй. В шестнадцатом году Северский сбил сразу три германских самолёта, повторив рекорд Казакова, непревзойдённый до сих пор. Одноногий летун совершил 57 боевых вылетов, сбил 13 вражеских аэропланов! А какие силы есть в Российской воздухоплавании! Если бы были выделены должные средства на реализацию открытий Жуковского и Сикорского, нас бы сейчас никто не мог бы одолеть в воздухе. Один «Илья Муромец» чего стоит! Мы стояли на пороге великих свершений... Проклятая война...

- Чувствовалось, что Роман преклоняется перед такими людьми, завидует им по-своему, но без озлобления.

- Невежливо как-то выходит у Вас, сударь. Может быть даже и обидно. Если все вы сегодня желаете поединка столь уж непременно, то буду вынужден вам уступить, господа, – без особого воодушевления промолвил поручик и, помолчав, добавил, растерянно глядя на многочисленные нашивки на рукаве¹⁰⁶ капитана. – А не думаете ли Вы, Ведищев, что женатый офицер изначально несостоятелен? Он вынужден избегать самого пекла битвы: ведь ему детей

¹⁰⁴ Императорская кокарда после Февраля была заменена на череп на щите – символ победы или смерти, утверждённый самим Корниловым. Символ подразумевал службу в рядах Ударного отряда дивизии Корнилова.

¹⁰⁵ Первопоходники – участники первого Кубанского (Ледяного) похода, награждённые почётным знаком в виде серебряного тернового венка с серебряным мечом (награждены почти все – более 4 тысяч).

¹⁰⁶ Нашивки на рукавах в Первую Мировую имелись за ранения.

содержать надо. Святой Павел некогда заметил, что муж женатый предпочитает более избраннице своей понравиться, нежели самому Господу. Так же и в армии. Стать псом войны – удел холостых. Или вдовцов, разведённых у кого дети выросли. Не так ли, Глеб Гордеевич?

Присмотревшись к Новгородцеву, можно было заметить, что лицо его постепенно приобретало матово-белый оттенок. По опыту Глеба, люди делятся на тех, кто краснеет в напряжённый миг, например перед вызовом на поединок, и тех – кто белеет.

- Я вас всех тут успокоить пытаюсь, а Вы, поручик, теперь меня задеть намереваетесь? И причём тут Святой Павел? Умерьте свой пыл, сударь, - холодно произнёс Глеб.

- Да что Вы, капитан Охотин, полноте! – напрягся Новгородцев. - И мысли таковой близко не имел. А Вы, Ведищев, разве Вы считаете для себя нелицеприятным эпитет «пёс войны»? - Последние два слова он почти выкрикнул.

- Вполне даже приятным, поручик, - сухо улыбнулся Мефодий, встретившись своим неприметным карим глазом с честным и всегда открытым взглядом синееокого красавца-поручика, - тем не менее, имею в Курске жену и сына. Но Вы во многом правы насчёт тех самых «псов». Но не уверен, что офицеры-холостяки, живущие зачастую в блуде, гордящиеся им непременно, чем-то лучше для нашей армии. - Чувствовалось, что Ведищев осознал, что пора бы уже остановить ссору, не доводя её до вызова.

- Вот и прекрасно, - холодно откликнулся Новгородцев, пытаюсь изобразить равнодушную улыбку и сохранить достоинство, - кстати, Отец нынешнего Государя лично совершил вклад в дело кулинарии своим известным квасом с шампанским, а Николаю Александровичу приписывают рецепт закуски, который гвардейские офицеры в своём кругу прозвали «николашкой», если припоминаете¹⁰⁷. Романовы для меня неразрывно связаны с нашей кухней и самым патриотическим образом.

- Г-мм... Каждому своё... Так-то будет лучше – мир. Особенно, если здесь собираются одни монархисты, что весьма редко случается, - заметил Глеб, - ведь нас становится всё меньше. И убыль идёт непропорционально быстро. Прочие себя больше жалеют. Или я ошибаюсь, господин Заруцкий?

- Нет, Глеб Гордеевич. Скорее всего, и я в вашем числе. Хотя, честно говоря, с пятнадцатого года, как отступить начали, стал колебаться... Да, я присягал Царю и лишь в силу этого, как бы – монархист, - вздохнул Заруцкий, - на деле не верю ни в успех будущего самодержавия, ни в республику с её проходимцами у власти. А вот Вас, поручик, я не совсем понимаю.

- Я – убеждённый монархист и тем горжусь! – заявил в ответ Вадим.

- Тогда-то понятно, - обратился Глеб к Заруцкому, оставляя без внимания вызывающие слова Новгородцева, - но уж сейчас пора бы оставить все колебания.

- Приятно видеть, что за столом случайно собрался преданный Его Величеству народ! – прогрохотал голос вошедшего давнего знакомого Глеба, штабс-капитана Любомира Вячеславовича Истомина. Ещё недавно он был человеком глубоко штатским.

- Не совсем так, штабс-капитан, поскольку в моём лице Вы видите скорее – конституционалиста, - раздался за спиной Истомина хриплый, сорванный голос крепкого, коренастого подполковника Никандра Межецкого, - впрочем я колеблюсь и может быть склонюсь к самодержавию очень скоро. Казнь Императора потрясла меня не меньше вашего. Только Распутин не мог принять никак я. Больно стало, как услышал впервые такое.

Глеб знал, что Межецкий с четырнадцатого года воевал на Южном фронте вместе с его братом Сергеем и слышал о нём лишь самое лучшее: честный служака из провинциальных захудалых дворян, глубоко верующий. Прошёл обе войны. Похоже, что он тоже из тех самых

¹⁰⁷ Сахарная пудра смешивалась с размолотым на кофе, и этой смесью посыпался тонко нарезанный лимон, которым закусывали рюмку коньяка.

«псов войны» и, за службой, не успел обзавестись семьёй. Ну кто мог устоять против травли «бездарного» Царя с «Немкой» и «коварным» Распутиным? Для этого нужно собаку съесть в политике и понять, что почти вся Дума – парламент огромной Империи, может нагло и изощрённо хором лгать...

- Очень на то надеюсь, Никандр Платонович, - откликнулся Истомин, начавший тут же о наболевшем, - особенно раздражают порядки добровольцев, когда они сводятся к абсурду. Недавно прохожу мимо кавалеристов и слышу, как один солдат запел, по старой памяти: *«Всадники-други, в поход собирайтесь!»* Затянул было, так к нему подскакивает тут же командир и запрещает продолжать, поскольку знает, что далее следуют слова *«За Царя и Русь сладко и смерть принять»*. Такие тут у нас порядки, республиканские. Резко оборвал, испортил человеку настроение, сломал духовный подъём перед боем! И всё зло исходит от советников нашего начальства! – Любомир вытер платком толстую короткую шею и поправил воротник.

- Офицерская душа – «монархистка», - усмехнулся Новгородцев. Он улыбнулся не то пристыженно, не то виновато, но со скрытым чувством своей небольшой победы.

- В настоящий момент, - возразил Глеб, - я бы полностью согласился со словами Сергея Леонидовича Маркова: «Я веду борьбу только за Россию. Если я выкину республиканский флаг, то уйдёт половина добровольцев, если я выкину монархический флаг - уйдёт другая половина. А надо спасти Россию!» Но, естественно, нельзя допускать и того, что творится у нас сейчас, когда такие люди заправляют политикой добровольцев. Савинков сбежал, но остались личности не лучше него, которые определяют политику Белого движения.

- Попирают эти социалисты всё и вся. Ведь те же люди разложили Императорскую армию и теперь они же сидят здесь в совете! Тогда от пропаганды их армия превратилась в безумствующую толпу, все армейские заветы, всё было забыто и в короткие сроки. Даже «сам погибай, а товарища выручай», - вскипел Истомин.

- Я бы сказал, что это не «даже». То был Русской Императорской армии завет, но не РККА. Теперь они все стали «товарищами». Всех сразу не выручишь, а свою шкуру спасти становится всё труднее. Среди волков-то. А наше политическое руководство достаточно «покраснело», да только не от стыда, - вставил Межецкий, поправляя тяжёлый, висячий, всё ещё чёрный, несмотря на недавний полувек юбилей подполковника, ус.

- Ну, да мы не о красных. Пора положить конец этому навязыванию своих идеалов со стороны социалистов в Добрармии! Ту же керенщину, да ещё в армии, здесь у нас разводят! *Взять того же полковника Энгельгардта. Выпускник Пажеского и ветеран Японской, казалось бы... В Думе стал земцем-октябристом... А в Февральские дни грозил офицерам репрессиями, если не сдадут оружие! Сейчас он заведующий политической частью представительства добровольцев в Киеве! Вот такие метаморфозы. Само его присутствие оскверняет Белое Дело! После Февраля 1917 примазался к красногвардейцам и откровенно работал на Временное правительство, осуждая монархию, способствуя репрессиям городских и офицеров!* Слов нет! Такие погубят всё! Вот в чём сейчас вопрос! Взашей бы их всех! – раздражённо заговорил Истомин, вытиравший пот с высокого усталого лба, несмотря на прохладу. - Извините, господа, опять сердце стучит. Как говорится, теперь стал «не годен ни к бою, ни к строю». Остаётся одна штабная работа...

- Про штабных хорошо говаривал граф Келлер: «Первый офицер Генштаба был Моисей, который сорок лет не мог вывести еврейский народ из пустыни». Сие и меня касается, а потому могу себе позволить так пошутить. Но мы с Вами тоже, по-своему, стараемся, не так ли, штабс-капитан? – улыбнулся Глеб. Про себя же подумал: «А Наш Истомин выглядит всё хуже, несмотря на штабную работу. Казнь Царской Семьи просто убивает его, гложет изнутри. Седой, как лунь и лысеет всё больше. А ведь он только на пару лет старше меня и на год младше Межецкого. - Глеб невольно поправил свои пока ещё густые тёмно-русые волосы, прикрывающие те места, где должны быть уши, некогда отрезанные у него хунхузами, – лишь один из

присутствующих, Истомин, достоверно знает, что я служу в контрразведке. Когда собираются монархисты уж и вовсе в голову не идёт, что кто-то из офицеров – красный шпион... Можно было бы подумать, впрочем, на Новгородцева – уж очень бьёт в себя в грудь, что он – монархист, рисуется, но он лишь поручик и сроков операций знать не мог... Разве что кто-то ему о том поведал... Меня приняли и даже зазывали в контрразведку денкинцев лишь потому, что я изначально занимался уголовным сыском, и им не было известно, что меня пригласили работать и в розыске политическом. А вот *господин Глобачёв два месяца работал в Управлении безвозмездно, сперва в Екатеринодаре, а потом в Ростове. Желая вступить в Добрармию писал заявления, но получал не раз отказ без объяснения причин.* Тогда я решил лично выяснить у начштаба генерала Романовского истинные причины отказа полезному, на мой взгляд, сотруднику. Мне дали понять, что *главком не может согласиться на приём Глобачёва в Добрармию, ибо этому мешает «совокупность прежней его службы по политическому розыску...»* Какая косность!»

- А что касается «сам погибай, а товарища выручай», так эти слова стали девизом Павловского училища, - сказал Межецкий.

- Мне больше по душе Тифлисского – «Жизнь - Царю, сердце - даме, честь - самому себе!» - несколько развязанным тоном вставил Заруцкий, - казалось бы – вздор, но девизы становились жизненным кредо будущих офицеров училищ.

- А мне – Одесского: «Один - за всех, и все - за одного!» - заметил Ведищев, - или Чугуевского: «К высокому и светлому - знай верный путь!»

- Вы бы курение прервали хоть раз, Заруцкий. Господину Истому не гоже табаком дышать, - уставился в упор на летуна поручик Новгородцев.

- Что ж, на сей раз вы правы, сударь, - ехидно улыбнулся летун, придавив козью ножку длинным пожелтевшим ногтем.

- На вашем месте я бы поторопился, господа. Ужин остывает, Любомир Вячеславович, Никандр Платонович! – приветливо сказал Ведищев из-под своей холодной маски «одноглазого пса».

- Вы только подумайте, господа, что совершили думцы и большевики с Императорской армией! Армией, которая могла творить чудеса! Которая победителем входила в одиннадцать столиц мира! Но её могущество заключалось в идее и, оклеветав самодержца, ей нанесли необратимый удар, - Любомир гневно махнул рукой. - Наша армия была веками «великой молчалиницей», как французы любили называть свою. С семнадцатого года она превратилась в толпу крикунов и вандалов.

- *Унтеров, да казачьих урядников - хребет армии перемолола проклятая война за первые её два года. Да и гвардию – опору Трона*¹⁰⁸. От этого все наши беды, - добавил Межецкий.

- Это были труженики войны, ставившие долг службы выше всего. Именно ротные десятилетиями выдерживали строевую службу, когда прочие не имели на то силы воли и уходили в интендантства, ведомства. Россия управлялась столоничальниками и ротными командирами - маленькими колёсиками сложного механизма. Их жизнь была временами бесконечно тяжела, ибо влачили они полунищенское существование, но были они из поколения в поколение воспитаны, что «служба не за страх, а за совесть». За плечами каждого из них было от до

¹⁰⁸ К началу I Мировой войны Русская армия насчитывала свыше 40 тыс. офицеров, ещё около 40 тыс. было призвано по мобилизации. За войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, то есть больше, чем за всю историю Русской армии. К концу войны насчитывалось около 276 тыс. офицеров, включая пленных и раненых. Едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны. Наиболее распространенный тип довоенного офицера - потомственный военный, носящий погоны с десятилетнего возраста и воспитанный в духе преданности Престолу и Отечеству, практически исчез. До войны 54 % офицеров (в пехоте - 44) происходили из дворян, 26 - из мещан и крестьян, 14 - из почётных граждан, 4 - из духовенства и 3 - из купцов. Среди же выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян ниже 10 %. Социальную специфику офицерский корпус полностью утратил. Качественный его уровень катастрофически упал. Но традиции воспитания не прерывались и офицерство радикально не изменилось по моральному духу.

двадцати лет нелёгкой службы, караулов, маневров и до двух тысяч людей, ими изученных до самого дна солдатской души. Наша армия выступила в поход с такими ротными командирами, каких в мире не было! Чтобы приготовить новых таких командиров, нужны годы! И ещё любил сказануть один знакомый унтер: «Это службишка, не служба: служба будет впереди, как говаривал Конёк-горбунок».

- И пришлось послать на фронт тех, кто всю свою жизнь от него уклонялся. В шестнадцатом появилась надежда, что армия возьмёт если не духом, то техникой. Если в Турецкую или Японскую армия теряла, но и опыт набирала, то, начиная с Великой, со всем этим новым оружием, такого опыта никакой армии не-на-до! Всё смелое, бесстрашное, понимающее войну вышло в начале войны в первые ряды. Когда их выбили – умерла и Русская армия. Остальные отсиживались по тылам. Сейчас добивают последних. Страшно подумать, что с Россией станет! В солдатских душах ещё тлело тогда сознание мощи Империи, сознание связи своей с чем-то всех объединяющим - именем Царя. *Но про Государя и Императрицу были пущены гнусные слухи, просачивающиеся в армию,* - Истомин тяжело вздохнул.

- *В числе листовок была и речь Милюкова, произнесённая в Думе и напечатанная прямо в газете. Помню, как взял на себя крест читать эту речь перед офицерами и тут же опровергать её. Бросалось в глаза различие в восприятии речи между офицерами старого воспитания и новыми. «Его речь - сама по себе измена, - говорили старые. «Господа,» - говорила молодёжь – «это не измена - это мужество! Говоря так, Милюков головою рисковал и добивался правды. И мы должны быть ему благодарными. Он не изменник, а патриот!»* Таких я готов был задушить, - вспомнил Межецкий.

- Как и вся Россия, Русская армия - идеократичное государственное образование. В том и величайшая сила, но и слабость, при определенных условиях, - мрачно добавил Заруцкий, разминая козью ножку, но не решаясь поднести к ней спичку. - Вспомните Достоевского: «У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всём мире, - это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и его теснейшее единение с его монархом...»

- Сейчас нам необходимо создавать не как можно более многочисленную армию, но только некий рыцарский орден чистых духом и с исключительно чистыми помыслами. Лишь так можно спасти Россию! Война, которую мы ведём духовная, а такая война вовсе не зависит от числа новобранцев, - Истомин входил в раж и объёмный лоб его всё больше покрывался мелкими капельками пота.

- Вам вредно волноваться, Любомир Вячеславович, - настоятельно предупредил Охотин.

- Вот хотел бы греческий орех поделить, господа, - Вадим хрустнул орехом в кулаке, - не достать по нынешним временам.

- Вы хотите сказать грецкий? – произнёс Межецкий.

- Нет, именно и всенепременно - гре-чес-кий! И не иначе. Эх, жизнь была! Бывало, поедешь на всю ночь с цыганами... Песни, женщины...

- В нашем полку говорят: «Тот не солдат, кто на войне душу не сберёт», - раздался голос, закрывающего за собой дверь сухопарого высокого человека лет сорока в поношенном френче, в пенсне на тонком носу с горбинкой, с нервным, аккуратно выбритым, резко очерченным лицом.

- Очень рады Вас видеть в нашем кругу, господин полковник, - Глеб и Ведищев были единственными из собравшихся, кто знал Дроздовского в лицо. - Господа офицеры, перед вами сам полковник Михаил Гордеевич Дроздовский!

- Очень приятно, господа офицеры, - сказал вошедший, скромно отдавая честь встающим ему навстречу людям. Михаил Гордеевич снял мятую фуражку и поправил потёртую георги-

евскую ленточку на груди. Движение его руки казались несколько неуклюжими, но многие из присутствующих знали, что от ранения во время Японской, Дроздовский стал сухорук.

- Не сомневаюсь, что Вас привело в наши края дело, Михаил Гордеевич? – полу-вопросом встретил полковника Истомина.

- Меня вызывали в штаб к Антону Ивановичу, - недовольно ответил полковник. - Ну да не будем о грустном, господа. В Большую войну сам стал офицером Генштаба, но, уж простите, Глеб Гордеевич, душа к штабной работе не лежит.

Глеб знал о полковнике немало. *О его героическом тысячевёрстном переходе с фронта к добровольцам с готовым полком тех, кто был готов бороться за Белую идею. Этим людей Дроздовский выбирал и готовил сам, что в условиях разлагающегося фронта и контроля Советов, было просто рискованным делом. Знал, что у Дроздовского, увы, давно назревал конфликт с начальством добровольцев. Полковник формально подчинялся Деникину, но не терпел никакого давления. Республиканские симпатии Антона Ивановича никак не подходили ему – убеждённому монархисту. Дивизия дроздовцев стояла особняком и не желала признавать республиканское руководство. Командир дивизии был строг, но очень любим подчинёнными несмотря на то, что одним из пунктов подписки добровольцев, поступавших к Дроздовскому, был: «Не употреблять спиртных напитков и не играть в карты». Штаб был давно очень недоволен неуправляемостью дивизии «дроздов». Разногласие импульсивного Дроздовского с уравновешенным генералом Романовским выродились в антагонизм. В кругу своих полковник заявил, что Романовский может стать причиной гибели всего Белого движения¹⁰⁹!*

- Вы можете здесь говорить свободно, полковник, все свои, - произнёс Глеб, нарушив зависшую паузу.

- Рад слышать, что мы с Вами, Глеб Гордеевич, не одиноки с малой частью алексеевцев, частью корниловцев, марковцами и «дроздами», - улыбнулся полковник, поняв намёк Охотина.

- Конечно, не одиноки. Среди добровольцев нас примерно около половины. Но в начале движения было больше. Сами понимаете, идейные гибнут скорее, а новобранцы – не совсем то, что хотелось бы... Впрочем, ссориться с не разделяющими наше мнение борцами против большевиков нам никак нельзя. Не те у нас силы. Противник многочисленнее раза в два... – грустно заметил Глеб.

Дроздовский промолчал в ответ. *Слишком был раздражён последней встречей с Деникиным. Полковник хотел в одиночку, не прибегая к помощи со стороны деникинцев, захватить Армавир, что едва не закончилось тяжёлым поражением. Дроздовского вызвали к главнокомандующему, но Глеб не знал об этом. Деникин пощадил самолюбие проявившего, наказуемое на фронте, самоуправство полковника, проведя весь напряжённый разговор с Дроздовским с глазу на глаз. Тон генерала был необычно резок и, в заключении, было сказано, что он потерпит такое в последний раз. Очередное слушание приведёт к замене командира дивизией. Стерпеть такую угрозу было не в характере норовистого Дроздовского и он решил написать рапорт об оставлении должности. Рапорт этот звучал вызывающе¹¹⁰, но Деникин понял, что очередной выговор привёл бы к уходу Дроздовского из Добровольческой армии. Генерал уступил Дроздовскому, оставив рапорт без последствий, ибо морально его уход был недопустим. Главнокомандующий не испытывал к полковнику личной неприязни и сознавал, что потеря столь боеспособной дивизии неимоверно ослабит небольшую армию. Позже Глеб узнал о подноготной*

¹⁰⁹ Начальник разведки дивизии Бологовский, человек решительный и не без склонности к авантюризму, предлагал Дроздовскому «убрать» Романовского.

¹¹⁰ «Невзирая на исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может, и спасения её от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы ... не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю энергию и знания на дело спасения Родины... Я давно бы оставил ряды Добровольческой армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной».

очередной ссоры, но остался при своём мнении, что оба республиканца настороженно относятся к удачливой сильной дивизии командира – открытого монархиста, а кроме того, и ревнуют к его военным успехам.

- Наша беда в бурном техническом развитии, а как следствие – постепенном исчезновении самого понятия «воинской доблести», «славы индивидуального оружия, в силу совершенного владением им». Окопная грязь никогда не породит героев, но без них как быть народу, втянутому в войну? Либеральная пресса тут же осмеяла описанный в газетах подвиг Кузьмы Крючкова. Каковы подлецы! Так почти и не дали нам донести до народа подвиг казака, имевший место на самом деле! Просто звучало описание, действительно, как былина, вымысел. Слишком грандиозен был богатырский подвиг, в голове кабинетных крыс не укладывался! – Истомин опять схватился за сердце и закашлялся. - Теперь новая власть всё постарается стереть из памяти – им не нужны царские герои.

- Поливая грязью Государя они нарушили стержень нашей силы. В ходе Красносельских маневров, - вставил Ведищев, тяжело вздохнув, - *случалось частенько, что простой русский солдат, из преобразенцев, поставленным голосом читал Отче Наш, а сам Государь, стоя рядом, молился, слушая его. В том было великое Его единение с армией, с народом!* Не могу представить себе подобной сцены в богоборческой Совдепии. В этом их слабость.

- Как знать, господи, не удастся ли им совершить подмену и заставить народ поклоняться своему Троцкому, как, прости меня Господи, Богу, или Царю, - возразил Истомин.

- Всё к тому и идёт, - добавил Новгородцев и Глебу показался странным его спокойный буднично-тон без обычной экзальтации.

- Не бывать тому, покуда мы живы! – с нескрываемой ненавистью молвил Дроздовский своим сдержанным глуховатым голосом. Постоянно плотно сжатые губы Михаила Гордеевича обозначивали горькую складку вокруг рта. Нечто влекущее и роковое в этом человеке притягивало. Чувствовалась в нём глубина силы воли и, казалось, что из души его струится горячий свет.

- Лучше уж смерть принять, чем дожить до такого, - проговорил Ведищев, а Межецкий молча перекрестился.

- Потому нам следует усилить наши призывы и не отталкивать тех офицеров, которые вынуждены временно служить красным, - сказал Глеб, - ведь их деятельность для нас пагубна. *Они выращивают новую сильную армию, защищающую подлый предательский режим, уже создали военно-административный аппарат, возродили академию Генштаба, правильную организацию пехоты и артиллерии. Если уж и Лечицкий – герой Японской, делится опытом с красными, куда идти дальше?*

- Позор нейтралитета тех семнадцати тысяч офицеров, что скопились в Ростове и не примкнули к нам, известен, - мрачно добавил Ведищев.

- Когда таких в плен берешь, бывает, чуть ли в морду не плюнешь, спросишь: *«И не стыдно было служить у этих сволочей?»* Они оправдываются: *«Семья в заложниках»* даже, если это и не так. Знают, что отвечать нам. А ежели спросишь: *«Что же ты, гад, так старался грамотно расстрелять наши позиции своей батареей?»* Отвечают: *«Профессиональная привычка...»* Я бы добавил, что беспринципность! – возмутился, обычно сдержанный, Межецкий. - Продались Третьему Интернационалу!

- Нередко вина служащих большевикам, представляется добровольцам более тяжёлой, чем самих большевиков, - произнёс Охотин, - думаю, что так к ним относиться не следует. У многих члены семей, действительно, в заложниках! Не следует забывать, что ненависть порождает ответную ненависть. Нам бы следовало довести до них, что все бежавшие к нам будут прощены и поставлены на соответствующие их званию посты¹¹¹.

¹¹¹ Тем не менее, спустя месяц Деникин издал приказ, осуждающий непротавление офицеров на советских территориях.

- Теперь эти офицеры вдохновлены и новыми мыслями о том, что большевики – меньшее зло для державы, что они борются за Россию без супостатов. Те из них, кто за войну стали ненавидеть немцев. В их глазах, Дон непозволительно использует германскую помощь, - заметил Роман.

- Армия Троцкого нарастаёт своими размерами и постоянным ростом. Всё началось с вливания в их ряды обкатанных 40-50 тысяч, так называемых, латвийских стрелков, куда вошли и прочие «интернационалисты-ландскнехты-кондотьеры». Именно они и есть - интервенты, - сказал Глеб.

- Императорская армия и сама Россия гибнут от руки, взлелеянных ими, людей, – сокрушённо произнёс Любомир, - офицеров, пошедших против чести их мундира, против бывших своих товарищей!

- Думаю, что отнюдь не патриотизм, не стремление к Единой и Великой России толкнули офицеров в ряды красногвардейцев. Если, вступая в ряды ленинских воителей, офицеры, внеся туда тень порядка, хотя бы немного продлят агонию умирания Красной армии, то этим они совершают одно из роковых преступлений момента... И если отдельные, единичные офицеры, вступающие в красные ряды по особым соображениям, которых мы здесь не касаемся, и там творят великое русское дело, то вся масса ленинских офицеров не во имя Родины и патриотизма, не в защиту неделимой России пошла туда, а из эгоистических мотивов - сохранить свою жизнь и здоровье от гонений, в поисках, где безопасней и ради права на сытое и беззаботное хорошо оплачиваемое житье¹¹²! – резко высказался Дроздовский, сверкнув своим орлиным взором на обветренном сильно загорелом лице.

- Не уверен, что сейчас уместно говорить об «агонии РККА», - тихо, но сурово произнёс Глеб Охотин, - а казакам те офицеры напрасно предъявляют претензии, изображая из себя эдаких идеалистов. Не вижу особого греха в том, что они оружие у германца берут. А потом и с нами – друзьями «союзничков», им делятся. Союзникам же пресловутым, больше не верю ни капли. Взять, хотя бы, как британцы в Дарданеллы полезли. Настолько поспешно, что не продумали операцию и положили массу своих, правда – не истинных детей Альбиона, а второстепенных – из Австралийского и Новозеландского корпуса. Турки же держали очень грамотную оборону под началом немецких офицеров. А всё ради чего? Чтобы не дать нам прибрать к рукам Дарданеллы, хотя Государю их обещали за наши заслуги в начале войны. В ходе наших неудач в пятнадцатом году, обещание это было успешно, в лучших традициях, забыто. После Октября оно было отринуто с «чистой» совестью. В этом все наши союзники. Не сомневаюсь, что они бы сами дали деньги большевикам, если бы немцы их не опередили. А может и давали? Если не им, то делателям Февраля уж точно.

- А вот и наш поклонник Брешко-Брешковского, - усмехнулся Дроздовский навстречу вошедшему юнкеру Иванцову-Платонову.

- Ну, зачем же так, Ваше Высокородие, - смутился, краснея, юноша не более двадцати лет отроду с нежным цветом лица и пушком вместо усов, - не только вышеупомянутого автора почитаю. А более него Жюль Верна, например.

- Рад за Вас, что у Вас появилось время на чтение, портупей-юнкер. Только, надолго ли затишье? – заметил Глеб.

- Где бы только книг раздобыть побольше, - развёл руками юнкер.

Он заканчивался фразой: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждёт проклятие народное и полевой суд Русской армии - суровый и беспощадный». Впоследствии Деникин признавал, что этот приказ «произвёл гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душой с нами» и не стимулировал их бежать к деникинцам.

¹¹² Так ответил Дроздовский на, появившуюся в мае 1918 г. в Ростове, статью Накатова. В романе примерно те же слова его звучат в сентябре.

- Садись за стол, Игорь. Питать тело тебе надо получше, мускулы растить. Скоро, глядишь, и винтовку на весу не удержишь, - по-отечески улыбнулся ему Дроздовский, удивляя окружающих тем, что помнил имена своих малых «дроздов».

- Есть мускулы растить, Ваше Высокородие! – козырнул бравый юнкер и краска залила его белое чистое лицо.

Иметь денщика было слишком большой и ненужной роскошью в условиях такой войны, но офицеры догадывались, что Иванцов-Платонов часто помогал своему любимому командиру в такой роли. Адъютант Дроздовского, Николай Кулаковский, был слишком занятым человеком, чтобы помогать командиру в мелочах. Никто не мог бы осудить такое: слишком необходимым человеком был полковник Дроздовский. Иванцов был столь же ярым монархистом, как и его начальник, происходил от боковой связи дворянского отпрыска с крестьянкой и имел положение разночинца. Его мечтательный идеализм импонировал всем офицерам, кто его знал. Вслед за Игорем вошёл и его приятель из алексеевцев – вчерашний студент подпоручик Ераст Знаменский – нервный мелковатый молодой человек с землистым цветом лица, чуть постарше Игоря, в бело-голубой униформе – цвета университетского значка. Он полностью разделял взгляды друга и преклонялся не только перед памятью Маркова, но и перед именем Дроздовского. Увидев, что полковник приехал в штаб, расположенный близ позиций алексеевцев, Знаменский сразу же прибежал, чтобы встретить друга и полюбоваться на своего кумира. Глеб знал, что болезненного Ераста одно время хотели отправить в тыл, поскольку недуг его никак не вписывался в образ белого воина: юноша страдал эпилепсией. Знаменский вытянулся в струнку и отдал честь всем присутствующим высшим чинам, но сосредоточил свой взгляд на легендарном Дроздовском.

- Любо-дорого смотреть на подрастающее поколение в их лице, - невольно улыбнулся, вечно пребывающий в расстроенных чувствах, Истомин, глядя на дроздовца и алексеевца. - Как такое возможно, что в одной стране и храбрецов-богатырей хватает, но и тех, что офицерам в спину стреляют, бегут с фронта, взламывают погреба и упиваются?

- Таких питомцев с первого и до последнего дня пребывания в училищах наши лучшие офицеры воспитывали в духе рыцарских традиций, - сказал подполковник Межецкий. - *А принятие присяги в военных училищах - чрезвычайно торжественное событие, совершавшееся под мари «Под двуглавым орлом». И учащийся повторял слова: «обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием защищать Веру Царя и Отечество до последней капли крови...» С петровских времен именно так произносилось! Потом целовали поочередно Крест, Евангелие и Знамя. Понятие службы «За Веру, Царя и Отечество» становилось для них кодексом чести и образом жизни. На первом месте была, конечно, Вера. В день производства в первый офицерский чин начальник училища вешал на шею каждому юнкеру маленькую серебряную иконку Казанской Божьей Матери, которая почитается покровительницей воинов.* Но, Любомир Вячеславович, наш алексеевец не заканчивал военного училища, а выбился в подпоручики совсем недавно, пойдя в добровольцы со студенческой скамьи. Его я хорошо знаю. Сам служу в Алексеевском полку. Вы уж извините, поясняя, как человеку штатскому.

- *Сам Суворов придавал огромное значение вере, заявив: «Безверное войско учить - что ржавое железо точить»,* - добавил капитан Ведищев, - *Вера - краеугольный камень воспитания в царских училищах. Молитвой начинался учебный день, молитвой и заканчивался. Нередко юнкера прислуживали при Богослужении, пели в церковном хоре.*

- Ну и перегибы тоже бывали. Из-за них отворачивалась часть воспитанников, склонялась к безверию, - вставил поручик Роман Заруцкий, несколько демонстративно-скептически вздохнув.

- С такими молодцами мы победим этих нехристей! Белое воинство – рыцари веры! – воскликнул Любомир.

- Боюсь, штабс-капитан, что без второй половины добровольцев, что настроена совсем иначе, даже нашим рыцарям веры красных не одолеть, - возразил Роман.

- С такими чистыми душой офицерами мы непременно должны победить, Любомир Вячеславович, - добавил Глеб, - жаль только, что «российская рыба» давно гниёт с головы. Разлагали молодёжь, чтобы сделать из неё не менее половины «своей», изначально верхи. Даже наши талантливейшие писатели, как тот же западник-Тургенев. И уж никак не обездоленные классы начинали революционную смуту. *Целые поколения нашей молодёжи увлекали декабристы, Герцен, Огарёв и прочие ненавистники нашей государственности. Революция становилась хорошим тоном в самом высшем петербургском свете. В интеллектуальной среде идеалом становилось высокомерное отношение к самодержавию, его отрицание в принципе, желание строить общество по парламентарному образцу Англии, а то и республики Франции.* И не важно, что британцы – наши старейшие кровные враги, сделавшие столько пакостей России – от Крымской кампании, вооружения турок в семидесятые и затем и японцев. Англия у нас почитаема, англофилы – целая когорта нашей интеллигенции. *Недавно британцы оставили Баку туркам, которые тут же, с немалым воодушевлением, учинили резню армян. По примеру Бакунина, анархисты охотно принимали в свои ряды всякий сброд, подчёркивая тем самым, «революционный потенциал» люмпенов. Началось разложение традиционных семейных отношений. Так, женщины составили почти треть Боевой организации эсеров и четверть всех террористов! Они шли в революцию с крайним фанатизмом. Их жертвенность ради убеждений отражала, в какой-то мере, извращённый православный идеал женщины-мученицы. Помню некоторые заявления, вроде: «Мои социалистические верования слились воедино с моей религией... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми». Еврейки, весьма закрепощенные своим социальным укладом, кидались в терроризм с не меньшим воодушевлением, отрекаясь от своих устоев. Радикалы-иудеи вышли из среды с глубоким сознанием своей избранности и мессианства. Материалист Маркс, отрицая все духовные ценности, усмотрел очередной избранный «народ» в пролетариате. В Санкт-Петербургском Императорском университете обучали идеям на основе германской философии истории, истории философии и истории философского права. Души русских профессоров становились более тевтонскими, чем немецких. Эсеры-боевики начали стрелять и бросать бомбы, в проходящих военных, без всякой провокации. Ношение любой формы могло стать основанием для пули. После 1905 года население было запугано настолько, что в иной раз гробовщики и священники не решались оказывать свои услуги жертвам революционного террора! Родственники боялись приходить на их похороны! Но в целом, народ России верил в те годы, что жизнь будет лишь лучше. Особенно заметно богател в начале века народ Сибири и Туркестана.*

- Помню анекдот на эту тему, - вставил Заруцкий, - *«Расстреляно в крепости одиннадцать анархистов; из них - пятнадцать евреев». Был расхожим и вопрос: «Когда убийца становится революционером?» Ответ: «Когда он с браунингом в руке грабит банк». Вопрос: «А когда революционер становится убийцей?» Ответ: «В том же случае». И ещё было про министра финансов Витте, который якобы решил заменить золотые деньги динамитом, поскольку динамит течёт в Россию, а золото из неё утекает.*

- С «красного петуха»¹¹³ всё началось. В пятом году. Вот тебе и богоносец... Царя надобно им, а под ним сурового диктатора, как Корнилов. Иначе как с ними? - состроил брезгливую мину Новгородцев.

Охотин очередной раз поймал себя на мысли, что этот человек ему чем-то неприятен. Похоже, что он неискренен буквально во всём.

¹¹³ Так крестьяне называли поджоги.

В столовую незаметно вошёл пожилой грузноватый мужчина - всеми почитаемый опытейший врач Пряничников. Выходец из земских врачей – всегда незаметных, но подлинных героев-тружеников. Всю жизнь на селе помогал народу, а с началом Великой, пошёл работать на передовую по велению сердца. Вслед за ним вошёл двадцатипятилетний Сергей Эфрон – худой волоокский человек болезненного вида в чёрно-белой форме марковцев – символике смерти и воскрешения. Глеб слышал лишь вскользь о нём, что мать его – *дворянка из рода Дурново, дочь штабс-ротмистра, а отец – из богатых евреев. Оба были народовольцами. Жена Сергея – какая-то поэтесса, вроде бы ставшая известной. С четырнадцатого года Сергей пытался записаться добровольцем на фронт, но не прошёл медицинскую комиссию и стал прифронтовым санитаром. После Февраля окончил, кажется, юнкерское училище ускоренным путём. Участвовал в сопротивлении большевикам в Москве, бежал к добровольцам и даже выдержал Ледяной поход!* Узнав такие подробности, Глеб не мог не отнестись к такой биографии вполне почтительно.

- Присаживайтесь, Фалей Артамонович и Вы, господин юнкер. Пища тут остывает, - улыбнулся врач Глеб.

- Благодарю Вас, спасибо. Времени в обрез. Сулемовый раствор никак не удался. Ничего, откушаю. Не беспокойтесь, - усталый человек с немного детским по выражению, но сморщенным бритым лицом, стал смущённо ковыряться в карманах, извлекая из них то носовой платок, то футляр с йодом и мелкими хирургическими принадлежностями.

Пряничников был скорее республиканцем, но все офицеры-монархисты любили его от этого ничуть не меньше. Глубоко упорядоченному государственнику-доктору было важнее величие России, чем её общественный строй. Эфрон молча присел на скамью.

- *Крепкий крестьянин быстро осваивал Сибирь, квалифицированный рабочий был доволен жизнью. Неспроста сейчас ижевские и воткинские рабочие в рядах белых. Естественно-научная интеллигенция, в основном, усердно трудилась во благо Отечества, но гуманитарная мутила воду,* - продолжил свою мысль Глеб, - *по-прежнему плохо жили ленивые бобыли-крестьяне, да люмпены. Они теперь - главная опора узурпаторов.*

- Вам там виднее, - вдруг проговорил полковник, - мне пора, господа. Честь имею.

С этими словами Дроздовский удалился, а вместе с ним и Иванцов-Платонов.

- Всё так, Глеб Гордеевич, но обобщение немного упрощённое получается. Всё же трудно жилось и значительной части трудолюбивых крестьян, - вставил Пряничников.

- С Вами трудно не согласиться, Фалей Артамонович, но Россия отставала экономически. Требовалось время и всё шло к тому, что лет через пятнадцать нас было бы не узнать... Думаете, что наша семья, отпрыски генерала, так уж и с жиру бесились? Нет, всю жизнь свою каждый из его сыновей свой грош берёт. Копили книги, картины, деньги тоже. Но достатку в семье было куда меньше, чем в средней купеческой, а детей у отца очень много было, дом в центре Москвы дорого обходился, образование детей, выезд. Даже зажиточный крестьянин иной мог больше средств своим детям давать, чем наш отец. Царский генерал это - так, более - вывеска. Привыкли мы, дети генерала, что всё имущество наше общее с небольшим отклонением в плане книг по интересам каждого, которые формировали личные дополнительные библиотеки в доме. Но основа библиотеки была общая для всех обитателей большого дома. Отпочковывающиеся выросшие дети, должны были заводить личную посуду и прочее, но не тянуть из дома отцовского. Нас, генеральских детей, воспитывали в понятиях о «равенстве всех людей перед Богом».

- Не сомневаюсь, Глеб Гордеевич, что именно так Вас и воспитали, - откликнулся врач и, смущённо улыбнувшись, потупился.

- Вы знаете, Глеб Гордеевич, - заговорил вдруг Новгородцев, - мы жили с семьёй в Москве, но у нас имелось прекрасное поместье, где мы проводили лето. Всё детство я играл в бабки с крестьянскими мальчишками, не имея понятия о сословных перегородках. Эх, отро-

чество – пора беззаботная! Чаепитие на открытой веранде, когда из села доносятся деревенские хоры, дальний колокольный звон, в саду – стрекот кузнечиков, сверчки с вечера, да размеренное конское пофыркивание со двора. Дурманящий аромат мяты, доносящийся с речки. Весной – ландыши, кукушкины слёзки... Полуденный полёт жаворонка над никлой гречихой в знойный летний день. А после Ильина дня на клумбах остаются одни розы, жасмины и лиловые «рыцарские шпоры». Господи, неужели ничего этого больше никогда не будет? Уму – не постижимо!

- Вы прямо – поэт, Новгородцев, – произнёс Заруцкий с самым невинным видом.

- Да только вскоре разочаровался я в своих крестьянских приятелях, – продолжил Вадим, – Помню шли мы с отцом по аллее, наткнулись на мальчишек, обломавших немало веток, полных смородины. *«Зачем же вы так, мальчики?» - спросил отец. «А всё равно наше будет, говорят» - последовал ответ. Но ломать-то зачем, спрашивается? Так, то незадолго до пятого года случилось. Жизнь в деревне тогда уже готова была сделаться невыносимой, но навели порядок до Февраля семнадцатого. Последний раз был я в поместье незадолго до осени прошлого года: становилось уже страшным наше пребывание в нём. Стало очевидным, какую мысль усердно внушили крестьянам эсеры: «Подождите, мы дадим, всё будет ваше». Большевики сказали: «Чего вы, дури, ждёте, – берите» и упростили всё до предела.*

- Не могу с Вами здесь не согласиться. Страсть к дереву есть стремление к лучшему будущему. Это прекраснейшая из людских страстей, – заявил Любомир, – как мне недавно говорил один помещик, человек очень передовых взглядов, мечтавший сделать всех крестьян вокруг его усадьбы зажиточными, и немало усилий совершивший для этого. *«У народа нашего зачастую наблюдается просто ненависть к дереву. С какой жестокостью крестьяне обычно обращаются с деревьями! Для них дерево – только материал и не более того. Красота, прохлада в тени дерева в зной их не тронет».* Голый прагматизм, господа!

- Вот – вот! – подхватил Новгородцев, – жажда единовременности наживы есть самый пагубный принцип крестьянского хозяйства, то есть и всей России. Потому для казаков и всей крестьянской России мы «кадюки» и никакой приязни вызвать не можем. Плевать им всем на державность.

- Но не забывают, поручик, что в обычной войне правительство должно снабжать свою армию, и народ это так и воспринимает. Узурпаторы сидят в центре и способны снарядить и накормить Красную армию. Добровольцев командование и правительство Юга, снарядить не могут. Даже и накормить – не всегда удаётся, – заметил Охотин.

- Получается парадокс, – с новым воодушевлением начал Истомин, – добровольцы часто спасают обывателей от чудовищных расправ красных, но благодарности почти никогда не встречают. В первый момент, разве что, когда мы входим в городишко и все вокруг ликуют. Но как только выясняется, что армия наша нуждается в материальной помощи, ликование куда-то исчезает.

- Доходит до того, что извозчики бегут с вокзалов, завидев наши санитарные поезда. Не желают возить в госпитали раненых добровольцев даром. Знают, что платить нам нечем¹¹⁴, – возмутился капитан Ведищев. – Нас губят шкурники и трусы.

- Но этого нужно было ожидать. Ещё Александр Сергеевич говорил: «Мы малодушны, мы коварны, бесстыдны, злы, неблагодарны; Мы сердцем хладные скопцы, клеветники, рабы, глупцы...», – вставил Вадим Новгородцев.

- Но таких большинство... И что остаётся нам? Как выжить? Остаётся одно: мародёрство! – подытожил Заруцкий. – И ничего в том кошунственном не нахожу. Наш скряга-обыватель сам виноват. Имеется даже шутка по этому поводу: *«когда уходят красные – население с удо-*

¹¹⁴ Позже в Курске белые попросили дать две тысячи подков. Горожане пожертвовали... десять штук. Осенью армия просила дать, кто сколько может, тёплых вещей. Пожертвовали... одну шубу.

влетворением подсчитывает, что у него осталось. Когда уходят белые - население со злобой высчитывает, что у него взяли». Говорят, что Кутепов карает за такую «реквизицию», но не все, благо, столь строги¹¹⁵.

- Всё это очень печально, ибо белые толкуют о законности и порядке, но сами их нарушают. Красные же, привносят беззаконие, и обыватель судит их с разной точки зрения. Вот, в чём беда, - сказал Глеб.

Последним к ужину присоединился малоизвестный Охотину Куколь-Яснопольский – человек штатский, который, как известно, не был способен воевать, но был честнейшим идеалистом и работоспособным. Он вошёл с каким-то молодым корниловцем, которого Глеб и вовсе не знал. *На лице корниловца застыла искусственная мина презрительного разочарования, ставшая типичной для мимики его полка, его хорошим тоном.*

- Народ опустил, что говорить. Живут лишь сегодняшним днём. Разве крестьяне только, как поручик тут уверяет? Нет – все! Горожане – без исключения! Помогать нам не спешат даже толстосумы, - говорил Ведищев, - казалось бы – в их интересах.

- За какой-то год охамел народ невероятно. Матерная брань и от баб теперь слышна. В воздухе висит! Ведь не бывало такого, – воскликнул Любомир, - всё чаще народ, да и офицеры, что греха таить, стали мысль свою выражать матерно. При Государевом порядке такого и не могло быть безобразия.

- *В начале войны, пред боем, солдаты зарекались Господа Бога гневить, дурные слова поминать, - проворчал Ведищев, - До недоброй памяти Приказа, слова худого с уст моих не слетало и вовсе. С цепи в семнадцатом все посрывались. И не только рядовые. Большинство офицеров стали матом грешить. Как говаривал мне на днях один добрый солдатик: «Народ, Ваше Благодорье, до того озверел, что без таких слов ничего не поймёт уже. До войны сам не мог руки на свинью поднять – крови боялся. А ныне мне хоть животину, хоть большевика – глазом не моргну. Честно говоря, и в атаку идти поначалу боялся. И немца не хотел сам убивать. Командир же сказал, мол, иди вперёд и «ура» ори, да как можно громче. От того страшно не будет. И прями помогло!»*

- Ладно бы только сквернословил, а то ведь как озверел народ, - заметил Глеб. - Если кто из наших марковцев-страстотерпцев и скажет, чего лишнего, от усталости, голода, холода, завшивленности – не беда. Больше настораживает, что слабый пол в общественных местах непотребные слова изрыгать начинает. Не было никогда такого! Если и употреблял кто из баб, так в таких местах, как Хитровка, в зарытых социумах. Народ звереет. Враг наш поражает, его лютость и неудержимая ненависть к офицерам. Или даже к родителям офицеров! *Видел однажды летом изуродованный труп старичка - начальника станции. На груди его лежали проткнутые штыками фотографические карточки двух молоденьких прапорщиков, сыновей начальника... Все вы слышали, что на голых плечах пленных офицеров не раз вырезали погоны, а вместо звездочек в них вколачивали гвозди. На лбах выжигали кокарды, а на ногах сдирали кожу узкими полосками в виде лампас. Тяжело раненных офицеров однажды медленно сожгли на кострах. Ожидая неминуемого плена, наши офицеры стреляются, а если они не в состоянии пошевелить рукой, просят своих друзей добить их во имя дружбы!*

- Зелёная шваль, вроде батьки Махно, говорят, также люет с офицерами, - добавил Заруцкий. - Мы ещё далеко от них, а слабоватая Южная армия страдает. *Некая Маруся Никифорова, вроде как - кавалерист-девица, собственноручно пытается пленных офицеров.*

- Существует ли всё ещё, так называемая, Южная? – спросил сам себя Истомин.

¹¹⁵ Был случай под Харьковом: Кутепов утвердил смертный приговор солдату, отнявшему обувь и пальто у горожанина. Его нашли по особой примете: калека Германской войны, он ходил, оставляя круглые следы от своего деревянного протеза. Расстрельная команда дружно выпалила в воздух (красная бы не посмела).

Перед сном Глеб Гордеевич присел за рабочий стол, чтобы привести в порядок свои бумаги. «Так...» - размышлял Охотин, перелистывая последние сводки, – деревни Кубани заедает самогонка. Небывалое доселе пьянство... Оттого и хлеба мало, что зерно идёт на самогонку. Пуд зерна даёт им до ста рублей чистой прибыли, аппаратов же для гонки более, чем достаточно. От отобранных у населения, в ходе борьбы за государственную монополию, аппаратов ломались склады разгромленных акцизных управлений... Печально всё это... Но главное не это, а «создание большевиками комитетов бедноты и наглое ограбление зажиточных крестьян, сопровождаемое безудержным насилием согласно политике продовольственной диктатуры¹¹⁶...» Всё чаще крестьяне восстают против извергов¹¹⁷. С весны создаются «продовольственные отряды», в которые вступают рабочие. Им растолковали: «хлеб для вас придерживают кулаки. Пойдите убейте кулаков, у ваших детей будет хлеб. Не все верят большевикам, но 30 тысяч вооружённых рабочих города выставили. Ленин не стесняется в выражениях: «Беспощадная война против кулаков! Смерть им!... Надо шире применять расстрелы. Взять 25-30 заложников из числа богатых крестьян, которые отвечали бы жизнью за сбор и отгрузку зерна». С марта создаются части особого назначения - ЧОНы. В них набираются, прежде всего, так называемые интернационалисты – сброд люмпенов со всего мира – от Венгрии до Китая. Их уже до тридцати тысяч... Слово «человек» здесь не совсем подходит. На Тамбовщине действовал «летучий отряд» под командованием комиссариши Гельберг – в народе - Красной Соны. Крестьяне прозвали её Кровавой Соней. Отряд её состоял из венгров, китайцев и австрийских немцев. Ворвавшись в посёлок, Соня устраивала «чистку», истребляя священников, офицеров, унтер-офицеров, георгиевских кавалеров и гимназистов. Обычно она расстреливала собственноручно и с огромным удовольствием. Убивала обречённых на глазах жён и детей. Наконец, крестьяне многих деревень объединились и разбили Летучий отряд наголову. «Всех его «интернационалистов» перебили, а Соню посадили на кол. Вой её доносился трое суток...» Творится что-то невообразимое. Хуже самого страшного ночного кошмара! Другого комиссара там же, на Тамбовщине, распилили пилой на козлах. Жутко, но ведь за дело – расстреливал учителей, священников, женщин и детей. Под Ставрополем на место казни с лужами крови большевики пригнали местных гимназисток. Девочкам по четырнадцать лет велели раздеться под дулами винтовок, но убивать не стали: насильовали, поролы плетью и прутьями, стреляли поверх голов¹¹⁸. В продотряды принимаются бывшие уголовники, люмпены. Член губпродкома латыши Лаурис, расположившись с отрядом в селе, требовал на ночь от населения 31 женщину - для себя и своего отряда. Тех крестьян, которые не хотели давать развёрстку, ставили в ямы, заливали водой и замораживали. Слышал, что отнятый хлеб зачастую до городов и не доходит, сгнивает и расхищается...

¹¹⁶ В ноябре 1918 г. коммунисты отменили комбеды. Слишком много возмущения они вызывали у крестьян. Но своё дело они сделали - изменили состав сельских Советов, подчинили их. С 1919 г. продовольственная диктатура именуется «продовольственной развёрсткой».

¹¹⁷ За лето 1918 г. случилось 108 «кулацких» бунтов. Уже в мае 1918-го в Воронежской губернии против крестьян применяется артиллерия. Согласно отчету ВЧК, при подавлении только части таких «контрреволюционных мятежей» убито было 3057 крестьян, а после подавления мятежа расстреляли ещё 3437 человек. Это только на части территории одной Воронежской губернии! На протяжении всей Гражданской войны в России было ещё достаточно хлеба. Голода ни разу не было на территориях белых государств России и даже на территориях зелёных банд. Во время Гражданской войны голод был лишь на территории, подконтрольной большевикам. Он возникал везде, где они появлялись, и постепенно исчезал, когда они уходили. Если бы большевики хотели этого, они прекратили бы голод. Хлебные запасы в центре страны были накоплены по крайней мере на год. Если и был в городах голод - то причина не в отсутствии хлеба. Весь хлеб был в руках государства, но оно запрещает торговать хлебом. За ввоз хлеба в города полагается немедленный расстрел. Триумфальное шествие Советской власти прошло по городам. Теперь нессоветскую деревню большевики хотели сделать советской путём Гражданской войны. Весной 1918 г. Свердлов заявил о необходимости «переносить классовую борьбу в деревню... разделить деревню на классы, создать в ней два противоположных враждебных лагеря, восстановить беднейшие слои против кулачества... только тогда мы добьёмся в деревне того, чего добились в городе» (Буровский А. Самая страшная русская трагедия).

¹¹⁸ Одна из этих девочек стала потом медсестрой в армии Деникина и умерла уже глубокой старости во Франции.

Ясно одно, что сонмы большевиков щедро сдобрены различными типами уголовников, неврастеников, неудачников от обычной жизни, кокаинистов с морфинистами, бродяг и босяков, давно собственности ни своей, ни чужой не признающих. Называли таковых в народе прожженными. Если среди таковых попадаются образованные, то они ещё опаснее для общества, ибо полны презрения ко всему миру, вере, устоям. В речах Ленина они учуяли родное душе босячество, прикрытое идеями Маркса. Порою попадались среди большевиков люди большой силы воли, но неразборчивые в средствах нигилисты, а также типы с садистскими склонностями, или жаждущие отрицать всё и вся полу-сумасшедшие маньяки. Словом – от сущих дегенератов до злых гениев¹¹⁹. Каждому в хаосе новой жизни находится своё место. К большевикам примазываются и случайные попутчики, которые вовсе не сочувствуют их идеям, но просто ищут теплые места, или рабы по природе. Иные – чтобы не помереть с голоду и избавиться от преследований, от угрозы расстрела себя и близких, чтобы сохранить своё имущество. Для уголовных коммунизм стал раем: куда лучшие отсидки – даже, если порой рисковать приходится. Для армии, укомплектованной хотя бы на четверть из подобных отбросов, не существует уже ни Женевских конвенций, ни Красного Креста. Такое воинство грабит мирных жителей, насилует женщин и детей, оскверняет храмы и глумится над трупами.

А вот и проект плаката ОСВАГа: *«Плотным змеиным кольцом охватил большевизм сердце России. Казалось – ничто не в силах вырвать жертву. Но вот, в лучах восходящего солнца показался всадник, добровольно взявший на себя подвиг спасения России. Мощно занесена рука всадника, и в бессильной ярости чувствует змий, что тверда эта рука, верен её удар, и не избежать ему карающей десницы». Что же, звучит совсем не плохо, доступно, а главное – ни слова о вечном ожидании Учредительного собрания». Вспомнился Охотину последний разговор штабных с Деникиным, который немного припоздился и вошёл в помещение в серой смушковой папахе, вмятой на кабардинский манер. «Такой приятный командир наш. Всегда аккуратный, как внешне, так и в выражениях, выдержанный, нетерпящий ни суеты, ни бессмысленной спешки. Сторонник скромности в офицерском быту, называвший офицерство – «интеллигентским пролетариатом и элементом охранительным». Всегда горой за честь мундира. Единственным баловством, что себе позволяет – покурить хорошую сигару, в чем он толк знает. Никогда больше двух стопочек водки себе не позволит. В товарищеском кругу он – центр внимания. Знает цену хорошей шутке. Гуманен. Помню, как Деникин разнёс какого-то хорунжего-кубанца, ворвавшегося в лазарет и, несмотря на сопротивление врачей и сестёр, перерезал более полусотни красноармейцев. Критиковал и Бабиева, приказавшего своим казакам запереть в сарай и перерубить шестьдесят пленных – «иногородних змеев, отогретых на казачьей груди...» Но ведь казни Государя не придал должного значения, не прозвучала она в рядах добровольцев подобающим образом. Не по-людски как-то, не по-русски... Не так надо было... Эх, что говорить – всё не так! Не звучат призывы «Самодержавие, православие и народность», нет, не Вандея это... Лучшие должности у нас получают люди с республиканским складом мыслей, не «запятнавшие» себя поддержкой старого режима – безумие и проклятие! Комуч и тот не «погнушался» Каппелем! Правда и выбора у них там не было... Принимая большую часть оружия от Краснова, Деникин продолжает уповать на европейских «союзников» и заявляет: «Наша армия никак не могла, если бы даже и хотела, идти на бой ради восста-*

¹¹⁹ Хорошо образованные Чичерин, Красин, Литвинов, Боровский – советские вельможи с душою босяка. Дзержинский – палач, затмивший Малюту Скуратова и Робеспьера. (Пропитанный кровью, он пользовался успехом у женщин лучших фамилий). Надуть, насмеяться, нагадить – их природное амплуа. На украденное у русского народа золото, большевики купили часть прессы во всём мире. Честного слова для них не существовало. Такие, как Луначарский, Радек и Коллонтай действительно охраняли музеи и коллекции, но и создавали детские сёла, устраивали «социализацию детей», отнимая младенцев у матерей. Понятие Бога вытравливалось из сердец детей. В местах скопления детей стал открыто процветать неуправляемый разврат. Это губило Россию под корень, её будущее. По сути, их деятельность была страшнее, чем Дзержинского с Петерсом с их чрезвычайками и казнями. А часть интеллигенции начала воспевать палачей своего народа.

новления монархии, поскольку Антанты, обеспечивающая нас материально, ни в коем случае не согласилась бы с «монархической» линией, ибо это означало бы воскрешение той реальной Великой России, которую Запад рассматривал как опаснейшую соперницу». Да... генерал Деникин левее, чем его Добровольческая армия... Можно даже сказать, что добровольчество – движение февралистов, а монархистов из штаба выживают... Вот и последняя сводка: Так... в Новочеркасске свирепствуют Голубов, Подтёлков и Медведев - мрачноватый триумvirат. В Ростове Сиверс расстрелял с балкона Палас-отеля юнкеров».

5. Воины генерала Каппеля

С отречением Государя все кончено для России, но мы не должны винить ни Русский народ, ни солдат: они не виноваты.

Императрица Александра Фёдоровна

Надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от преступлений.

В. Ленин

И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь.
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь?
Н. Туроверов

Душа Петра Охотина ликовала, когда он, наконец, сидел в кругу своих соратников у вечернего костра, за ужином. Аркадий сумел отыскать брата Сергея и вскоре они уже расцеловались с Петром, чудом избежавшим гибели.

- Ну как там было, в красном плену? – с тревогой в голосе спросил Сергей.

- Как и во всяком другом, наверное, - смутившись, ответил Пётр, - побили малость. Обиднее всего, что Георгия моего с груди сорвали и умыкнули, мерзавцы. Револьвер мой белый, памятный тоже...

- Важнее, что жив остался! - вырвалось у Аркадия.

- Впервые были мы, на днях, недовольны приказом Владимира Оскаровича, который запретил нам идти на выручку тебе, - взволнованно говорил Сергей – старший из присутствующих Охотиных, обычно очень спокойный и уравновешенный.

Светлые озорные охотинские глаза ещё молодого Аркадия сверкнули:

- Но мы сумели уломать Каппеля и наш глубокий рейд был им одобрен. Всё же мы вместе в Николаевском учились. Но Владимир на год старше меня, а учиться начал ещё раньше. Мы с ним не слишком много общались во время учёбы. Благодаря этому рейду и встретили тебя там, брат. Когда бы ты ещё в таком состоянии, пеший добрался до нас? Да и кто знает, может придётся нам ещё дальше отступать... *Всё начиналось успешно: майское восстание ижевских и воткинских рабочих против большевиков могло бы повернуть октябрьский переворот вспять. Рабочих было более сорока тысяч человек! Но беда в том, что они не желали подчиняться никому! Сами же, грамотно воевать тогда не умели. Это сейчас они рядом с нами пообтёрлись.*

- Удивительней всего, что рабочие против власти, твердящей, что она –«рабочая», - усмехнулся Пётр.

- Ничего странного тут и нет, - сказал Сергей, - *Кроме как в Питере и Москве, никакого «пролетариата» в России и нет. Были обыкновенные рабочие и, в целом, очень порядочные*

люди, имевшие своего Бога, свою семью, уважение к своей, обычно наследуемой, профессии и Отечеству, к семье и вере отцов. Они не были пролетариатом и тем более не тем самым «революционным» пролетариатом, который наместан с люмпенами, пополняемыми из неработающих крестьян. Уральские рабочие формировались веками, в отличие от пришлого сброда в столицах. Каждая уральская деревня называется, в их рудных краях, «заводом». До большевиков уральский рабочий жил вольно и сытно. Винтовками Мосина нашу армию снабжали три завода: Тульский, Сестрорецкий и Ижевский. Ещё рабочие с устоями¹²⁰ и на Сормовских заводах под Нижним, что пароходы делают, и операционные на колёсах в пульмановских вагонах. На многих подобных заводах рабочие работают по два-три поколения. Они поголовно грамотны. Несколько десятков тысяч рабочих, техников и инженеров прекрасно знают друг друга. В их среде можно ругать помещиков, банкиров и генералов, но нельзя замахиваться на Царя. И какие-то пришлые безграмотные горлопаны начали навязывать им свои порядки, а когда пала Казань – набирать из ижевцев себе рекрутов. Рабочие взяли за оружие!

У большевиков были пулемёты с орудиями, но они побежали от рабочих с одними винтовками. Постепенно ижевцы вооружались трофеями, отбитыми у красных. Вместе с воткинскими рабочими их стало уже порядка семи тысяч.

- Знамя выбрали, правда, тоже красное, но у некоторых частей оно красно-зелёное. На левом рукаве носят красную повязку с чёрным Андреевским крестом. Обращение в строю – «товарищ». И без погон... Награда у них всего одна - Георгиевская ленточка в петлице. Рабочие подтолкнули к самозащите и зажиточных елабужских крестьян, которых возглавил славный полковник Молчанов. Как только фортуна изменила Комучу, многие рядовые народной армии перебегают к красным, дезертируют в тылы, но не ижевцы, конечно¹²¹, - продолжил Аркадий. - Стало ясным, что армия комучевская никакая не «народная» вовсе. Поддержки населения не заметно. В то же время, Троцкий ввёл всеобщую мобилизацию и, вместе с опытным воякой Тухачевским, начал осуществлять лютые порядки, вроде децимации в римских легионах¹²². Правда, и «демократический» Комуч, говорят, расстреливал каждого третьего за волнения, или дезертирство. Каппелевского полка это, конечно, не касается. Но слухи ходят об этом упорные. Естественно, норовят и нас замарать. Да и что взять с этих почти что большевиков-комучевцев, которые в пятом году не задумываясь метали бомбы в неповинных людей посреди городов? Вполне верю, что они способны на такие репрессии. Комуч объявил себя продолжателем дела Февральской революции и преемником Временного правительства, что отталкивает многих офицеров, но и сторонником Антанты и врагом Германии, - что их притягивает¹²³.

¹²⁰ Рабочие Урала создали не только мощную промышленность, но и оригинальный, богатейший фольклор. Контраст его с похабными частушками люмпенов больших городов - заправил победившего пролетариата, разителен. Индивидуализацию сменяет нивелирование. Масса вчерашних деклассированных крестьян-маргиналов никак не могла создать своеобразного фольклора.

¹²¹ Отличилась и Сарапульская армия корнета князя Ухтомского. Большевиками были брошены крепкие латышские, мадыарские, мусульманские и китайские части. После взятия Ижевска в ноябре 1918 г., красные расстреляли больше 800 человек. Из них взрослые мужчины - только те, кого звали в Ижевскую армию, и кто не пошёл. Остальные - члены семей солдат и офицеров, включая маленьких детей и стариков.

¹²² Переход от опоры на вольницу к опоре на аппарат стал очевидным во время переезда Совнаркома из Петрограда в Москву, провозглашенную столицей 11-12 марта 1918 г. Матросы-анархисты не хотели отпускать «свое» правительство, привычное и удобное, вынужденное выполнять волю разбойничающих толп. Они напали на поезд и только латышские стрелки смогли защитить членов Совнаркома. Наёмники перебили немало вольной братии, разучившейся воевать за год хаоса.

¹²³ За верностью Комуча союзническим обязательствам стояли перетягивание на свою сторону Чехословацкого корпуса и, стоявших за ним, французской и английской военных миссий. В будущем - также и перспективы для получения материальной и военной поддержки, а потом и внешнеполитическое признание. В своих речах эсер Климушкин подчеркивал, что большевицкая власть «немедленно приведёт к монархизму или германскому засилью. Так как... монархизм не имеет под собою в России почвы и может появиться только при помощи германских штыков, то отсюда вполне ясно было, что вместе с большевизмом придётся вести борьбу и с германизмом». Вот, что волновало эсеров на деле, а не судьба державы.

- Сначала одолеем большевиков, заявило новое правительство, а там и немцев. *Государственным флагом был провозглашён красный, но в армии ввели флаг Георгиевский, чтобы угодить и правым,* - вставил Сергей. - *Крестьян, естественно, такая политика чуждых им столичных людей не устраивает*¹²⁴. *Дерутся зажиточные крестьяне отчаянно, а середняки - лишь в случае успеха, а при угрозе поражения разбегаются. Но, всё же, крестьяне больше сочувствуют нам: после падения Симбирска и Казани хлеб, который до этого они прятали, и цена за пуд доходила до 130-140 рублей, упала сразу до 25-30 рублей. И средств не хватает Народной армии, да и времени. Даже обуть призывных не получается: на занятия людей выводили в «дежурных» сапогах, а прочие сидели босыми в казармах. Своими глазами такое видел. Чехословаки не желают больше воевать, вот что ужасно. А своих сил нам не хватает. Мы и чехи обвиняем друг друга в стремлении уклониться от боя, хоронясь за спиной соседа. Вернуться к себе на родину через Архангельск и Мурманск у чехо-словаков не выходит, и в их рядах, уже началось разложение: класть жизнь во имя российских дел они не хотят. Чешский командир, верный долгу полковник Швец, недавно покончил с собой, но это ничего не изменило. Силы Народной армии отнимает и сопротивление башкир, тогда как прочие волжские народы - черемисы, марийцы не против русской власти. Но и у них появились свои красные и белые. Башкиры же, дерутся и с белыми и с красными. А тут ещё и тиф. Из Турции, говорят... Отступаем, но пока не бежим...*

- Керенщину очередную тут комучевцы устроили! – раздался знакомый мрачный голос и из темноты появился старый однокашник Аркадия и друг, Кирилл Ртищев - двоюродный брат бывшей жены их старшего брата Бориса.

- Что же ты хочешь от господ эсеров? – спросил Аркадий.

- Рад Вас видеть, Кирилл, - встал, прихрамывая, ему навстречу Пётр.

- Признаться не ожидал уж когда-нибудь Вас вновь встретить... – замялся гвардии поручик Ртищев, протягивая руку.

- Садись с нами, Кирилл, - пригласил его есаул Охотин, прохаживаясь упругой походкой военного. - Ужин как раз готов. За особую изысканность, впрочем, не ручаюсь. Как говорится, солдат кашей причащается.

- Как что, так офицеры вперёд! Готовы бросить целые офицерские батальоны в самое пекло, - продолжил, бывший и раньше мрачноватым, Кирилл, присаживаясь к костру. - *Офицеры начинают разбегаться. Не от того, что испугались красных, нет. Просто не хотят класть головы за эсерское руководство. Пошёл слух, что в Омске сформировано промонархическое правительство. Туда и бегут. Мне тоже режет слух обращение «гражданин» и форма без погон с одной георгиевской ленточкой. Подумать только, у нашего любимого командира Каппеля нет погон! Одна защитного цвета гимнастёрка, да уланские рейтузы...* Всё здесь под дудку эсеров. Никогда не признаю две вещи - ни под каким видом: Похабный мир и ненашивание погон! Если бы не личность Каппеля, нас с Аркадием здесь бы уже не было. В нашем полку сохраняется «дофевральские»: «рад стараться» и «Ваше благородие». Мы воюем за былую Россию.

- Говорят, у Деникина лозунг «За единую и неделимую». Вот, что нам ближе, - скромно вставил Аркадий, блеснув очами.

- Мы всегда и следуем этому. И не самое главное, что наверху засели эсеры. Придёт время – сбросим их, - добавил Кирилл Ртищев.

- Как мне недавно сказал один, трижды раненный в Германскую, капитан: «*Такое предательство, хуже 1917 года. Покуда нам сопутствовала удача, комучевская верхушка снова*

¹²⁴ Комуч ввёл систему террора, чтобы набирать рекрутов. Если деревня не давала «добровольцев», её могли разрушить артиллерией. Коммунистов часто расстреливали без суда и следствия. Бывало, что вместе с ними уничтожались их жены, дети, даже друзья, если заступались. Но зверствовали не истинные белые, а люди под красным знаменем и под лозунгами эсеров!

настраивала всех против всех, мучила солдат, кричала о какой-то «контр-революционности», имея в виду, в первую очередь, наш полк». Именно он неблагонадежен и в их глазах - реакционный, - добавил Аркадий. - Да что говорить: Командующим Народной армией назначили не, ставшего уже легендарным, Капеля, а только что произведенного из поручиков в полковники чехословака Чечека... Боятся они монархистов. Мне говорили, что как-то в Самаре прибыла группа офицеров-анненковцев¹²⁵. Увидев красный флаг на здании Комуца, они поразились, подумав, что красная тряпка болтается тут по ошибке и, естественно, сорвали её. От этого завязалась перестрелка.

- Польза для общего дела в победе над большевиками эсеров меньше волнует, - вздохнул Сергей. - Им важнее цвет своего знамени. В пятом году, будучи в Питере, слушал, грешным делом, *речь Николая Дмитриевича Авксентьева на одном банкете. Выступал этот хамелеон тогда под фамилией Солнцев, а прозвали его Жорес. Уж больно красноречивым был. Вальяжный такой, с барственно-львиной, откинутой назад русой шевелюрой, с окладной бородкой. Охотно цитировал Канта и Ницше. Он – один из отцов Эс-эр. И такой тип, фактически, стоит во главе Народной армии, определяет политику – слов нет.*

- Что социалисты, что коммунисты - одна сволочь, - подвёл итог Пётр.

- Кстати, брат Борис, сидя там в одних кабинетах с этой сволочью, теперь уже грызётся с ними и отстаивает наши позиции, - сказал Аркадий. - «И зачем только я рисковал шкурой, гектографированные оттиски воззваний у себя под полатями в пятом году прятал?» - вопрошал Боря, при нашей последней встрече. Всё же охотинская кровь. Да только не удаётся им там, в меньшинстве, эсеров одолеть.

- Потому я и не бываю против расстрелов... - с мрачным блеском в глазах приглушённо вымолвил Кирилл. - Россию необходимо освободить от заразы и вылечить. Лечение бывает излишне жестоким, но иного выхода нет. Сначала большевичков, а за ними и эсеров «к стенке», как они сами выражаются.

Отблески костра делали его безукоризненный аристократический профиль несколько демоническим.

- Всё же русские люди... – смущённо проговорил Сергей за всех.

- Какие же они русские? По крови? Те, кого посылают под наши пулемёты, по крови – да. Но нехристи же. Свои храмы громят. Те, кто засел в столице – не русские ни с какого боку, - молвил Пётр.

- Вы, штатские, всегда излишне мягкотелы, - заметил Ртищев, от взгляда которого повеяло холодом. - Увы, не те времена наступили. Государь был излишне мягок ко всем явным внутренним врагам державы. И вот, чем это закончилось.

- Вы, пехота, должны на нас равняться, - усмехнулся Аркадий со свойственной ему с детства обезоруживающей улыбкой. Но бывшее выражение на лице тут же поглотила суровость, прорезавшая первую морщину на челе младшего, из присутствующих братьев. Да и не той уже была его улыбка.

Но в этот момент Сергея от такого покоробило: не мог Охотин всё ещё смириться с братоубийством в этой новой войне. «Брат с Кириллом такими стали после цареубийства, - подумал Сергей. – Тогда они, сломя голову, бросились в Екатеринбург, уломав начальство отпустить их на святое дело. Столько усилий и всё напрасно, тщетный риск... Оба не любят вспоминать об этом. Я бы тоже отправился с ними, да и Пётр... Но столько людей сразу отпустить не согласились. Владимир Оскарович делал это в тайне от политического руководства. В Екатеринбург был послан не только их отряд. Не меньше двух отрядов, для подстраховки. Набирали, предпочтительно, кавалеристов, казаков. Надо будет, наконец, расспросить брата о том, что они

¹²⁵ Из отряда атамана Анненкова, воевавшего в Семиречье.

там видели. Долго молчал я из такта, но ведь тоже имею право узнать, из первых уст, что же они там пережили».

- Увы, очищение России - это вынужденная необходимость, - благородно высохшее на ветрах, суровое лицо Кирилла озарилось яркой вспышкой пламени при порыве ветра. - *Только что мы были на вершине успеха – взята Казань и часть золотого запаса. В августе и Западносибирская добровольческая армия подполковника Войцеховского заняла Екатеринбург. Каппель настаивал на дальнейшем наступлении на Москву через Нижний, поскольку понимал, что оборона будет для нас губительной. В Нижнем Новгороде находится и вторая часть золотого запаса. Но штабная «тройка» и чехи, ссылаясь на отсутствие резервов для обороны, рьяно воспротивились плану полковника. За месяц наступление выдохлось. Момент был упущен благодаря стратегической тупости и склочности политиканов. За это время красные успели создать четырёхкратное превосходство в силе. Теперь мы неуклонно откатываемся к Уфе.*

- Между тем, вражья власть всё более ошетиливается и дикобразится, - произнёс, со свойственной ему образностью речи, Сергей.

- Не пристало нам сейчас обращать внимание на политические лозунги руководства. Они, как и мы, хотят сейчас одного – разгрома большевиков. Наши задачи пока совпадают. Значит мы готовы на временный союз. А там видно будет. Захотят нам новую керенщину навязать – не выйдет. Мы уже не так наивны будем и не позволим им образовать новое правительство. Всё же мы – военная сила и они станут с нами считаться. Покуда наш Каппель с нами – не всё потеряно! Говорят, что и на юге есть «свой Каппель» – генерал Дроздовский, - мечтательно проговорил Аркадий.

- Да что мы всё о крайне левых предателях? А Керенский и прочие высокие персоны в Думе чем были лучше? – спросил Сергей. - Видел совсем близко эту не по возрасту ещё дрябловатую физиономию с гаденьким рыжеватым бобриком на несоразмерно крупной голове, как он метался на трибуне, выпячивая грудь, мня себя Бонапартом до последнего. Закладывал руку за борт френча, принимая общеизвестную позу. Не хватало лишь треуголки. *Хватило у него ума, получив пост министра-председателя, переселиться в Зимний. На гектографах тут же размножили шутки об «Александре Четвёртом» и начали распространять их в армии. А большая часть интеллигенции захлёбывалась от счастья, сменив Царя своего, Богом данного, на выскочку-бонапартишку. Впрочем, «говорить о монархии теперь - это значит только вредить ей» - уверяет Владимир Оскарович, - Сергей тяжело вздохнул.*

- Этот человек может быть образцом для подражания любому из нас! – горячо заявил Аркадий. - Вы же, наверное, слышали, что *его супруга, при взятии нами Перми, была увезена большевиками в качестве заложницы. В ответ на их шантаж Каппель ответил, что продолжит борьбу. Большевистский штаб назначил премию за голову Каппеля - 50 тысяч рублей. «Я очень недоволен - большевики нас дёшево оценили, - заявил Владимир Оскарович. – Ну, да скоро им придётся увеличить назначенную за нас цену».*

- Он понимает, что верить подлецам и предателям нельзя: и его заберут и жену загубят, - отрезал Кирилл.

- Но я верю: пока с нами есть такие командиры, как Каппель с Нечаевым, наше дело не проиграно! – горячо воскликнул есаул Охотин.

- Во всяком случае, этот двадцативосьмилетний крепыш, полковник Нечаев, никогда не оставит своего святого дела, если только, не приведет Господь, пуля не остановит его, - перекрестился Сергей, - но как мало в наших рядах истинных монархистов и патриотов, подобных ему! И не думаю, что у Деникина их больше. Казаки же, похоже и вовсе не ратуют за Великую и неделимую. Они были хороши при Государевом порядке... Кто в лес, кто по дрова – вот в чём наша беда.

- Есть в нашем полку один эсер – Константин Вербицкий. Мы с Кириллом знаем его ещё по Лазарету Ея Величества. Память он оставил о себе самую нелицеприятную - язвитель, ядовит. Одно слово – эсер. Но сейчас мы замечаем, как он идёт рядом в бой, особенно, со слов пехотинца-Сергея. Так он - совершенно бесстрашный человек и ненавидит большевиков не меньше нашего. Раз он не уступает, если не превосходит в бою ярых монархистов-каппелевцев, то он нам необходим, как союзник. Или я не прав? – спросил Аркадий.

- Да, такой офицер – почему бы и нет. Он – не то, что те - засевающие в верхах Комуча, - согласился Кирилл.

- Всё молчит ваш Вербицкий и курит, курит, - вставил Сергей. - Видно, призадумался над своим прошлым и над «необходимостью» свержения Государя. Большевики дали ему хороший урок. Бог ему судья.

- Брат Борис теперь тоже, при случае, прикладывается к бутылке и явно страдает. А ведь врачи запретили ему крепкие напитки, - сказал есаул Охотин. - Пытался и я его вразумить. Но нервы у всех – понятно. Ещё и покаяние, от души идущее. Что говорить: и святые грешили и калялись.

- Но из нас, Охотиных, если кто и пойдёт по пути святости и иночества – так наш младший братик. Пока его духовный отец не одобрял его скоропалительного решения принять постриг. А как наш Антоша хотел с нами на фронт! Пришлось даже нечестно поступить, чтобы он только остался – здоровье не позволяет ему, - вставил Сергей.

- В нашем положении все средства хороши. Идёт борьба на выживание нас самих и нашей Отчизны, культуры. Узурпаторы, совершенно очевидно – от Лукавого, поэтому возможно лишь полное истребление их – очищение России! Важно ещё самым достойным офицерам преодолеть ныне единственную свою боязнь, оставшуюся в наследие от более простых и героических времён: страх унижения рукоприкладством. Невозможность себе представить, что его тела касается конечность другого в намерении ударить, дать пощёчину. Допустимо лишь оружие, но не рука, или нога. Поэтому всем нам необходимо учить британский бокс, которым мы, увы, пренебрегли в своё время, полагаясь лишь на оружие. Иным придётся теперь быть заброшенным в тылы противника для разведки, иным – быть взятым в плен и там избитым. Брат Пётр – молодец. Он не собирался становиться военным до Германской и преуспел в уличных драках. Рос дикарём, со шпаной водился. Ох, как ругал его отец наш иной раз! Однажды готов был трёпку задать, хотя Петруше уж под двадцать лет было. По иронии судьбы навыки брата Петра могли бы нам всем теперь пригодиться. Может преподашь нам урок кулачного боя, Петя? – улыбнулся Аркадий.

- Незадолго до войны один знакомый офицер повздорил с рядовым и назвал того, и вполне заслуженно, негодяем. Примечательным стал ответ рядового из разночинцев: «Меня, Ваше благородие, этим оскорбить не выйдет. Ежели я плюну Вам в физиономию, Вы получите сердечный удар, а если Вы – мне, то я утрусь и дальше пойду», - заметил Кирилл.

- Кстати, Павел I временно снял запрещение на телесные наказания для дворян. При Нём офицер мог быть побит палкой! – вставил Сергей.

- Немудрено, что случился заговор... Добавил бы к твоим словам, Аркадий, ещё и необходимый отказ привычки некоторых офицеров не кланяться пулям. До Германской ещё как-то можно было такое понять. Пулемётов было не так много... – несколько нерешительно добавил Пётр, - а когда наш ненаглядный Каппель норовит выкинуть такое в нынешних условиях нехватки офицеров, то это – недопустимо!

- Вспомнились недавние слова Каппеля, который обратился к своему полку: *«Господа офицеры, полагаю, что некоторым из вас известно, что в Германскую и я, подобно многим из вас, не желал кланяться пулям и осколкам. Но теперь времена изменились и нас остаётся всё меньше. Считаю, что мы никак не можем позволить себе в бою былой роскоши и не зале-*

гать при усиленном обстреле, а тем более – пулемётами. Не до бравады и былых идеалов, господа. Нам подобает успеть саму Россию спасти!» Все понимали, что полковник прав, – сказал Кирилл.

- Хорошо, если наш полковник сам теперь следует своим словам, в чём я не совсем уверен. Связные от Деникина рассказывали при мне, что то же самое считается хорошим тоном в Офицерском полку генерала Маркова. *«Железный стрелок» Сергей Леонидович в Кубанском походе выезжал вперёд в кожаной куртке и белой папахе. С рассеянным видом и стеклом в руках он мог себе позволить встать во весь рост под секущим свинцом, командуя: «Вперёд, господа!» Цепи поднимались вслед за ним, по-барски блестя погонами,* – добавил Аркадий, – *говорят, что Дроздовский напоминает Маркова и часто бою грызёт семечки, или держит фуражку, полную вишен, или черешен. Бывает, в поле колос сорвёт, разотрёт в ладони и ест зерна. Но я бы заметил, что наш Капшель вовсе не рисуется. А мужества он не меньшего. Барон Врангель для нас был воплощением «отчётливого» конногвардейца, героя возможно самой дерзкой атаки за Большую войну: вскачь на пулемёты. Он сам был впереди. Не говоря о графе Келлере. Слышал и о Каледине, что он никогда не посылал войска в бой, а сам водил их. Каледина отстранило Временное правительство за невыполнение распоряжений о демократизации в войсках... Кутепов тоже славился.*

- Упадок офицерской доблести в такой войне, как Германская, был неизбежен. Разве вся эта проклятая новая техника даёт шанс уцелеть таким, как Баранов? Этот георгиевский кавалер, павший в пятнадцатом году, считал, что раз уж он командует Государевой ротой и носит на плечах Царские вензеля, то он не имеет права залегать на перебежках, – вставил Кирилл, – но рыцарское отношение к противнику за четыре года Германской сошло на нет. И первыми начали деградировать австрийцы.

- Помню, какой Светлый праздник нам устроили немцы на Лесистых Карпатах, – вздохнул Сергей, – *их парламентарьёры поздравили нас с Пасхой и обещали прекратить обстрел на два дня. Наши поверили и предались празднованию в полном умилении от благородства противника. Неожиданная атака свежих вюртембергских полков разметала безмятежно разговляющихся пехотинцев Гайворонского полка. Наших выбили из Козювки и занял её второй раз нам так и не удалось. Вот тебе и рыцарство в этой войне. Обещания офицера фон Линзингена...* Пустота, нет более воинской доблести, святынь, ни самой Руси Великой. Перемолола Германская война последнюю. Самих душ, похоже, не остаётся. Но куда есть идеалисты, воспринимающие мир через призму православия и чести, готовые на заклятие ради высокой идеи Великого Отечества, не всё потеряно.

- Зато, благодаря погружению России в хаос и дальнейшее техническое отставание, конница в новой войне всё ещё имеет немалое значение. Побольше, чем в Германской. Нет худа без добра, – заметил есаул.

- Да уж... Добро... Типун тебе на язык такое добро, – проворчал Пётр.

- Это последняя война, в которой конница играет значительную роль. Помяни мои слова, Аркадий, если выживем. Лови момент и применяй свою николаевскую школу. Наше училище красным не превзойти. Какие из них кавалеристы против нас, да казаков с гудящими от напряжения пиками? – заметил Кирилл.

- Не могу легко согласиться, что – последняя для конницы война, – возразил есаул. – Мне думается, что идёт не столько умирание конницы, сколько потеря чувства конника у наших современников, вдохновлённых новейшей техникой. Конь и всадник должны сродниться и постичь восприятие мира друг другом. Когда человек не понимает и не любит коня, он никогда не завоюет доверие коня и навсегда останется чужд и непонятен ему. Хорошим кавалерийским начальником нельзя стать, как говорят казаки, им надо родиться. Если в Европе, опутанной рельсовыми и шоссевыми путями, необходимость в коннице поубавилась, то ещё немало мест на земле, где единственной двигательной силой долгое время останется конь. Машинизиро-

ванная армия в лесостепи, пустыне будет вынуждена таскать за собой грандиозные обозы – целые мастерские и запасы горючего. Я уж не говорю о горах и тайге, где и конник не проедет. Там – царство пехоты.

- Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне! Гличане мучают тебя, терзают в темноте! Под деревом развесистым почтенный бур сидит. Он держит речь друзьям своим, что истинный пиит, - затянул нескладно кто-то из солдат у соседнего костра.

- Эх, холмик муравчатый, да покойничек на нём! - вторил ему чей-то жидкий тенорок. – Ни зги уж не видно - пожарище грядёт.

Когда белые воины начали расходиться ко сну и тушить костры, Сергей подошёл к брату Аркадию и попросил его без обиняков поведать ему о своей отлучке в Екатеринбург. Аркадий застыл на мгновение и ответил изменившимся голосом, что ему очень тяжело говорить на эту тему. Но брат настоял, заявив, что имеет право знать, поскольку рвался в отряд, заброшенный в обход через леса к Екатеринбургу, не меньше Аркадия с Кириллом.

- С тактической точки зрения мы, воины Каппеля, могли бы, сделав усилие, занять Екатеринбург, - начал есаул, - но, не исключая, что воткинцы с ижевцами – никак уж не сторонники реставрации монархии, отказались бы нас поддержать. Думаю, что решение попробовать освободить Царскую Семью малым отрядом, не вызывая у врага подозрений, что в город готовится вторжение, было самым безопасным для сохранности Семьи. *Войска наши к июлю уже окружили Екатеринбург с трёх сторон. До сих пор не берусь утверждать: была ли в том навязанная воля противников самодержавия в нашем руководстве, чтобы мы занимали города вокруг, но не сам Екатеринбург, или же опасение, что большевики могут расправиться с Государем, если мы открыто пойдём на город.* Ответа ясного нет. Вряд ли и сам Каппель знает ответ. Ответ таится в штабе и правящей верхушке. Что касается солдат Каппеля, то заняв Симбирск, полковник пригласил командующих в гостиницу «Троице-Сергиевская». Комиссия Каппеля составила довольно основательный план освобождения Царской Семьи: накопление под Екатеринбургом верных боевиков, внезапный удар полка. Слышал и о переписке Государя с доверенными людьми Каппеля.

- Надеюсь, потомки никогда не скажут, что мы - белые офицеры, не предпринимали попыток к освобождению своего Царя¹²⁶, - вставил Сергей.

- Мы с Кириллом сознавали вполне трезво, что мало кто в этом броске уцелеет и потому решили совершить обряд побратимов. Двоюродные братья или близкие друзья перед лицом опасности прибегают к такому. Нас связывало ещё нечто, о чём позволю пока умолчать. Одним словом, перед выездом, мы обменялись крестами и троекратно поцеловались. За час до рассвета мы растворились в лесу. Нас было восемь человек и не все были друг другу знакомы. Позже выяснилось, что среди нас имеется один бывший эсер, который раскаялся в своих заблуждениях и вызвался ехать. Был и способный инженер–самоучка из низов, но вовсе не опытный военный. Любитель Жюль Верна. Разбирался он и во взрывном деле, что могло быть нам полезным. Пошёл вольноопределяющимся в четырнадцатом году. Признался, что подпал под влияние левой пропаганды на фронте и верил в напраслину на Государя вплоть до Февраля. Видел бедность рабочих окраин, жуткое пьянство и хотел изменить мир к лучшему. На Распутина был зол особенно и приговаривал: «Я верю в науку и торжество разума, но не

¹²⁶ Сразу же после отречения - 4 марта - корнет С. Марков явился к Царице и предоставил себя в распоряжение Царской Семьи. В дальнейшем он помогал Ей в Тобольске. Трепов Александр Фёдорович, председатель Совета Министров, не признал отречения Царя и, после Октября, стремился восстановить династию на престоле с финансовой и военной помощью Германии. Великий князь Дмитрий Павлович, пасынок сестры Царицы, замешанный в убийстве Распутина, тем не менее, стремился к спасению Государя. Верная подруга царицы, Вырубова, старалась помочь освободить Царскую семью, собрала средства у верных людей, не страшась расправы, нашла некоего Бориса Соловьёва, последователя Блаватской в области теософии. Человек этот, скорее всего, оказался авантюристом и вместе с ним исчезли многие царские драгоценности.

попам и не властителям огромной державы, пляшущим под дудку полоумного старца». Но, когда он увидел КТО пришёл к власти и ЧТО они сотворили с Великой державой, с ним произошёл подлинный перелом и он стал поборником самодержавия. Другая половина была казацкими хорунжими из Донского - двое, Уральского и Сибирского войск. Из них один - мой человек. У местных крестьян, уже под Екатеринбургом, прознали мы, что Ипатьевский дом обнесли двойным дощатым забором чуть ли не до третьего этажа высотой. Повсюду бродят часовые с винтовками и устроить побег незаметно невозможно. Беда была в том, что после всех стычек по пути, из восьмерых нас уцелело трое. По дороге, в лесах, полегли соратники. На нас стали нападать вскоре, после выезда. Словно кто-то донёс врагу о нашем существовании. Благо, наш сибирский казак был очень уж матёр по лесам хорониться. Ворваться в Екатеринбург так и не успели, поздно уже было. Когда узнали, что мы опоздали – хотели идти в город и убивать большевиков, покуда сами живы. Благо, мы не одни с Кириллом ещё были. Почтенный казак остановил нас, заметив, что истинных убийц мы не выявим. По пути назад и его не стало: сели нам на хвост красные. Еле ноги унесли. Если бы не тот казак, перед которым мы ощущали ответственность – его поддержать и не дать нас всех перебить, мы бы с Кириллом не вернулись. А теперь всё чаще думаю: а не лучше бы было там костями и лечь? Зачем-то отсиживались в полусотне вёрст от Екатеринбурга на опустевших асбестовых рудниках барона Жирара де Сюкантон, дальнего родственника жены моего друга - есаула Сергея Бородина. *Но самого барона там уже не было и почти все разбежались. Наш питерский славный барон Жирар де Сюкантон устыдился бы своего брата-заводчика. Не гнушался брат наживы и люд заводской чрезмерно перегружал.* И что теперь мы имеем? Позорное отступление. И к чему всё это? Всё пытались мы остановить неумолимость событий, верили в успех. Но видно так суждено за грехи наши... А спасти Их из Тобольска на барже - да вниз по Оби к северу было бы проще. Ведь там никого дальше. В тайге и затаиться бы на время... *Переброска Царской Семьи в Екатеринбург, возможно, объясняется тем, что с открытием навигации, легко мог быть устроен побег в Англию по Оби и далее на британском катере по Северному морскому пути.*

- Не верю, что так уж просто было бы то спасение, брат, - сказал вдруг Сергей. - Почему же отважный Ла Гир не спас тогда Жанну Д'Арк от костра? Или близкий ей по духу бедный рыцарь и воздыхатель? И не вини себя, во всяком случае.

- Почему мы с Кириллом единственные, уцелевшие в ходе нашего похода? Даже неловко как-то...

- Вздор, брат мой. Тогда и я могу убиваться, что ничего не сделал для Них. Что покорно подчинился приказу оставаться здесь.

- Вот что я нашёл, побродив вокруг проклятого Ипатьевского дома, - с этими словами, Аркадий полез в нагрудный карман своей гимнастёрки, - читай.

На обрывках обожжённой бумаги можно было с трудом разобрать красивый дамский почерк: *«Бесценный мой! Нежно благодарю за дорогое письмо. Дорогой мой возлюбленный! Шлю тебе эти строки от всего моего любящего сердца (далее - неразборчиво). Благословляю и целую тебя без конца, мой единственный и мое всё. Навеки всецело твоя старая Жёнушка».* Далее было написано иной рукой: *«Люблю тебя вечной любовью, которая всё растёт. Да благословит тебя Господь, моя душка! Целую нежно тебя и их. Моя горячо любимая жёнушка! (далее - неразборчиво) Навсегда твой, Ники... Моя родная душка-Солнышко! Нежно благодарю тебя за твоё дорогое письмо. Храни вас Господь! Целую нежно тебя и девочек. Навеки, любимая, твой Ники».* И опять аккуратный дамский: *«Сердце моё преисполнено глубочайшей, величайшей любовью к моему ангелу. Мысленно осыпаю тебя поцелуями. Бог да благословит и защитит тебя, мой Ники. Навеки твоя старая Солнышко».*

Глаза Сергея Охотина увлажнились и комок подступил к горлу. Он хотел что-то сказать брату, но не мог.

- Вот и ещё один смятый кусок выброшенной бумаги, найденный совершенно случайно. Это черновик письма Ольги Николаевны. Судя по дате, написано ещё в Тобольске.

Сергей Гордеевич разгладил потрёпанный листок и начал читать: *«Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».*

- Господи... – Сергей нервно перекрестился, - зло накапливается в мире и худо от него всем становится. Даже и злым.

- А самое дорогое, что у меня теперь есть - это найденное там стихотворение Сергея Бехтеева, которое поэт передал двадцатидвухлетней Великой княжне Ольге. Она обвела эти строки и пометила Своей рукой, как самое Ей близкое.

Сергей стал читать: **«И У ПРЕДДВЕРИЯ МОГИЛЫ ВДОХНИ В УСТА ТВОИХ РАБОВ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СИЛЫ МОЛИТЬСЯ КРОТКО ЗА ВРАГОВ».**

- И эти слова читаны и прочувствованы Ею в Екатеринбурге! Какая высота духа! Это – подвиг! Поразительно! – Аркадий заметно волновался, непроизвольная слеза скатилась по его щеке. - Мы хотим мстить, но эти слова снижают накал нашей мести... Ведь это призыв - Её завещание. Не знаю, что делать... После всех тех унижений, начиная ещё с заключения Семьи в Александровском дворце решением Керенского. Именно тогда всё постепенно начиналось. Мне рассказали, что *при завтраке Государя, заступающий в караул и уходящий, обыкновенно, приветствовали Его, и Он подавал им руку. Государь подошёл к офицеру Гайдуку и ласково протянул ему руку. Гайдук отступил и не принял руки Государя. Государь подошел к нему со скорбным лицом, взял его за плечи и, глядя ему прямо в лицо, спросил: «Голубчик, за что же?» Ответом стало: «Я из народа. Когда народ протягивал Вам руку, Вы не приняли её. Теперь я не подам Вам руки!»*

- Но как ты можешь знать, что эти пометки - Её рука? –спросил Сергей.

- Поверь мне, брат, но я-то знаю это наверняка. Так же, как Кирилл не ошибётся, увидев письмо Татьяны. Мы немного общались с Сёстрами в Лазарете. Самое чудовищное, что я слышал будто бы *солдаты, охраняющие Семью, писали повсюду похабные слова, чтобы досадить нежным дамам и девушкам. И более того! Якобы они вслух выражались при Великих княжнах...*

Наконец, Сергей понял, что скрывалось за всем этим, помимо верноподданнических чувств офицера: брат был платонически влюблён в Ольгу Николаевну - любовью средневекового рыцаря к королеве. Сергея осенило, что именно поэтому брат, в свои 34 года не желал и слушать о женитьбе, оправдываясь занятостью по службе. Первая любовь способна наделить объект преклонения немислимыми достоинствами, но святость происхождения возлюбленной брата делала эту первую и единственную любовь особенной. Греховных мыслей не было со стороны Аркадия и подавно. Оставалось лишь терзать себя такой любовью и платонически страдать. Наверное, он сознавал, что это сумасшествие настолько влюбиться в Царскую дочь. И никогда не узнал Сергей, как Аркадий долго мучился, изгоняя мысль о том, что после отречения дочь Государева стала уже не столь недостижимой и чисто платонической абстрактной целью, но туманно-отдалённо возможной для сватовства офицера-дворянина. Аркадию казалось, что он никого никогда не сможет полюбить больше и, по сути, существование его лишено смысла для себя, но нужно лишь для дела спасения России. Во всяком случае, стал бросаться в бой с тех пор ещё безрассуднее.

- Вы сделали всё, что могли. Ты, и Кирилл, и все те, кто не вернётся никогда, - судорожно проглотив слюну, произнёс Сергей.

Холодный пот выступил на лбу бывалого есаула и взгляд его застыл.

- Что с тобой, брат? – тревожно спросил Сергей, потрогав его за плечо.

Аркадий очнулся от наплывшего видения – гулких звуков выстрелов. Тут он сообразил, что они – плод его воображения: пули, впивающиеся в тела Великих княжон, рвущие нежную плоть.

- Подло всё, гадко, - проговорил Аркадий. - В Екатеринбурге было много бывших офицеров, эвакуированных из Петрограда. Но ни единой попытки освобождения Августейших узников! Не было их и в Тобольске...

- Но ты же сделал всё, что мог.

- Не говори так. Такое мне слышать ещё больнее. Помнишь, как в индейцев вместе играли? Я всегда присваивал себе имя Разящая Рука. Сам выдумал такое. Ты предпочитал книжному – Красное Облако, а Петя – Сидящий Бык. Никакая рука моя не разящая...

- Главное, не впадай в уныние. Всё самое страшное уже случилось и ничто теперь не изменишь. То, что Семья непременно окажется в раю должно тебя утешить. Ты нужен Отечеству. К тому же больше, чем такие низшие чины без опыта, как я.

- Вспоминается моя беседа с одним чиновником в Петербурге, - неожиданно сказал Аркадий задумчиво, но уже не столь обречённо. - Я только вышел из Лазарета Ея Величества. «Вы там все такие патриоты в Николаевском училище?» - спросил он меня, вперив свой бесцветный взгляд в мои глаза. «Да, мы очень любим Государя» - ответил я. «А Россию?» - с удивлением спросил он. И я ответил бесхитростно-искренне: «Конечно, ведь мы готовы погибать за Царя и Отечество». «Ведь мы, ведь мы... Ведьмы иные тоже готовы» - сострил его товарищ-делопроизводитель. «Вы скоро опять на фронт, или как?» - спросил опять начальник, с оттенком недопонимания. «Воля Самодержца для нас – высший закон» - строго формально ответил я, ибо его копание неуклонно начинало раздражать. Но потом добавил – «И я сам чувствую свой высший долг вернуться на фронт». Потом я поспешил с ними расстаться. Выйдя на улицу, я понял, что мой ответ на вопрос «а патриот ли ты», приравнивающий любовь к Государю к любви к Родине, единственно приемлемый для меня ответ, для таких, как они казался мало-понятым, странным. *В петербургской штатской среде уже давно угасло, ушло в прошлое само понятие преданности Престолу.*

Весь следующий день было приказано отходить в быстром темпе. К концу дня пехота не чувала ног своих. Тем не менее, у вечерних костров загудели привычные разговоры, а порой и перебранки солдат. В удобном лагере у реки перемешались разные подразделения войск Народной армии. От костра к костру бродили и каппелевцы, и ижевцы с воткинцами со своими тесаками за голенищами сапог¹²⁷. Сергей Охотин бесцельно брёл между костров в тяжёлых раздумьях. Мысль о жене и сыне, находящихся там, в Москве - в самом логове большевиков, не давала ему покоя.

- Сергей Гордеевич! – окликнул его чей-то смутно знакомый хриплый голос, и Охотин встретился с добрыми, прищуренными глазами, расположенными на весьма бандитской физиономии, мало соответствующей их доброте.

- А! Рядовой Миловзоров! – приветливо отозвался Охотин. - А как же, конечно, узнал! Как у Вас, Корней? Ведь давненько не виделись.

- В наше время недолго и вовсе никогда больше не увидать никого, да и неба голубого, - прищурился Корней, - а ведь в каких делах славных на Карпатах побывали с Вами... Но я уж и не рядовой боле. Повысили малость.

Сергей смутился: в силу своей глубокой отстранённости от окружающих мелочей, он – человек глубоко гражданский по духу, так и не приучил себя разглядывать нашивки, как и ранее – погоны. Впрочем, в нашивках он так и не успел толком разобраться.

¹²⁷ Это были рабочие тесаки для резки кожи на заводе. Красные страшно боялись вида таких тесаков.

- Поздравляю, со вступлением в чин прапорщика, Миловзоров! – улыбнулся Сергей, с трудом угадав его новый чин.

- Благодарю покорно, Сергей Гордеич! Вы, верно, меня среди большевичков скорее бы ожидали увидеть? – от Миловзорова почему-то приятно пахло свежемолотым зерном.

- От чего же так? Вовсе нет. Искренне говорю, что это не так, поскольку был о Вас всегда лучшего мнения, - возразил Охотин.

- Вот, воевали с бар... человеком, то бишь, на Карпатах бок о бок, - обратился к соратнику Миловзоров. Сергей уловил, что он хотел было, по привычке, сказать «с барином», но в силу Богом данного, такта, вовремя оборвал слово, не желая поставить Сергея в неудобное положение, а по нынешним временам, и вызвать отторжение у солдата-собеседника.

- Отрадно слышать, господин поручик! - рядовой несколько напряжённо вытянулся перед Сергеем, но тот, столь же напряжённо, промямлил:

- Отставить... Ужин, отдых...

- Ничего, ничего, Вашбродь, пушай оне службу знают. Совсем молодёжь от рук отбилась, - проворчал почти сорокалетний Корней, - чаво расселись тут, что индюки надутые? Аль аршин проглотили?

- Вот интересно мне узнать, Корней, а Вас лично большевики задели, село разорили? Или Вы сознательно здесь оказались? – спросил Охотин.

- Эх, Сергей Гордеич, Сергей Гордеич, - молвил Миловзоров, - как начали комитетчики у нас в повку (полку) всё разваливать, так и рад был я домой уйти с фронта. Хотя без того бы – ни за что. Пока Государь-то был. «Катайте шинели, берите сумки, да мешки и – по домам. Жёнушки вас тама ждуть». Так всё орали нам на сходках. Рад был домой – всё одно фронт развалили. Семья, работёнка. Поле-то наше запущено совсем. До войны, бывало, урожай ржи собирали у нас в деревне сам-шесть, не меньше. На Флора и Лавра, до августа-месяца, завершай посев ржи... А опосля, когда одни бабы, да детки остались – хорошо если сам-два.

- Позови хучь к чаю, господина поручика, к костру нашему. Ты как –то не по-русски, Корней. Онемечился там в своих Карпатах. Аль у вас там в Курске все такие? - позвал их солдат-«дедок», с изъеденным оспой лицом, которому было не менее полувека.

- Ну ты, Вахрамей, наливай нам, разумей, стало быть, чаю на двоих. Присаживайтесь к костру нашему, Сергей Гордеич, - Миловзоров взял Охотина под локоть, и Сергей почувствовал, что от Корнея по-прежнему явно исходит добрый дух свежемолотого зерна.

- Чайку, господин поручик, - заулыбались рядовые.

- Кто чай пьёт от Бога отчаивается, а кто кофий потребляет – на Христа налагает. Так-то вот, - выпалил скороговоркой молодой здоровяк, сдобно улыбаясь.

- Присаживайтесь, - продолжил Корней, - у нас тут солома знатная, цеповая – мягко и тепло. Машинную-то и не донесёшь, раструсится по пути вся.

- Так вот и катимся назад. И который день, - мрачно промолвил «дед», почёсывая густую бородищу с проседью. - С космодемьянкой, сучковатой палкой то бишь черёмуховой, против пулемёта не попрёшь. У них пушки-пулемёты, у красных. А мы тут, стало быть, каждый патрон бережём. Пехтура наша замаялась совсем.

- А вот тот – самый здоровый, - сказал Корней, - он бывший красноармеец. Богомазом был. Уж и иконы сам начинал писать, так совратили его ироды енти. Но понял, что к чему, как они при нём над самим Господом Богом глумиться стали. Как в плен попал, так и к нам сразу. Вот и я так же, Сергей Гордеич, поработал осенью семнадцатого на славу, поднял хозяйство. Голавлей по омутам наловился, перепелов по оврагам... А к весне пришли большевики и отобрали запасы, да так, что впроголодь вся деревня потом жила. А тут, в прифронтовой полосе, куда ни глянь – мыши на необработанных полях жиреют! Прослышали мы там, что супротив большевиков силу собирают. Испекла мне благоверная к Сорока мучеников сорок жаворонков, ну

и пошли мы, кто покрепче, на Волгу. Да только из нашей деревни, из тех пятерых, что со мной пришли, один я уцелел. Пуля-то дура, да моей разбойней морды и она побаивается.

- Молодцы вы пятеро. Если бы побольше таких разумных крестьян в России было. Уже бы большевиков одолели... – вздохнул Сергей.

- Вашими бы устами да мёд пить. Откуда там! Народ дале сваво сарая не видит, - проворчал Вахрамей.

Со стороны офицерского костра донеслась бравурная белогвардейская песенка:

- Звените струны моей гитары, мы отступаем из-под Самары. Эх, шарабан мой, американка, а я - девчонка, я - шарлатанка.

- От слов большевика одного во мне тогда радость грядущего пробудилась. На душе полегчало. Решил по мечте дальше жить, - вздохнул «богомаз». - А потом понял, что к чему.

- Все тут и костями поляжем. Уж я-то как в воду гляжу, - нехотя проговорил мрачного вида тощий паренёк с бельмом, - сколько-то тысячев мы тут от Казани потеряли? Командиры народ в сумнение привели. Кому утро, а нам теперя вечер.

- Ты, болезный, стало быть – того. Помолчал бы лучше. Не гоже себе смерть, Вукол, накликивать. Вперёд лыка не дери, говорят у нас - не загадывай. Дурачок ты ещё, Вуколка, дитяти, - рассудительно заметил Корней. - А закат красный-то просто к ветру сильному. Не боися, не к крови большой. Туч-то на небесихь сколько нахлобучилось.

- Слышь-ко, Корней, скотина глухо мычит, да землю перед бурей роет, а перепела в рожь прямиком падают, - вставил «дед».

- Оно знакомо... И где ты, Вахрамей, тута скотинку-то узрел? – засмеялся Корней.

- Божью планиду видал вчерась на небесих. Сама двигалась – во те крест. Мы все тут скот. Нас и ведут... - с прежней мрачностью высказался Вукол.

- Что ты всё одно долдонишь тут? Просто месяц в ущерб идёт, дурачина. От того на душе иному тревожно, - усмехнулся Миловзоров, - вывездило - к морозцу.

- Да прекрати ты, сиз голубь, каркать! – заворчал «богомаз» на Вукола.

- А шо? Люди, что воши, их не сочтёши, - отозвался Вукол, не разглаживая складку на лбу. - Пёс вчерась всё ночью-то выл - слышал? К смерти оно.

- Не мели! Ты, Вуколка, надо полагать, в уме рехнумши слегка. Отведайте, Сергей Гордеевич, мурцовку¹²⁸ нашу. Почти удалась. На селе овощами разжились, только кваса вот нету, - Корней протянул Охотину миску.

- Охотно, Корней, очень душевно с Вашей стороны...

- А Вы не смотрите, Ваше-скородь, что дед наш Вахрамей староват. Может он зрением и слабоват бить прицельно, но космодемьянкой пребольно дерётся. Лупцует так, что голову за раз проломит, - улыбнулся Корней.

- Мальчише-ечка на-а па-аззици-ию пя-яшком па-атрон принёс! – зазвучал рядом с ними хорошо поставленный баритон. - Преславное чудо, небо украшено звёздами, земля - цветами, Петербург - господами, Москва - церквами, Дон - казаками, Казань - татарами, Вятка - слепнями, Оренбург - башкирами, Екатеринбург - торгашами, Верх-Исетский – мастерами.

- Это ижевские, - сказал Вахрамей, - оне петь умеють. Без сучка, без занозинки поёт, подлец. Эй, Бажен, присаживайся. Спой и нам чаво.

- Солдатское горло, что суконное бердо¹²⁹ те? Для тебя, хрыча старого ещё надрываться тут? – рассмеялся приветливый жилистый мальй лет под тридцать.

¹²⁸ Толкушкой мнут в чашке зелёный лук, добавляют кислой капусты, редьки, крошат хлеба, поливают конопляным маслом и заливают квасом.

¹²⁹ Приспособление для ручного ткачества, похожее на гребень.

- Бажен, он всю войну прошёл. Вернулся было к мирной жизни, так большевики родной завод разорять стали, - проговорил Корней, -но попёрли они «товарищей». Гусь свинье и не товарищ.

- Ижевские наши бают, шо давно пора Советам всю власть забирать, а не большевикам. Мы все тут за Советы, но без большевиков! Кровопийцы оне. К чему столько крови барской? Кто из бар от дурной болезни, аль безделия сам сдох – туда и дорога. А есть ведь и труженики из них и умницы. Аль офицеры-храбрецы, когда за Расею постоять надоть. Один барин всегда был и будет лучшЕе целой кучи барчуков.

- Вот те и без аннекций да контыбуций. Продали державу ни за полушку! А ты вот, рабочий, Карлу Марлу читал хоть? – спросил Вахрамей. - Марксист, аль царист? Все вы рабочие теперя - марксисты.

- Что сияешь, как самовар начищенный? Гляжу, от избытка ума тебя распирает. И к чему мне Маркс твой? Думаешь каждый рабочий Марксом бредит? Да и кому он к ляду? Нам на заводе при Царе хорошо жилось. Но министров нам не надо, да разных там распутиных. Окончил я три класса прогимназии и Маркса прочесть мне не трудно. Да надобности нету. Теперь вот – совсем худо. Всё говорили, мол, Ленин – из мужиков, с пониманием. Не тут-то было. Большевики – ленинцы и всю эту смуту затеяли. Краснюки проклятущие! Умная у тя голова, Вахрамей, только жаль, дураку досталась, - ответил Бажен.

- Ты, погляжу, дурак, а умный, - проворчал Вахрамей.

- Полюбили сгоряча русские рабочие Троцкого и Ильича, и всё такое прочее... Расстреляли сгоряча русские рабочие Троцкого и Ильича, и всё такое прочее... – дурашливо пропел один солдатик. - Это про вас - ижевцев.

- Поганят оне веру нашу, хрещеную. От того я и тут, с вами, - сказал ворчливо «дед».

- Знатная мурцовка. Скусно, братцы. А Вам как она, Сергей Гордеич? – спросил Корней.

- Очень приятно свеженькой зелени...

- Ох, натопались мои ноженьки нынче. Конный пешему не товарищ. Пора и ухо ломить, - сказал «дед».

- И в Царьграде пеши ходят, - бойко возразил «богомаз».

- Ты спи, Вахрамей, а мне тут надобно Сергей Гордеича спросить кой об чём, - сказал Корней, подмигнув «богомазу». - Вот у нас тут Федотка есть один... Слышь, Потап, кликни мне Федот Нефёдыча.

Подошёл сутуловатый невзрачный солдатик средних лет и важно представился «господину поручику», что он, мол, и есть тот самый Федот Нефёдович.

- Федотка наш тут, Сергей Гордеич, всё про Распутина, да про Распутина байки рассказывает. А я ему говорю, мол, врешь ты всё иль все тебе, кто сообщал о том, врал. Вот послушайте его только – смех и грех.

- А чё я буду вам тут сказывать, коль никто не хочет верить? – насупился прыщавый и веснушчатый солдат. - Хотите слушать, так и не возражайте. Рассказ есть рассказ и что в нём правда, что в нём ложь одному Богу известно. Не хотите, так и не буду сказывать.

- Давай трави, не ломайся нам тут! Распутинщик ты наш, - оживился Вахрамей, - от твоего вида и сон прошёл мой.

- Говорят, - мечтательно закатил глаза Федот, - был Гришка знатным травником. В травах смыслил ён, что ты в огородничестве. Корешки, да травки насобирал разные и ну - пастилу из них готовить. Какой дамочке кусочек даст отведать – так и льнёт она к нему. Во как! Каждый ворожит, да по-свойски. Так и самой Царице пастилки подсунуть сумел. Тут и взыграла Она. И такое пошло во дворце - садом-гамора, как говориться. Пьянство во дворце пошло страшное. Царь и раньше-то трезвый и дня не бывал, а как Распутин появился - кабак, да и только! Алексан-третий-то дела сваво мастером был, но сынишка – совсем не то. А Распутина водка

не берёт вовсе. Сколько в глотку не вольёт – всё трезв, что твоё стёклышко. Для таких как ён лучше рябчик в руках, чем два на ветке, как говориться.

- Вы что же такое своими глазами видели, любезный? - недоумённо спросил Сергей и подумал: «Федот Нефёдович... Ведь в самом имени его заложено отрицание. Так и мается человек весь свой век».

- Нет, не сам. Но из первых уст слыхивал. Оно достоверно всё, Вашбродь. Ей-ей! Вот крест!

- Вот и попридержали бы язык лучше, рядовой. А уж Крест Святой поминать здесь и вовсе грех. Ибо ложь это гнусная. Мне довелось иное видеть и слышать. Мой родной брат лежал в Лазарете Ея Величества и Она сама ходила за ним. Своими руками гнойные бинты меняла. Вот так, любезный, - Сергей с трудом сдерживался, чтобы не нагрубить нижнему чину.

- А Расею-то Вильгельму продали, Ваш-бродье. Аль не так я говорю? Как же так получается? Коли Царь наш трезв бы был, так оно бы и не случилось... Царица же власти добивалась. От того и муженька подпаивала, шоб скovyрнуть вовсе, а Гришку одобряла. Немка же сама, вот и... – выпаливал скороговоркой Федот.

- Довольно, рядовой! – уже плохо владея собой, проговорил Сергей. - Был бы офицер – пошёл бы стреляться за оскорбление тех, пальца которых сам недостоин.

- Мать чесная, чо говорить! Бросай хитроколенца свои. Федот, да не тот, - ухмыльнулся в бороду «дед». - Темень-то какая. Осень. И зги Божьей не видать! Сон что-то одолевайт.

- Благодарю за чай, Миловзоров, но сил больше нет такое слушать, - Охотин раскланялся.

- Уж не обессудьте, Сергей Гордеевич, - смутился Корней, - так он ещё ни разу не расхотился. Он, дурак-щучий сын эдакий, такого наговорил, что я тоже ни слову его нынче не поверил.

- Прощевайте, Вашбродь. По недоумию мы тут. По-нашему, по крестьянскому делу. Вам виднее, как грытся. Благодарим за неоставление. В ноги кланяюсь, - промямлил Федот.

«Идиот», - проговорил про себя Охотин.

- А что до меня, так я верю тому про Распутина, - раздался голос Бажена вслед удаляющемуся Сергею.

- Ых по-ша-ла я, да под ви-и-нец, да мужинёк мой стал стерве-е-ец! – раздалось поблизости.

- Не реви песнь свою благим матом, дурачина! Уймися! Люди устали, – огрызнулся кто-то.

Через несколько дней произошло недолгое, но жаркое сражение с авангардом красных. Капелелевцы потеряли, как обычно, гораздо меньше красных, да и заводчане Молчанова тоже. Но приходилось откатываться дальше и как можно скорее: соотношение сил было слишком неравным. Настроение в войсках падало и случались побеги. Сергей долго общался перед самой битвой с наречённым своей любимой сестры Евпраксии – Емельяном Владимирцовым. Отважный офицер потерял в Германскую половину лица и вид его вызывал невольное содрогание у каждого. В тот вечер был капитан Владимирцов мрачен, как никогда. Он попросил Сергея передать Евпраксии запечатанное письмо, «в случае чего». Охотин, конечно, пообещал выполнить его просьбу, но в тот момент решил сделать один непозволительный в отношении офицера шаг. Однажды Сергей получил острое несварение желудка и один из рядовых, знающий толк в травах, дал ему очень сильнодействующий, очищающий кишечник, сбор. В другой раз, Сергей попросил у того сбор от бессонницы. В тот мрачный вечер Сергей, мучимый сомнениями, всё же заварил остатки трав, взятых из тех двух мешочков для Владимирцова. Беда была в том, что он уже не помнил, какая из трав – снотворное. На рассвете капитан был бы в любом случае не в состоянии идти в атаку... Это сняло камень с сердца Охотина, но остались опасения недовольства со стороны Емельяна от угощения «особым чаем». Во всяком случае,

Охотин оправдывал себя «в глазах Господа» тем, что в случае гибели Емельяна, сестра его, которой уже тридцать шесть стукнуло, никогда не выйдет больше замуж и не будет иметь детей. Уж он-то знал свою сестру лучше других родственников. Знал и о её намерениях удалиться в инокини. Подозревал даже какую-то тайну в судьбе Евпраксии, которую она тщательно скрывала, но ставшую причиной её желания порвать с мирской жизнью.

После сражения Сергей встретил Миловзорова и узнал, что Федотка и мрачный Вукол стали перебежчиками, а бывший красный «богомаз», напротив, отважно бился и пал в последней стычке. Фронт был разорван и неимоверно растянулся. Чехи, оказавшиеся южнее, становились всё более непредсказуемыми. Народная армия отходила, отрывалась от преследователей. В этих условиях становилось реальнее пересечь линию фронта и, измучившийся в тревогах о своих Сергей, решил попросить начальство отпустить его в Москву. Добро он получил довольно быстро и начал готовиться к проникновению в красные тылы. Пётр решил не ехать с ним, ибо был почти уверен, что его Аграфёна должна быть уже на Дону, куда так просто не проникнуть, где фронты плотнее, места населены гуще. Аркадию же, не к кому было так рваться. Когда братья прощались с Сергеем, подошёл Кирилл и сказал, что его посылают с отрядом к уральским казакам с целью переговоров. Дело было не менее рискованным, чем план Сергея добраться до Москвы и назад. Братья и Кирилл сильно сомневались, что безопаснее: попытаться забрать семью с собой назад, к Колчаку, или оставить в Москве - мол, не звери же какие те самые большевики... «Проберусь назад к вам во что бы то ни стало. Один ли, со своими ли. И Вы, Кирилл, возвращайтесь непременно!» - были последние слова Сергея, и его фигура исчезла из поля зрения однополчан в перелесках. Кирилл отправился в более юго-западном направлении, днём позже. Пересечь фронтовую линию было не самым сложным. Передвигались по ночам, а днём хоронились в зарослях. Отряд Ртищева был конным и перемещался гораздо быстрее Охотина. Но Сергей вскоре сел на поезд и, прикидываясь глухонемым крестьянином, спокойно поехал в сторону Древней столицы. Документы не раз проверяли, в лицо фонарём среди ночи, растолкав. Но что взять с убогого бедняка-полубродяги? Главное было не выдать речь образованного человека. «Сковывается кольцо, замыкается в круг, ошестинивается, дикобразится. Из своей страны сброд ползёт, из-за рубежа смертью веет, душит и давит восемнадцатый год. Было тяжело, стало – тяжелей. Разорви рубаху, сделай портянки, намотай на ноги, полезай в сапоги! И на фронт иди, в самый ад беги! Потекла река смерти бурная, тыщи жертв вновь уносящая. Смерть изжила себя, река обмелела, и они вперёд ринулись так, что смерть ошалела. И потухло пожарище, с шипением издохло, - в тревожном полусне лезли в голову Охотина тягучие рифмы, – Я пью от страха самого себя. Мой череп уже гол, и я устал... А моё ли последнее? Давно дурацкие свои вирши в голову не лезут. И слава Богу. А когда-то декламировал сам себя с подобающим завыванием. Глуп был».

Приближаясь к отчому дому, Сергей чувствовал, как необъяснимое волнение охватывает его душу. Тревожно было, хотя с фасада дом мало изменился. Разве что уличная сторона его стала грязнее, краска на досках облупилась. Сердце Сергея невольно упало, когда из двери дома вышел видный широкоплечий незнакомец в заломленной кепке пролетарского вида, пыхтевший сигаркой. Охотин не стал торопиться и прошёл мимо порога, чтобы не привлечь его внимание. Когда незнакомец исчез из виду, Сергей решил постучать в дверь отчего дома. Открыла его жена, Лиза. Человек, стоявший у порога, в первый миг показался ей незнакомым. Но через долгую пару секунд она воскликнула:

- Сними скорее этот дурацкий картуз, Серёжа! О, Господи, что же это за жизнь такая! Проходи скорее, милый!

- Кто это вышел от вас, Лизанька? – нервно спросил муж.

- Ты имеешь в виду: не мой ли это возлюбленный? – рассмеялась Лиза. - Это - вселенец.

- Как? Вас уже потеснили? Я слышал немного о подобном произволе в поезде. Это же наш дом... Что творят!

- Радоваться надо, что одного только поселили. Других уплотнили куда больше. Даже и человек не плохой, хотя и большевик. Зимой так голодно, Серёженька, было, его вселили, а у него работа такая, что паёк дают хороший. Иной раз детишкам нашим что-то подкидывает. Он – холостяк, ему с избытком.

- Какой кошмар! До чего нас доводят...

- Такова жизнь, Серёжа. До вселения обыски у нас бывали, а теперь, благодаря проживанию «надёжного» человека, их не стало. Хотя бы ради этого надо терпеть, что его махоркой весь дом пропах.

- Ой, Лизанька...

- Дай я тебя поцелую, Охотин. Андрюшенька, милый, беги сюда скорее! Смотри: кто к нам пришёл?

- Узнает ли? – заволновался отец.

- Конечно. Ребёнку шесть лет, а уехал ты меньше года назад. Что же он тебе младенец? Как ты не разбираешься в детях, так и не смыслишь в нашем деле.

Через мгновенье Сергей обнимал своего сыночка.

- Ой, что я делаю! Нельзя мне к вам прижиматься. Вшей понаберётесь. Надо всю одежду прожарить. Паразиты в поездах народ одолевают. Поговаривают уже, что во время смуты тело само начинает выделять вшей.

- Евпраксия, Глаша! – крикнула Лиза. - Где же вы?

- Идём! Мы уже слышим, кто тут! – на пороге появились милая сестра и за ней - жена брата Дмитрия с пятилетним малышом за ручку.

- Всё хорошо, дорогой брат? – Сергей встретился со строгим взглядом серых добрых глаз Евпраксии и сердце его ёкнуло от осязаемого надлома в интонации сестры, в каждом слове её и жесте. Было очевидным, что она ждёт дурных вестей о своём наречённом.

- С Емельяном, Аркадием, Петром всё хорошо, - поспешил объявить Сергей.

Евпраксия с Глашей напряжённо перекрестились.

- Крестись, мальчик мой, - громко шепнула Глафира сыночку, - дяди твои живы-здоровы, - после этих слов она всхлипнула.

Все мучительно поняли, что означает этот звук: от мужа Глаши, Дмитрия Охотина, не было никаких вестей с того момента, как он направился служить во Францию в Русский Легион... Все в доме старались не говорить о Дмитрии, не терзать Глафиру лишний раз.

- Давайте к столу скорее. Наверное, ты голоден, брат мой, - заговорила Евпраксия.

- Мне бы сначала себя помыть. Насекомых в поезде понабрался...

- Да, конечно. Пойду воду греть! Но постойте, - вдруг словно опомнилась сестра, - а как же со Спиридоном быть? Человек-то незлой, но кто знает, что можно от них ожидать...

- А когда он вернуться должен? – насторожилась Глаша.

- Сегодня он припозднится с утра. Приходит обычно к ужину, - проговорила Лиза.

- Нельзя говорить ему, кто такой Сергей. Что он – брат мне, муж Лизе, - сильно волновалась Евпраксия. - У них могут иметься сведения по нашей семье. Заложников они берут. Хорошо ещё, что никто из Охотиных, в той армии, не высокого чина.

- Тогда скажем, что он – родственник. Из Твери приехал, - предложила Глаша.

- Надо будет Андрюше внушить, чтоб отца не выдал... – проговорила Лиза.

- На том и порешим, - улыбнулся Сергей.

- Брат, а что с Государем? Отказываюсь верить заявлениям большевиков. Не могу принять такое, - нервно произнесла Евпраксия.

- Увы, сестра. На сей раз они не лгут...

- Ещё зимой тут все говорили, что Николай Александрович бежал из Тобольска и большевики собираются забросить туда пять сотен матросов¹³⁰, - сказала Глаша.

- Нет, Глафира, всё гораздо хуже. Государя больше на этом свете нет.

Евпраксия истово перекрестилась.

- А в армии как настроение? Отплатят им за такое? – спросила Лиза.

- «Какому служишь королю? Молви иль умри»... Шекспир... – загадочно ответил Сергей.

- Ничто не в радость после такого унижения России, - сурово произнесла Евпраксия.

- Мы должны их одолеть, сестра. Иначе быть не может, - с неожиданной убежденностью произнёс Сергей.

Опечалила Сергея весть о том, что младший брат его, Антон, именно в эти дни уехал с отцом Виссарионом в паломничество в Сергиев Посад.

- Вот сорочка, кальсоны, печатка мыла, вехотка. Иди мыться, милый брат, - сказала Евпраксия.

После мытья и скромного, но, впервые за много дней, сытного ужина, Сергей продолжил рассказ о фронте. Поговорили о том, как там Петрова Аграфёна на Дону, как там Глеб с семьёй, строя предположения, немного - и о голодной прошлой зиме и разошлись по комнатам. Ко всеобщей радости, Спиридон ко времени ужина в тот вечер не пришёл. Когда Сергей с Елизаветой уложили Андрея, и он крепко заснул, Сергей подошёл к полкам своей большой библиотеки и, с наворачивающимися слезами, потрогал корешки любимых книг. Обходил книги и молча прощался с ними. На каждой книге имелась надпись карандашом: где, кем и когда приобретена. А почему прощался и сам, наверное, не смог бы ответить... Потом он начал копаться в своём письменном столе и на книжных полках. Постепенно его стало всё немало раздражать, поскольку всё было не на привычных местах, и он никак не мог найти плод своих многолетних трудов – рукопись о Японской и Германской войнах, личным свидетелем которых он был. Вторая часть книги была пока лишь в набросках, но о Японской - вполне готова к изданию. Наконец, Сергей не выдержал и спросил жену, не видела ли она ту самую рукопись.

- Так я и знала! – воскликнула Лиза, немедленно разозлившись. - Не успел ты приехать, как кидаешься к своим драгоценным бумагам, вместо того чтобы расспросить о том, как я тут одна справляюсь!

- Да успокойся, Лизанька, но я ведь должен знать, где храниться очень важный труд, стоивший мне многих кропотливых дней и лет. Хотелось бы разобраться с этим, а потом лечь в постель и поговорить о тебе...

- Естественно, что я на втором месте. И так было всегда!

- Но не томи, ответь на столь простой вопрос: где моя рукопись? И всё пойдёт своим чередом. К чему всё это? Я так по тебе соскучился...

- Я вижу, как ты соскучился. Даже, когда ты здесь, я по-прежнему одинока! Нет тепла от тебя, нет! Ты живёшь собою, своими желаниями и проклятой книгой. Не нужны мы тебе с ребёночком! Нет тебе дела до нас!

- Опомнись, любимая, не обижай меня так. С огромным риском для своей жизни пробирался я сюда, чтобы вас увидеть, а может быть и забрать туда.

- Да! Я вижу, что ты хочешь здесь, в первую очередь, увидеть! Свои чёртовы бумаги! А ты хоть нас спросил: хотим ли мы ехать с тобой туда? Что там можно ожидать, кроме вшей?

¹³⁰ Позже большевики распустили слухи, что Царь должен появиться в Москве, где над ним будет совершён суд, но вероятнее всего, никакого суда вообще не будет, и Семью вышлют за границу. Есть показания, что Ленин хотел устроить показательно-фальсификационный суд за месяц до убийства: «...Ни в одном из учреждений не ведётся следствия о действиях Николая Романова и, вероятнее всего, предстоящий Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов вынесет постановление подвергнуть остракизму семью Романовых и выслать их из пределов Российской Федеративной республики за границу» (Мультатули П., 2010).

- Одумайся, что ты говоришь, когда я шкурой своей рисковал, чтобы повидать вас и попытаться забрать с собой, взвесив все за и против!

- Вот именно, что забрать нас, не думая об опасности для ребёнка! Об извергах на дорогах, не говоря о болезнях в набитых поездах! Что ты говоришь? Ты не успел в дом войти, как к рукописи своей устремился! Её и приехал забирать.

- Заклинаю тебя, опомнись!

- И в лучшие времена ты не мог заработать на содержание семьи подобающе, а теперь поставил ребёнка на грань голода и семью поддерживает лишь, ненавидимый тобою, большевик!

- Не говори же так, чёрт побери! Не оскорбляй меня! Ответь, где мои бумаги. Когда я уезжал они лежали в ящике стола.

- И очень глупо, что не спрятал свои драгоценные бумаги. Здесь было два обыска, как я уже говорила, и рукопись конфисковали. Может быть я должна была трупом лечь перед обыскивающими? Тебе, конечно, важнее меня твои книги. Надо было мне драться за них!

- Шарль Нодье некогда сказал: «Любовь к книгам - синоним духовности и если обществу угодно считать такую страсть безумием, то тем хуже для самого общества». «Прощайте, друзья» - шептал своим книгам умирающий Пушкин! Ты их, должно быть, и раньше особенно не любила.

- Ты прячешься от новой страшной жизни за книгами, - нервно бросила жена.

- Но, между делом, ещё и воюю. Есть люди читающие и есть - прочие. Не вижу большего различия между личностями, чем это. Именно оно определяет многое.

- Ты пытаешься мне доказать, что ты относишься к первой категории, а я – нет? После всего этого мне и не жалко твою рукопись.

- Проклятие! Ведь столько труда, всю душу вложил... Рукописи горят и сгорают...

- Вот именно, что душу ты в нас с Андрюшей не вкладываешь. Хорошо ещё, что нас сразу же не арестовали за хранение таких монархических бумаг. Тут кое-что и поважнее при обыске прихватили. Но тебя это не волнует. Радуйся, что твою обожаемую библиотеку не тронули пока.

- Ты даже ни разу мои труды не читала, а судишь...

- И теперь пойдут они на махорочные закрутки или будут израсходованы в уборной уездной чрезвычайной комиссии.

- Ты ещё и издеваешься надо мной?

- Имею право, когда ты так откровенно пренебрегаешь нами!

- И в чём моё пренебрежение выражается?

- Я только что говорила, прочисти уши. Только не говори, что это от контузии.

- Для меня утрата рукописи – сущая трагедия, а жена моя, любимая к тому же, злорадствует. Как может быть такое в этом мире?

- В чём, интересно знать, выражается твоя любовь?

- По-моему, нам дальше говорить не о чем, Лиза. Ты знаешь, что в Северной Индии, в случае гибели всех мужчин клана, их женщины выступали как воительницы и защитницы своих детей. А у нас тут война идёт с не меньшим отчаянием, чем, бывало, у них там. В понятие женской чести у индуистов-раджпутов не входит супружеская верность жены. Она даже не обсуждается, ибо для них нет жён без верности. Не существует самого понятия «неверной жены», ибо таковая уже не человек даже. Сати, или «верная жена» всегда шла сама на погребальный костёр своего мужа. Уважающий себя рыцарь-раджпут, согласно традиции, посылал свою голову жене, чтобы она смогла стать сати. Подсушенную голову супруга, жене его подбало брать с собой в костёр.

- Ты всё сказал? Хочешь прислать мне свою голову? Благодарю, но в лекциях по истории твоих я не нуждаюсь. Довольно с меня! Может быть это я – неверная? Да ты совсем сошёл

с ума со своей чёртовой рукописью. А теперь покинь мою комнату. Она больше не наша, а только моя.

Когда рано утром Евпраксия обнаружила Сергея, свернувшегося в клубок, в кресле гостиной она всё поняла без слов. Она знала об особенностях характера Лизы, их давних ссорах, но надеялась, что такая напряжённая разлука может улучшить их отношения.

- Брат, вставай скорее. Ночью вернулся квартирант. А если ты намерен опять срочно ехать туда, куда тебя зовёт твой долг, то лучше это сделать, пока он спит. Или я, что гораздо лучше, заблуждаюсь?

- Увы, сестра... – проговорил заспанный Сергей, - ты угадала. Мне остаётся срочно пробираться назад. Они со мной не поедут. Наш брак несчастлив. Она хочет развода. Ты это и так понимаешь. Да и не скрыть теперь...

- И не надо утаивать от меня. Все твои бумаги на месте? Я не видела, что именно конфисковали. Меня в тот день в доме не было. А второй раз здесь был Спиридон и он их быстро выпроводил.

- Да... – Сергей судорожно проглотил слюну, - всё на месте.

- По-моему ты, брат, чего-то не договариваешь... Как мне ни больно тебя подгонять, брат, но будет безопаснее, если ты уедешь до пробуждения Спиридона. Никаких следов твоего пребывания не осталось. А если он и услышит какие слова от Андрея, то можно будет обыграть, что мальчику отец снится. А отец, скажем, ещё с Германской не вернулся. Прощай, милый брат! Я тебе сейчас принесу мешочек с едой повкуснее.

- Книгу какую-нибудь, поинтереснее, вложи туда, Евпраксеюшка. В ту комнату я уж и не войду никогда... Только одежонку мне надо ту самую, крестьянскую. И не важно, что с живностью она, - Сергей смущённо почесал подстриженную светлую бороду.

- Я её вечером пропарила и просушила за ночь. Всё в порядке, - улыбнулась Евпраксия.

- Занимаешься ли ты, по-прежнему, живописью, сестра? – спросил Сергей с напряжением.

- Да, что ты. И в голову всё такое не идёт теперь вовсе... – Евпраксия подняла на брата кроткий взгляд своих необычайно красивых серых очей и перекрестила его. - С Богом, брат.

Образ сестры, любимой сестры, бывшей всегда особенно близкой ему из всех родственников, верной подругой детских игр, не покидал Сергея все долгие дни простаивания поезда с проверками, пересадками. Находили они с сестрой общий язык и в юности – обсуждали литературу, живопись, музыку. К сожалению, в последние годы встречались они крайне редко. Про жену он старался не думать. Слишком был раздражён: «Боже, какая пошлость! Даже былой свой запах молока и юности она утратила. А вот сестра умудряется по-прежнему неповторимо пахнуть клейкими, едва распустившимися, тополёвыми листьями. Но и я – не ангел. Следует быть объективным. Ведь наиболее отвратительна ложь пред самим собою. Не уделял ей должного внимания». Болело сердце за сына своего, за брата Митю и за Глашу с ребёнком. Насчёт брата Глеба он был почему-то уверен, что с ним, человеком мудрым, всё хорошо. И вновь мысли обратились к Настасье Ртищевой. Охотин старался их отгонять прочь: «Лиза хочет быть от меня свободной. Скатертью ей дорога. Удерживать не буду. Да, я раним, даже и мнителен, глупо-застенчив, но и самолюбив. При этом – не уверен в себе. Нотки злорадства в её тоне, мол, предпочитал же свою писанину общению со мной – не соскучился там, как и на Карпатском фронте. Какая-то немислимая злопамятность ни на чём не основанная! Но всему есть предел. На сей раз она преступила черту. Ведь худший из грехов - предание поруганию любви и доверия. Разве не это она совершила? Только за Андрея душа болит. Счастливым можно назвать лишь такой брак, который окрылён безграничной и безотчётной любовью, переходящей в божественную гармонию. Всё прочее становится малозначимым. Не было между нами

такого. Любовь к Господу лишь превыше такой земной любви. Но существует ли такая земная? В таком случае, я имею право узнать, а как там Настасья, некогда, до женитьбы своей, в затаённых мыслях, столь желанная? Когда-то родители были против брака Бориса с Ртищевой. Как заявил отец, мол, «сами едва из крепостных вылезли. Поди – не столбовые. И нечего суконным рылом в калашный ряд нам». Внешность Бориса, впрочем, наиболее дворянская из всех Охотиных. Может ещё и Глеба. Мы – дворяне всего лишь в третьем поколении, если считать, что наш дед, на старости лет, получил полковника, а вместе с тем и дворянство. Впрочем, сама Настасья свободна от глубоко сословных предрассудков. Чего не скажешь о её кузене Кирилле. Но меня по молодости в жар бросало от одного вида этой красавицы – жены старшего брата. Греховные мысли приходилось отбрасывать. Надеюсь, что это не эффект падкости на «столбовитость» того, кто «едва из грязи». Но, если теперь она свободна... Годами робел я Настасьи. Понятно, покуда она женой брата была... Но куда там сейчас – планы строить. Для начала надо бы уцелеть в братоубийственной резне.

Вот и труды мои пошли дымом... Вот уже иной раз мерещатся обугленные останки моей библиотеки. И страшно! Когда-то искал смысла жизни, по советам старшего брата, в трудах великих либералов, тянулся к эфемерной Великой Свободе. Зачитывался декабристами, потом – декадентами. Потом и в толстовцы норовил податься. А если разобраться – «безуховщина» то сплошная. Да только не во благо вся эта премудрость. Вот книги отрочества жаль, несомненно, больше. Всех их – от Дефо и Дюма до Жаколио. Похоже на то, что я перевернул очередную страницу своей жизни, предопределённую свыше... Увижу ли я когда-нибудь свои книги? А своего родного сына? Что уж книги... Порой мерещится, что слышен некий хруст нашей безвозвратно уходящей жизни. Большевики крушат её... Остаётся им мстить, иродам, травящим нас всех. Сражаться за поруганные чувства дорогих людей, за ту же, сворованную, рукопись, за попрание чувств верующих. Наконец, за былую Россию». Вспомнилась Охотину весьма побитая и не раз клееная простая кузнецовская чашка бабушки. Лишь известное клеймо красило ту чашечку, но от этого она не была мила меньше – ощущения детства. «А в небе, ко всему приученный, бессмысленно кривится диск» – навязчиво лезли в голову строки Блока.

Почему-то вспомнился и рядовой, тогда ещё, в Германскую, Миловзоров. Широкой души человек. «Эдакий Платон Каратаев нашего времени, – размышлял Охотин. – Знал Миловзоров все тонкости, что на Трифона, а что – на Акулину сеять следует. Да только к чему теперь всё это? Одна кровь... «Поляжем, братцы, за веру нашу крещённую!» – крикнул тогда, перед тяжёлым боем, Миловзоров и первым бросился вперёд». И потекли вдруг из уст Сергея приглушённым шёпотом строки Пушкина: «И он мне грудь рассёк мечом, и сердце трепетное вынул, и угль, пылающий огнём, во грудь отверстую водвинул». «Ипохондрик несчастный, – проворчал сам на себя Охотин, собирая осколки мыслей, – действовать надо, бороться, а не киснуть. Следует брать пример с брата Аркаши, который повёл себя достойно рода Охотиных. Попытался хотя бы спасти Царскую Семью и немало рисковал в этом деле. Для Аркадия не существуют все эти мерзкие сплетни о Царской Фамилии. Для него Государь – понятие априори святое и замаранию не подлежащее. Как некогда отец пытался нас всех воспитать в любви к Царю и Отечеству – понятию неразделимому. Да только Боря быстро испортился и заявил отцу, что горазд их разделить и быть верным только Отчизне, но никак не самодержцу. Мол, в крайнем случае – конституции. Мерзости о Распутине, противные русскому сердцу и не вынуждают Аркадия, да и Петра и, кажется, Митю, пересматривать свои политические воззрения. Они отторгают всё это, как политические интриги, левую напраслину. И всё. Выходит, что не со старшего брата пример брать подобает, а с почти самого младшего. Да и с малого, Антоши – на что уж душа чистая, как и у сестрицы Евпраксеюшки. Так и подобает нам, мелкой сошке, но не люмпенам, а потомкам генерала (лишь два поколения как семье титул присвоен), верить

в то лучшее, что дано русскому человеку: крепить веру в Царя-Господа-Народ, не мудрствуя лукаво. Высший свет пытается урвать больше власти в силу близости своей к ней, финансовые тузы зачастую желают изменить мир под свои корыстные цели, разночинцы и недоучки охмуряют себя марксизмом, словно опиум, а таким как мы, «Новейшим дворянам», подобает составлять опору Трона. Если Новые, послепетровские дворяне, и даже Рюриковичи (которые смотрели некогда, а может и до сих пор, свысока на самих Романовых, ибо до Смуты род Романовых безвестным был), добившись высокого положения, часто мутят воду и даже ратуют за республику вопреки логике своего существования, то нам – новоиспечённым, вылезшим в свет служением Отечеству, уж никак не подобает расшатывать устои. Хотя я в принципе не одобряю сословность общества, но так и должно быть. Иван должен помнить о своём родстве. Род жены старшего брата нашего – тот допетровский, столбовой, а Кирилл монархист завзятый, да и сестра его... Опять о ней подумал... Негоже так. Пришли вдруг в голову недавние слова одного каппелевского офицера, изрядного брюзги: *«С некоторых пор не терплю литераторов. В моих глазах они – мерзкие циники, со стоическим хладнокровием созерцающие, как прочие друг друга режут, или пухнут от голода. Более того, пристально наблюдая страдания окружающих, они в душе непременно хотели бы лицезреть апофеоз этих страданий»*. Сделал курьёзную гримасу, чтобы подсластить пилюлю, как бы извиняясь за сказанное, поскольку он знал, что я грешу бумагомарательством». Для успокоения нервов Охотин бережно погладил тиснёные корешки двухтомника своего отца, изданного уже посмертно. Отец писал эту книгу с любовью, годами, выйдя в отставку. Отдал все последние стариковские силы составлению широчайшего обзора истории и самой сущности Русской Имперской армии от Николая I до Николая II. *«Хоть что-то останется у меня от родительского дома, – не мог никак налюбоваться на двухтомник Сергей. – А выживу, будет время, так напишу вновь и о Японской, и о Германской. И даже лучше, глубже, чем в первой редакции»*.

6. Берег ушедших времён

Святой Георгий тронул дважды
Пулю не тронутую грудь.
Н. Гумилёв

Если бы в этот трагический момент нашей истории не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, - это был бы не народ.

А. Деникин

Впервые в жизни Кирилл Ртищев оказался в совершенно ином, патриархальном мире, среди бородачей-уральцев. Всё казалось здесь столичному офицеру чудным и диковинным. Создавалось впечатление, что мир этот незаблещен. И лишь много позже осознал Кирилл, сколь раним и шаток он оказался, когда в России всё встало с ног на голову. Но в первые дни Ртищев не понял, что имеет возможность созерцать неповторимый, уходящий в прошлое жизненный уклад. Если на казаков-стариков, как называли всех старше пятидесяти, традиционный образ поведения и мысли сохраняли своё влияние, то среди вернувшихся молодых фронтовиков, увы, уже нередко слышалось обращение «товарищ», так резавшее ухо каппелевца. Добрался отряд Ртищева до Уральска, ставшего для казаков вновь Яицком, сравнительно спокойно. Лишь раз вышла стычка с красным постом, да и тех кавалеристы перебили до последнего. По привычке город продолжали называть Уральском. *С Февраля уральцы стали именовать себя вновь Яицким Войском, вопреки давнему указу Екатерины Великой. Вновь начали и Круг*

созывать¹³¹. За несколько дней, проведённых в переговорах с казачьим начальством, Ртищев, к разочарованию своему, понял, что опасная поездка вряд ли приведёт к осязаемому результату, к отработке взаимовыгодной стратегии. Слишком велико было стремление казаков к обособлению и самоуправлению. Кирилл так и заявил казакам, что Уральский Войсковой Съезд совершил непростительную ошибку, не оказав помощи доблестным каппелевцам, что не дало развить успех на Волге. Но и позиция Комуча, больше большевиков опасавшегося восстановления «дореволюционной» дисциплины и строевых частей вместо милиционных дружин, раздражала Кирилла. Старший офицер из комучевского штаба, дававший инструкции Ртищеву перед поездкой, напомнил, что «Народная армия не потерпит никаких Наполеонов» из казаков. В Яицке Кирилл уже общался с генералом Василием Акутиным - бывшим членом Государственной Думы и врачом, который оказался родственником друга Аркадия по Николаевскому училищу, Бородина, а также с генералом Матвеем Мартыновым¹³². Ртищев узнал, что с ноября семнадцатого года Уральское войсковое правительство окончательно отказалось признать Советскую власть и заявило о сохранении верности Временному правительству. Тогда большая часть уральских казаков ещё была на фронте. После развала фронта, сводная бригада под командованием генерал-майора Михаила Никаноровича Бородина и войскового старшины Сергея Гурьевича Курина, отличившегося под Раввой-Русской и Перемышлем, решила пройти тысячи вёрст на родной Яик по землям, где уже господствовала Советская власть, с боем. После них повторить такой переход стало труднее. Третий Уральский полк, тогда ещё полковника, Матвея Филаретовича Мартынова использовал политическую хитрость. Был создан комитет, который заявил большевикам о признании их власти и стремлении казаков «искупить» свою «контрреволюционную» вину. Большевики решили бросить уральцев в Читу на усмирение атамана Семёнова. Советы выделили казакам эшелоны, но полк Мартынова повернул свои эшелоны на Уральск. Своё оружие уральцы не отдали, а спрятали его в соломе у задних ног лошадей в вагонах, то есть там, где навозу побольше было. Поначалу Уральское правительство возглавил социалист Гурьян Фомичёв. Михаил Никанорович Бородин отказался от войскового атаманства, как и старик генерал Любавин. В конце зимы восемнадцатого, знакомый Ртищеву, генерал-майор Георгий Кондратьевич Бородин, по прозвищу Буран, предложил Уральскому Войсковому правительству и новому военному командованию свои услуги. Начальник штаба Войска полковник Щепихин, естественно, захотел воспользоваться опытом Бородина, но вмешался съезд уральских депутатов. Абсурдное и недопустимое дело во время военных действий¹³³! С апреля на Яик надели красные комиссара Антонова¹³⁴. В одном бою казаки умудрились захватить аэроплан. Позже они научились его использовать. С июня в Уральске уже существовало авиационное подразделение. Летунами стали сами казаки – войсковой старшина Каплин и поручик Смердин. Наблюдателями при них

¹³¹ Многие казаки восприняли падение самодержавия положительно, в силу своего застарелого недовольства монаршим давлением, но главное, из-за усталости от войны и под влиянием вездесущей пропаганды. Астраханские казаки высказали пожелание переименовать Астраханское войско в Волгское, как было в старину.

¹³² Мартынов – тоже родственник казаков Бородиных. Лидия Мартынова - жена полковника Петра Хорошхина.

¹³³ Причина была в «старорежимности» Бородина, мол, не сможет он приспособиться к новым веяниям времени. Припомнили Бурану и его офицерское рукоприкладство. В суровые дни это казалось левым важнее боевого опыта. Конечно же, любимый ученик Бородина, Курин, пытался отстоять кандидатуру учителя, но молод был ещё Курин и веса должного в Войске не имел. Ещё полного сил Георгия Кондратьевича избрали на Уральском станичном сходе членом Уральского военно-полевого суда. Такая малоприятная, но почётная должность означала, что казаки верили в добросовестность и справедливость Бородина. В начале 1918 г. группа офицеров, возглавляемая уже Мартыновым, арестовала в Яицке высшее большевистское руководство. Совдепию изгнали по всей Уральской области и создали Войсковое правительство. Командующим стал генерал Акулинин, а полевым атаманом - Мартынов. Весной казаки послали своих людей в Комуч попросить оружия. Войсковой старшина Олимпий Аничкин по пути попал в руки ЧК. Саратовские и оренбургские большевики предъявили уральцам ультиматум о признании своей власти и угрожали в противном случае поголовным истреблением с использованием химического оружия! Уральцы отказали, назвав Советскую власть бандитской.

¹³⁴ Одной из частей командовал Василий Чапаев.

– сотники Ларшин и Харчёв, а также хорунжий Портнов. Каждый житель Уральска знал их и гордился ими. Многие казаки, способные скакать под пули, не пригибаясь к шее коня, не отважились бы на такое дело, как «пархание под небесами». Отряд Ртищева из трёх каппелевских кавалеристов был размещён на постой в маленьком скромном домике с навошёнными полами и яблоневым садиком. Он стоял неподалёку от Столыпинского бульвара с особняком красного кирпича с усеченным углом, имевшем красивые балконы и мезонин. Строился особняк тот для наказного атамана. Но последним хозяином, заказавшем для балкона ажурные решётки с изящными вензелями «ГКБ», стал Георгий Бородин. Даже воздух в саду казался яблочно-терпким. Гулко гудел колокол, заглушая пение и споры. Отдомишки каппелевцев недалеко было пройти и к Войсковому собору Александра Невского, а до Петропавловской церкви – рукой подать. В качестве помощника и охранника к каппелевцам был приставлен казак-«старик» Феофилакт Проклович Мостовщиков. В отличие от большинства уральцев, он оказался на редкость словоохотливым и полюбил вечерние беседы с Кириллом, коего величал не иначе, как «Ваше Благородие», чувствуя в нём истинного столичного офицера, себе не ровню. Подобный пиетет со стороны, годящегося ему в отцы человека, к тому же – вольного казака, несколько смущал Ртищева, но приходилось мириться с его причудами.

- Ковуна шолёного¹³⁵ не желаете ль отведать, Ваше Благородие? – спросил Мостовщиков в тот октябрьский вечер Ртищева.

- От чего бы и нет, Феофилакт Проклович, - улыбнулся Кирилл.

- Мудрённые времена по Расее наштупают, Ваше-скородие. Вот Вы, человек учёный, а я-то и грамоте-то почти не знаю. Вот Вы бы мне и пояснили, - степенно и неторопливо оглаживая свою окладистую, посеребрённую сединой бороду, начал казак. - Вот ведь крашны... людишки-то никчёмные, никакому понимающему человеку ненужные, ни к какому делу оне не пригодные. Но убивать хорошо научились – шкоро некому и мёртвых хоронить будет. Откуда такие на Руси берутся? Чи-иго хотят?

- Так, Феофилакт Проклович, история обернулась, - смутился Ртищев, не зная, что и ответить.

- Всё, говорят, из Питера пошло. Смута вся, - казак с хрустом надрезал сочный арбуз.

- Да, Феофилакт Проклович, там всё и началось. В столице вся интеллигенция и даже часть офицерства разуверились в успехе войны и стали во всё винить Государя, Его окружение. Среди них были и предатели, жаждающие захватить власть и просто глупцы. Они и солдат развращать начали.

- Народ пошёл хитрее самого гличанина¹³⁶. И для чиги оне так? Жили, можно сказать, в довольстве, и по закону Божьему и людскому и, ошобенно, казаки наши. А год назад - вон оно как - все как один очумели. Казалось бы, Царя не стало, так задумайся: как дальше быть, чтоб порядок удержать? Работать побросали и – ну галдеть, да кричать. Послушал я разок крикунов, что с фронта пришли. Думал, что говорить будут, как на станичном сходе заведено. Так не дослушал – тошно стало от них. Лаяться тараторки горазды. И чиги там только не кричали: Бога и Царя не надоть, отцов-матерей не слушай, начальству не повинуйся. Иногородние больше кричали. Но и казаки молодые поддакивали, что греха таить. Нонче каждый урядник норовит в атаманы. Казацкая молодёжь всё куролесит - пьёт, как никогда не пила. Кизлярку, да бузу¹³⁷ хлещут. И - безнаказанно. Шельмованный казак пошёл, Ваш-бродь. И дети от них такие будут. Ой, недобрые времена грядут...

- Да, Феофилакт Проклович, заметнее ныне пьянство повсюду, не только у вывески с двуглавым орлом, как до Феврала было, но ненасытное какое-то, грязное, до полного скотства. До

¹³⁵ Уральцы часто произносили «Ш», вместо «С» (солёный).

¹³⁶ Англичанина.

¹³⁷ То есть - кизлярскую фруктовую водку. Буза - брага из пшеничного отвара, хмеля, мёда, изюма, пряностей.

смуты и борцы с пьянством на виду были¹³⁸. У вас здесь ещё народ не так испорчен. А что в столицах делается, на фронтах перед Миром Похабным! Слышал, что когда ваши казаки целыми полками возвращались, то строем подходили к старому Михайло-Архангельскому собору и, только отслужив молебен, разъезжались по домам на долгожданный отдых. У вас пока порядок есть.

- Собор-то - святыня для всех уральцев. От веры покамест они не отвернулись – дело-то сличное¹³⁹. И тут под зелёной «орлёной» вывеской «Казённая винная лавка», что до Японской появились, за перегородкой с шеткой продавали зелье двух шортов, очищенное и нет. По четвертям, шороковкам, соткам и мерзавчикам разлитое. Благо, от храмов Божьих подальше такие заведения штояли. Но ведь почти и не пили-то казачки наши. Нонче и в присутствии девушек пить себе позволяют. Креста на них нет! Что киргизцы, аль трухменцы какие! А курева до Германской во вшём Войшке не видать вовсе было. Молодой казак при нас курить не шмел, даже, ежели и никонианин он. А нонче всякий щенок, и свой – старой веры, как с фронта – так и курить. Эвотот дым в нос сотенному пущать могёт. Ручицы швои в карманах, сигарку посасывает, так и с дедами говорит. Знать нас не желают. Не блинник какой там – казак! Могёт даже на фронте яроем был... Таковая молодёжь уж и не послужит, как мы прежде служили. Но нынешний атаман за порядок стоит. Его и поддержим, да по-штариковски с ослушниками, да охальниками разделаемся. Мутят ишо дела богомерзкие и околотени-шараматки¹⁴⁰, - казак насупил густые седые брови, нависающие над добрыми серыми глазами. Нечестивцы власть в штолице взяли, от того все беды пошли наши.

- Дай-то Бог атамана сильного...

- А домой такой солдат возвращаица, там его старуха-мать встречает штрого: брось, дескать, сигарку, каторжный, поклонися старухе в ноги, тогда пуцу на порог! Аль убирайся вошвосяи по добру по здорову. А старухи у нас «шурьёзные» и приходится ослушникам и им подчиняться и, таким образом, весь большевизм сразу вон из головы¹⁴¹.

- И ругани матерной у вас тут до сих пор не слышал, Феофилакт Проклович, не то, что вне войсковых земель¹⁴².

- Есть грех и у нас. Раньше матерного шлова слышно в Войшке не было. Казаку, не привыкшему к такому, а тем, кто штарой веры – особливо, ухо оно режет. Токмо от иногородних и шлыхали мы. Нонче и от швоих, что с фронта. Десяток бы линьков эвтому в спину¹⁴³. Был у нас эвтовый всего один казак давненько. Да исписал ему войсковой нагайкой спину, что пряник городецкий. А нонче не тронь такого...

¹³⁸ Продажа водки являлась царской монополией с начала 1890-х. Разработку проекта питейной монополии Александр III поручил Витте. Ректификация, то есть приготовление спирта в том виде, в каком он должен был идти в желудок потребителя, должна производиться государством. Само же производство спирта, в первичном виде, оставалось за частными заводчиками. Но заводчики могли произвести только столько спирта, сколько им было заказано, и только это количество могли продавать государству (Витте С. Воспоминания). Зажиточный крестьянин Иван Алексеевич Чуриков (1862-1930) был знаменит своим религиозным подвижничеством, борьбой с пьянством и организацией первого общества трезвенников (Засосов, Пызин. Из жизни Петербурга).

¹³⁹ Слично – так приличествует.

¹⁴⁰ А также поздние синонимы - забулдыга, старое базло - казак, неженатый к 30 годам.

¹⁴¹ По воспоминаниям Михаила Никаноровича Бородина: «среди пришедших с фронта казаков были нередки те, кто, отдавая дань революционной традиции», цеплял на грудь кусок красной тряпки и, в таком виде, не вынимая сигарки изо рта, шёл домой. Однако, там их ждали не ласковый приём, какого они ожидали, а грозные отец и, в особенности, мать. Они не пускали сына домой, пока он не выбрасывал сигарку и не срывал красную тряпку с груди». Курение, как известно, для старообрядцев – страшный грех. «Авторитет матери был настолько силён среди уральцев, что после такой встречи почти все из них начисто забывали революционную дурь».

¹⁴² Бунин описывает произошедшее в 1918 г., что никогда не могло случиться до Февральского переворота: «...выходит из ворот бывшей Крымской гостиницы (против чрезвычайки в Одессе) отряд солдат, а по мосту идут женщины: тогда весь отряд вдруг останавливается - и с хохотом мочится, оборотясь к ним!»

¹⁴³ Имеется в виду порка.

- И на фронте уральцы стойкостью славились. Не разлагались, как иные, Феофилакт Проклович. В ноябре семнадцатого, когда большевики издали приказ о снятии погон, уральские офицеры с болью порешили снять погоны, прежде чем этот приказ дойдет до улан. Этим они хотели подчеркнуть, что если разрушается старая армия, то символ её чести не подобает подвергаться оскорблениям. Вся Русская армия сняла с себя, наконец, погоны. Но ведь прежде, чем восстановить их, следует погоны заслужить, - с болью промолвил Кирилл.

- Так оно и есть, Ваш-бродь. Дело в том, что Царя не стало. Ни Николая, ни того, что должно быть в голове у каждого – ума раштройство и пошло. «Делай всё, что прикажет начальник, но против Бога и Царя не выштупай!» Веками так и служили наши предки. А как быть теперь? Чего токмо от казачков не услышишь! Кто - в лес, кто – по дрова. Один кричит за республику с Царём, другой - о самодержавии, но без Самодержца. Главное, что всех тут волнует - не отберут ли землю, дескать, у казаков безземельные пришлые? От того обошобляться казачки хотят. Думаю иной раз: атаманы-молодцы, чай не пушты ли головы ваши? Неблыжно¹⁴⁴ Вам говорю, Ваш-бродь.

- Верно говорите, Феофилакт Проклович, во вред казакам обособление. Не уцелеть им по отдельности в борьбе с большевиками, а без всей России - и от иноземного врага. А что Вы думаете об атамане Мартынове? У меня создалось впечатление, что он человек смелый и решительный.

- Поначалу не пондравился мне он. Тощий, маленький и всё юркает голубенькими вошт-рыми глазками. Бородёнка рыжеватая без густоты... И подумал тогда, чтоб атаманом стать ты, брат, рылом не вышел. И почище ты есть. Буран - вон каков: бородище лопатой, раздвоенная, взгляд прямой, степенный. Такому и доверия больше. Но не те времена. Пригляделся к Матвею Филаретычу. *Семья их с хутора Мартынова Каменской штаницы всегда за неделимость Войшка и порядок штояла. Когда учился Матвеюшка в шедьмом классе Уральского Войшкового училища, отросла у него борода. Начальник сбрить велел, но Матвей, по вере старой, отказался. Попросили его из училища, но он и сам дальше учился! Затем пехотное окончил и - добровольцем на Японишкую. Вернулся с грудью в крестах. Подумал я, глядя на те кресты, что задря их не вешали. В Германскую, говорят, не залегал, не прятался, а в самое пекло лез. Служить заставили его в гвардии под генералом Ханом¹⁴⁵, из басурман. Тоже непросто так... Почесал затылок старый Феофилакт, да и смекнул, что правильным полевым атаманом Мартынов будет. Даже и штарики он, как в старину, жалует. Пришёл к старику-казаку, известному ветерану, полному Егорьевскому кавалеру, за вошемдесят ему перевалило, уряднику Рожкову Сигней Давыдычу¹⁴⁶ на поклон. Беленький Егорий почитается поболее всех других наград. Штал просить его вштать на защиту от нехристей эвтих. Могучий телом ещё и духом казачина пошёл воевать. В Бухарском походе Рожков пушку из-подо льда Амударьи вытащивал. В шемнадцатом старик поехал повидать сына на фронте. Захотел у казаков там знаменосцем стать. Говорят там, где он при орденах со знаменем в руке появлялся, революцьённые смутьяны сразу умолкали. Не дай мне Царь пайку, ежели неправду говорю Вам.*

Удаляясь ко сну, Мостовщиков сказал Ртищеву:

- Вдругоряд расскажу Вам об Илецком деле, да о Мокии Кабаеве.

Ртищеву по душе пришлось слушать речи старика-казака, от которого веяло патриархальностью и покоем. «Окажись взвинченный герой Достоевского, издёрганый петербуржец, в его доме, дал бы уралец ему стакан воды и сделал бы вид, что ничего особенного не происходит. Успокоил бы и Раскольников», - неволью подумал Кирилл.

¹⁴⁴ То есть - точно.

¹⁴⁵ Генерал Хан Нахичеванский.

¹⁴⁶ Евстигней Давыдович Рожков. Родился в 1838 г. Участник Бухарской кампании 1866 г. Потом служил в Сводном гвардейском Уральском эскадроне в Петербурге, но отравлен назад за грубость вахмистру. В 1873 г. участвовал в Хивинском походе. В 1876 г. пошёл добровольцем против турок и потерял ногу, спасая офицера.

На другой день, возвращаясь после ужина с офицерами, Кирилл слышал размеренный, негромкий напев низкого мостовщицкого голоса: «Яик ты наш Яикушка, Яик, сын Горынович, про тебя, про Яикушку, идёт слава добрая. С вершин взялся ты, Яикушка, до славного ты до моря, до моря до Каспицкаго». Ртищев заглянул за распахнутую в комнату старика дверь. На стене красовались портреты Государя и Государыни. Из окон, чинно завешанных кисейными занавесками, струился желтоватый свет. Подоконники были уставлены маслянистыми бальзаминами и пунцовой геранью. На столе, прикрытым плетённою узором скатертью, стояла зелёная пузатая стеклянная лампа с фарфоровым абажуром, фотография покойной хозяйки в нехитрой рамке и коробочка, склеенная раковинами. В углу висел большой Спасов лик в фольговом киоте, перед которым Феофилакт Проклович разжигал лампадку. На полочке лежали, ставшая каменной, просвира и несколько обгорелых восковых свечей.

- Вот, Феофилакт Проклович, прибыл к Вам о деле Илецком послушать, - улыбнулся Кирилл.

- «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами», – говаривал родитель мой. Да, тараторкой старым штал Феофилакт. Жена померла и словом перекинуться не с кем штало...

- Раз народ к Вам послушать тянется, значит не пустословие это, - заметил Ртищев.

- Так вот, красные насилие таковое учинили, что пошло отрезвление не токмо казаков-стариков, но и «чумных» фронтовиков. Прибыли нежданные-незванные гошты, да начали хозяйничать. *Взбунтовались линейные итаницы, что по Илеку-реке. Матросы довели жителей итаницы Изобильной до бешенства и казаки неожиданно обрушились на наглого врага. Всех порешили, до полшотни, пушками и пулемётами разжались. Походного охранения большевички не выставили, вот и угодили в засаду. Перебили казачки вшех разбойников, да под лёд спустили. Вешна только начиналась. Понимали, что придут краиные их карать и в итанице Буранной созвали итаничный сбор. Есаула Сукина выдвинули, потом и подъесаула Донецкова. Узнали, что от Оренбурга по железной по дороге на Илек двинулся отряд губернского коммшара Цылингова, из пленных австрияков (Цвиллинга), в шемь-вошемь сотен. До того краиные ультиматуму пришлали, дескать, мы все идаться должны, а не то – как Оренбург захватили, так и Уральык к рукам приберуть и тогда – пеняй на себя. Собрали казаки по малу, но со всех итаниц ближних по отряду. К линейным итаницам подходили казачки от низовых итаниц. Большевики швои порядки шразу грубо иштанавливать стали. Заиштавляли казаков кокарды с погонами сымать, но казаки упорствовали. Начали людей арештовывать, угрожать. За освобождение требовали выкуп. За попытку побега, в назидание, раиштреляли сотника Юдкина, кавалера трёх боевых орденов! Он сумел вырвать винтовку у одного краиноного, да огреть того прикладом, заиштрелить другого. Шпрятался сотник в зарослях, да выдал его продавшийся казак. Из домов каждому выходить под иштрахом смерти запретили. Штали хлеб отбирать. Коммшар приказал раиштреливать тех, у кого найдут, оружие. Окружали недовольных, в воздух палили, да ишлучайно одного подхорунжесего убили. Казаки требовали от краиных убраться вон, но тех уж набралось до полутьсячи, за ишчёт примкнувших иногородних. И ниши-иго оне не боялись. Тогда на церковную колокольню Илека тайно посадили старого казака Небатеева. Он должОн был ночью ударить в набат. Долго пришлось на холоду прибывшим из соседних станиц казакам ждать, покуда в Илеке не ударит набат, по которому казакам на Илек подобало ринуться. По окрестностям Илека-города повырезали краиные посты. Краиные стали обиштреливать казаков из самого Илека, те в ответ решили немедля атаковать. С криком «ура» двинулись по льду Урала на Чельшевскую мельницу, где засел пулемётный отряд краиных. Пулемёты они поставили на крыше амбара мельницы и наступавшим сильно доишталось. Вёл казаков командир Студёновской дружины, «фронтовик», подхорунжисий Тишков, руководил войшковой старшина Балалев. Он велел самым метким иштрелкам подбивать красных пулемётчиков. Одним из иштрелков был матёрый воин, Егориевский*

кавалер – сотник Олсуфьев. Патрон не хватало, а крашныи могли, ой, от души казачков швинцом поливать. Как перештрелял Олсуфьев патроны все свои, так и в бой с одной шашкой бросился.

- А не воевал ли Олсуфьев в Японскую? – спросил Ртищев, смутно вспоминая это имя по рассказам Глеба Охотина.

- А то как же, Ваш-скородь, там и повесили Ануфрию Онисимовичу первых Егориев. Знатный казачина. Силач, хучь и старик. На десяток годков меня моложе.

- Да-да... Видел я его раз мельком на германском фронте... Стало быть, ему лет пятьдесят пять должно быть?

- Так точно и выходит ему. Но мы, старики, не робеем. *Рожкову-то за восемьдесят и одна нога его деревянная... Так вот, первая цепь из Студёновской, Кинделинской и Головской дружин, с одними вилами, да косами уже беитраино шла на Чельшевскую мельницу. Вёл её урядник Пётр Загребин – вот ярый! Кто с песнями на устах в бой бежал, кто – зубы штикнув. Кое-кто дробовики имел – лётками¹⁴⁷ палили. Ошибенно отличился казак Штепан Портнов, в одиночку пошедший на пятерых краишоармейцев с пулемётом. Пулемётчика порешил, но и сам пал, дав возможность казакам переколоть пулемётную команду. Казак Прокопий Колкатин бился врукопашную один с шестерыми. Одолеть его не смогли. Ошибо отличился старики Рожков, отец и сын Павлычевы и Тишковы! Урядник Горбачёв зашёл крашным с боку и внёс замешательство. Исход боя решил подход двух опоздавших дружин – Мустаевской и Бородинской. Отличился и Дубов из Бородин-посёлка. Побезжали большевички! Жители гнали их и не щадили. Женщины с отроками забивали их, чем под руку попало... Хоронились крашныи по чердакам, да погребам. Кое-где и хитрили: белый флаг выкинут, а как казаки подойдут – палят на поражение! За эвтокое бесстыдство казаки лото раишправлялись. Иные трушливые крашныи, с началом боя, ушкакали из Илека и спаслись. Комишар ихний, Ходаков, с мурлом, оплывшим не то от ветра, не то от пьянитва, увёл с шобою награбленное. Но поймали его оренбургцы. При нём нашли шестьдесят пять тыщ рублём контрибуции. Доиштавили его обратно в Илек, где жители и порешили. Как и других пойманных, комишаришку учекушили¹⁴⁸ колотушкой по голове и спуштили в прорубь. Опускали пленного в прорубь, вытаскивали и опять опускали до тех пор, пока тот в ледяной штолб не превратится и - опускайся куме на дно. Пошадили только дохтура, фельдшера, да двух сеишёр милосердия. Не больше вошшмидесяти крашных спашлось – десятая доля... Немалые потери понесли и казаки. Много раненых было. В Уральске шанитарный отряд соиштавили и в Илек пошлали. Абы не такие яройи, как Рожков, Олсуфьев, Колкатин, Загребин, Портнов – не одолели врага бы. Так и началась война наша, казачкая. Лютовали казачки, слов нет. Но и не на пуштом месте.*

- Мне известны зверства большевиков, Феофилакт Проклович. Думаю, что жестокость уральцев понятна и может быть оправдана пред Отчизной и Богом.

- Уральцы с оренбургцами созывали партизанские и штаничные отряды и начали налёты на Ташкентшкую железную дорогу, что от Оренбурга с Шамарой в сам Туркештан ведёт, - продолжил казак-старик, вздохнув и покачав головой. - *А на Страстной неделе, пошёр на Войско отряд крашный тыщ в пять человек. Синтилерией и бронепоездами. Шли от Саратова. Посёлк Зелёный разорили. Все казаки убежали из него, но оишталось пара казачек и священник. Их поубивали, изуродовав. Тогда Мартынов начал соиштавлять швои дружинны. Одну такую дружинну в две сотни повёл Михаил Никанорыч Бородин – инерал толковый. Большевики начали удирать, хучь и куда поболе сил имели. Но в начале лета фронт уж к Уральску приближаться штал. От Комуча Вашего тогда оружия немного нам подбросили. Но всё одно – не хватало. И людей у крашных куда больше нашего. Думал я тогда, что-то не так тут. Без Царя-*

¹⁴⁷ Лётки - картечь в охотничьем ружье.

¹⁴⁸ Учекушить - оглушить.

то с Россией-то. И что же такое делается? Не на германца, а брат на брата войной идёть! И пошёл я тогда, с другими стариками, в бой. Выше белого креста – токмо деревянный, говорят. С тем и на Японшкую шёл я тогда: либо на грудь крест, либо – деревянный на пустыре... Тятя мой – ярой Икана, аккурат все ногти соштригал, да и откладывал в мешочек. И так - всю жисть швою. Авось, пригодятся на том свете, ежели по крутой горе лезть придётся, говаривал. Иные, кто веры старой, в перстнях обрезки ногтей ношут.

- Всё меняется катастрофически быстро и народ не успеваает опомниться... – мрачно встал Ртищев, - а свербящая мысль о том, что Государя нет, покоя и мне не даёт.

- В строй Войшко уже поставило несколько возрастов казаков, а крештьяне соседних губерний прислали к Уральщику свои дружины в помощь. Киргизы давали нам швоих лошадей. Был у нас единственный броневик «Змей Горыныч», да и тот от тяжёлого инаряда, в первый иштурм Уральщика, прахом пошёл. У казаков-то и проиштых гранат нет, чтобы большевицкий броневик остановить. Побаиваемся мы машины йихни. Бывало, что и полки уральцев и оренбургцев от них в страхе отступали. Едет гроб чугунный на колёсах и палит по тебе. И ничем не оштановить его. Не по-людски эвто! Женщины с детьми еду нам подвозят, воду. Раненых увозят. Не приведи Господь наедет на них такое на колёсах. Наши старики и я с ними, кто с чем – со итарой шашкой, пикой, вилами, цепью, камнем в мешке, аль одной нагайкой – шли в бой как-то летним деньком. Вдруг видим – надвигается броневик! Молодёжь спрашиваем, что, мол, эвто такое там? Никто раньше не видал такого. Они отвечают, дескать, победить такое невозможно. Но мы, старики молча распрягаем швоих коней от бочки с водой, нами подвезённой, шадимся на них, и с гиком и швистом – в лоб на броневик. Красный пулемётчик, что в броневике засел, видать не сразу опомнился, а когда в себя пришёл – поздно было: мы были слишком близко, чтоб оне толком иштрелять могли. Один из стариков пикой в оконце броневика как поддал, что пулемётчика того завалил, но и сам ранен был. В это время другой старик, соскочив с коня, привязал верёвкой броневик и норовил потянуть его к швоим. Но броневик туда не хотел и, держащий верёвку, уже за машиной по земле волочился. Еле успел потом от самых краишних позиций живым удрать. Эвто сильно подняло дух защитников Уральска – меньше прежнего боялися. Полковник Мизинов собрал отряд казаков непризывных возраиштов из станицы Кругло-Озерновской. Эвтим он показал, что недоволен тем, что «фронтовики» за оружие не берутся. Чтoб им иштыдно стало, ринулись в конную атаку под войсковым бунчуком¹⁴⁹ на краишних с броневиками. Потеряли многих, но смяли противника! Мизинов сложил там голову на итарости лет своих. Тут подошпел, иштавший генералом, Мартынов, ну и вдарил в тыл краишним! Казаки, с войсковыми крестьянами, гнали краишних до границы Войска, а кое-где и чуть подальше неё. Долго потом краишние не решился на нас нападати.

- Отраднo слышать, что такое возможно - вопреки своему лозунгу: «За грань не пойдём», - грустновато молвил Ртищев. - Печально, что и Войсковое правительство против участия уральцев в войне за пределами Войсковой области. Лишь, как исключение, два конных полка сражались на стороне Комуча и за своих соседей-оренбургцев. Не знаю, как Вы, но, по моему, позиция «пока большевики нас не трогают, и мы их не трогаем», которой придерживаются все казачества – роковая ошибка.

- Пожалуй, что так, Ваш-бродь. Расея-то одна у нас... – закручинился Мостовщиков. - Опомнившись, краишние ударили сразу в направлении Уральска и Гурьева, где йих поддерживала Волжско-Каишпийская флотилия. Мадьяр с китайцами на нас натравили. Но и тогда мы ишо сдюжили. От разорвавшейся перегретой пушки любимец казаков, Курин, пал - Царство ему небешное. Потом и Матвей Филаретов Мартынов ранен был и командование Михаилу

¹⁴⁹ Войсковое знамя из шёлковой, мелкотравчатой ткани.

Николаичу Бородину сдал. Служили в разгар лета, уж от пятнадцатилетних и до вошми-десяти... До двадцати тысяч армию наскребли. Но и врага было ишо больше, а главное – его иртиллерия с броневиками. А месяц назад, под Растяпиным, так вышло, что броневик йих-ний глубоко в наши позиции врезался. Казалось, ишо немного и начнётся бегство всеобщее с потерей орудий и пулемётов. Вдруг раздаётся негромкое «ура» и на броневик кидаются три казака, а впереди них - «бронированный мужик» Ананишев. С пикой наперевес и непокрытой головой икачет он на своей кляче, а за ним - те трое казаков с шапками наголо. До сих пор никто не понимает почему, но броневик оштановился и вся команда из него вышкочила – и, ну драпать! Казаки подскакали к броневику, не зная, что с ним делать. Наконец, стали пускать одну за другой пули в мотор. Он сломался, заглох. Каждый начал спрашивать Ананишева, как же тот броневик одолел? Он сурьёзно отвечал: «Как? Помолился, вот он и витал». Должно быть, так оно и есть.

- На такую атаку мог отважиться лишь человек глубоко убеждённый, что сражается за правое и святое дело, готовый принять смерть во имя высших идеалов, - вздохнул Кирилл.

- Ананишев – не казак. Из крестьян Шамарской губернии он, потому и прозвали его «Бронированный мужик». За доблести свои Ананишева произвели на днях в казаки. Крест Михаила Архангела¹⁵⁰ ему нацепили. Но не одни непенные¹⁵¹ казаки так могут. Как водится, пули с ошколками храбрецов облетают.

- Всё бы в этой награде хорошо, но надпись на кресте вызывает сомнения: «За веру» - прекрасно, она одна. За «Отечество» - надеюсь, что не только за одно Войско. Но потом написано и за «Яик»... Немного не ясно получается. В конце добавлено: «и свободу». И вовсе недоумение возникает: свободу от чего? Какую? Слишком уж напоминает весь бред Временного правительства с его «культом свободы». Вернее - одного лишь слова, - раздражённо произнёс Кирилл.

- Уж не знамо мне, не ведомо, что оне там нацарапали... К Вашим шловам о «деле святом», - начал вновь Мостовщиков. - Вспоминается сразу наш дедушка Мокий Кабаев. Заповедный он человек.

- Как это понимать?

- Так, что заповедям христианским следует: «Распят и вошкресе, смертью смерть поступи». Вот так по-стародревлему, по-апостольски у нас на Пасху поют. Именно «поступи», а не «поправ» - по-старокнижному, - с чувством гордости проговорил Феофилакт. - На год-другой всего Мокий Рожкова моложе, а в атаки без оружия свят-человек эвот ходит!

- Мне офицеры ваши говорили, что *подвижником Христовым стал этот удивительный старик.*

- *На турка с самим Шкобелевым ходил! С семьёй в Тёплой Красноуёмтской итанице живёт. Два сына у старика, да дочь. Все молитвы на память Мокий Алексеич помнит! Он сейчас дружину швою Крестоносную под знаменем нерукотворного чудотворенного образа Спасова из стариков шобирает. Вместо оружия – кресты, да иконы. Подумываю тоже туда. Шкоро на Уральск крашныя вновь двинут. Как бы не последний раз, не решающий... По мысли Кабаева, дружина иметь будет четыре соштава. Крестоносцы первого соштава должны быть все, как один, некурящие, бородачи, носить открыто на груди на лентах и шнурках осьмиконечные кресты. Крестоносцы второго соштава - вообще по слабости – не ишибко верующи, курящи и с подобратами брадами. Форма им - кресты на правой груди из тесьмы и выше кокарды из тонкого белого металла и кресты по форме Егория. В третий соштав - разные*

¹⁵⁰ Яицким войском учреждённый и по статусу почти равный ордену Святого Георгия. Тёмной бронзы крест с Архангелом Михаилом на коне, поражающем дракона, носили на малиновой ленте.

¹⁵¹ То есть - не опороченные ничем казаки.

шектанты пойдут. А магомедане, да бургонцы¹⁵² - в четвертый соштав. Мол, и оружия не надо. Всё едино – не хватает.

- Интересно, что он задумал собрать под общее знамя борьбы с безбожниками людей разных вер! Удивительно! Хотелось бы поглядеть на Кабаева...

- Так, ведь нет ничего проще, Ваш-бродь. Наша дружина с ним выштупит при первом же нападении на Уральск. Пришоединяйтесь! Формироваца скоро будут. Но, не взыщите... Придётся Вам во второй соштав. Кто не по старой вере – туда...

- От чего бы и не столкнуться с красными в ваших рядах? Переговоры затягиваются, да и уйти из Уральска пока невозможно – так они его обложили, - задумался Кирилл.

- До снегов на фронте точно уж жарко будет. Не вышунешься из города, - махнул крепкой короткой рукой старик.

Каппелевцев по непонятным причинам перевели в белый низенький пригородный домик с таким же яблоневым садиком, но чуть побольше и с прудом у плотины за тыном. Вокруг - тополя и вётлы квадратом вдоль жердевой ограды. Лошадей каппелевцы теперь держали на просторном дворе меж глинобитных, крытых, где соломою, где железом, сараев. В конце октября на станичном выгоне под Уральском припорошило немного, а через день лёг первый снег. Офицеры при штабе Мартынова показали Ртищеву прошение старика Кабаева о создании Крестonosной дружины. На засаленной бумажонке было выведено несколько коряво, но явно в попытке написать, по-возможности, аккуратно: «Прошу допустить 68-лет старика духовна добровольцем и дать голос по Войску о наборе охотников-добровольцев в Крестonosную дружину». Вспомнив рассказ Мостовщикова, Кирилл понял, что возраст свой Кабаев умышленно занизил на добрый десяток лет. Ртищев тут же заявил, что хочет вступить в ряды кабаевцев. Офицеры возразили, что в дружине и оружия-то, вроде как не будет. Но Кирилл эта оговорка не сильно смутила. Уж очень хотелось вместе с этими особенными людьми против общего врага пойти. Все трое его подчинённых-каппелевцев пожелали того же. Красные медленно, но неуклонно двигались к рубежам Уральска. Кирилл узнал, что Крестonosная дружина составила уже шестьдесят добровольцев. Мокий Кабаев провёл смотр. Через триумфальную арку города – своеобразное строение, характерное для времён Царя-Миротоврца, шагало Христово воинство Мокия. В народе арку называли Красными воротами, потому и выбрана она была для смотра. Взгляд Кирилла задержался на надписи над самой аркой: *«Наследнику-Цесаревичу – 1591-1891». «Значит, завершили строительство к юбилею службы Яицкого казачества Московским Государям. Посвящено открытие арки Николаю Александровичу, бывшему тогда ещё Цесаревичем», – сделал вывод Ртищев.* Смущённо оглядывались на деловито шагавших вокруг казаков, каппелевцы ощущали себя чужаками. Казаки несли *пики с восьмиконечным старообрядческим крестом, или только медный крест на груди.* Четверо каппелевцев, похоже, были одними из самых молодых. Преобладали «казаки-старики». Кирилл разглядел в неровном строю и Мостовщикова с огромным тёмным восьмиконечным крестом на груди. Старик сдержанно улыбнулся Ртищеву и лицо его снова приняло строгое, подобающее случаю, выражение. Навстречу шагавшим, *на белом коне появился небольшого роста старик с непокрытой головой, длинными пепельного цвета волосами, перевязанными чёрной лентой. Лицо сильно морицинистое с густой седой бородой. Надет на нём был белый китель, синие с малиновыми лампасами яицкие шаровары, а грудь украшал большой восьмиконечный крест на массивной цепи, и потемневшая горбатая икона старого дониконовского письма. На ней Архистратиг Михаил¹⁵³ попирает ногой низвергнутого сатану. Позже Кирилл услышал, что икона эта была взята из Войскового собора, как и образ Христа Спасителя, с которым Кабаев не расста-*

¹⁵² То есть – буддисты.

¹⁵³ Именно Архангел Михаил и был веками небесным покровителем уральских казаков.

вался. Его облик был отнюдь не воинственным. В выгоревших глазах – особая старческая блеклая синева, - свечение доброты, любви и детской наивности, но отнюдь не решительность вождя.

- Скажи нам, дедушка! - крикнул кто-то из дружинников-новобранцев. Потом эти слова повторил другой казак почти в ухо старику и тоже весьма громко. Ртищев понял, что Кабаев полуглухой.

- Братцы, штойте грудью за Якушику - нашего кормильца, - негромко и плавно повёл свою речь старик, - не падайте духом, Господь Бог не покидает нас. Я Богу за шпасение Войска молюсь. Супротив антихристова войска мы сражаемся, и Пресвятая Богородица закроет нас. Все видели раштрелянных священников наших, опустошённые, опозоренные храмы наши. Знаете, что нехристи эвти из церковных риз делают попоны коням своим. Братцы, с иконой я впереди вас буду. Слушайте ваших начальников - они откроют вам путь наштупления. И устрашитса враг, и погоним мы его силой Божьей и нашим победоношным оружием, оросим же шаики вражеской кровью! И одолеем мы, непременно, одержимых бесом безбожников потому, что с нами Святой Крест и молитва Господня.

- Веди нас, дедушка! – крикнули из рядов дружины.

- Сынки наши, детки дорогие, - Кабаев повернулся к отряду пятнадцатилетних отроков с крестами из Пешего учебного полка, - не бойтесь вы ничего, покажите, что вы казаки, покажите, что вы не хуже отцов, дедов наших героев-Горыничей. Спасителя молю, и Он вас защитит и закроет. Завтра враг будет из батарей штрелять по вас, а шнаряды рваться не будут! И мы его погоним! Вера важна. Лишь она спасёт нас!

«Но в подобных словах есть некоторая безответственность, - возмущился столичный разум Ртищева. – Как так можно – «рваться не будут»? По сути бедных детей на смерть гоним...»

Перед битвой 3 ноября, Кабаев ходил по передовой с Нерукотворным Спасом в руках и одобрял защитников Уральска. Казаки снимали шапки, старик благословлял их, читал молитвы. Уральцы молились с ним вместе, забыв о том, что над головой с визгом рвутся ирапнели. Казаки целовали старинную икону, крестили окопы и оружие. Помолвившись, они с воодушевлением ринулись в бой. Старик Мокий едва успевал за ними. Пушечный снаряд, благословлённый Кабаевым, тут же попал в цель, что вызвало волну восторга в рядах уральцев. Сил в Войске было мало, но имелось горячее желание наступать, вопреки тактической логике. Кирилл шёл на врага в полный рост, не кланяясь пулям, с тяжёлым медным крестом в руке и думал о Каппеле, Маркове и Дроздовском: «Не ударю и я в грязь лицом. Покажу казакам, что и мы, городские, способны на подвиг». Вражеская пуля скосила солдатика-каппелевца, шагавшего рядом. Ртищев нагнулся над ним и с болью убедился, что тот уже не нуждается в помощи. Продолжая путь под завывание пуль и осколков, Кирилл невольно подумал: «А ведь из нас четверых, он был самым мало верующим и даже, в нашем кругу, позволил себе непочтительно отозваться о речи Кабаева...» Пулемётный огонь усилился. Видимо, красные подвезли пулемёты, или патроны к ним. Часть, оказавшихся под неумолимым огнём уральцев не выдержала и, побежала назад. Но тут, на гребне сырта, возник пред ними старик на красивом белом коне, как в богатырской былине. Он распевал псалмы и ряды пеших стариков, едва поспевающие за ним, подпевали. Все без оружия, но с молитвой на устах, они шли вперёд, казалось, заговорённые от пуль.

- Кабаев едет! - услышал Ртищев чей-то голос, полный радости.

Облик старца в белом кителе был поразительно величественен в своём спокойствии и пренебрежении к смерти. Он двигался не торопясь, степенно, с полнейшей невозмутимостью на лице, хотя пулемётные очереди рыли глину под копытами его коня. Ртищев подумал, что его собственные стиснутые зубы и нервная походка не идут ни в какое сравнение с этим

олицетворением спокойствия и святости. Видя это шествие безоружных, красные не выдерживали такого морального воздействия, бросали оружие, бежали или сдавались. Как позже узнал Ртищев, те, кто сдался в том бою, стали потом рьяными бойцами дружины дедушки Мокия второго и третьего состава. По волжскому опыту Кирилла, очень многие из сектантов добровольно примыкали к красным. Но под воздействием психической атаки кабаевцев, они разуверились в большевицких идеалах.

Когда войска собрались на захваченных позициях, уральцы стали подсчитывать свои потери. Радость победы постепенно омрачалась осознанием принесённой жертвы. Кирилла удивило, что ни один казак не удивлялся отваге Кабаева, но изредка кто-нибудь ворчал: *«Второй денёк паковой росинки во рту мы не имеем – еле ноги носим, а Дедушка – хоть бы что. За три дня кокурку¹⁵⁴ одну проглотил.* Ему-то что, его убить не может, потому он с крестом ходит!» Потом Кирилл услышал беседу молодого казака с Мостовщиковым:

- Дедушка молитвами и пением псалмов орудийный и пулемётный огонь оштановить могёт! – с пламенным восторгом говорил двадцатилетний юнец. *- Целыми сотни казаков проводит там, где ад штоит кромешный!*

- Дай-то Бог, Фатьян, чтоб так и дальше было, - отозвался Феофилакт Проклович, *- а на пустое брюхо воевать – что: стерпится – слюбится.*

- С ним не страшно и под пули. Потому он с крестом и молитвою ходит. Как скажет «Не бойся, сынок», - так тебя ни пуля, ни шрапнель не возьмёт. Иди куда хош. Токо вот ругаться не велит. Как говорит, выругался, - так она, пуля, и трахнет.

- А ты и верить горазд? Эх, ты, паря. Индо не знаш, что думать про тя: умный, аль дурак? - скривился второй молодежавый казак, и Ртищева больно уколол его скептицизм.

Вслед за тем, Кирилл заметил, как несколько мусульман в чалмах подошли под благословение Кабаева и был поистине поражен увиденным. *«Vox populi, vox dei – глас народа – глас Божий»,* - подумал Ртищев.

Но красные подводили всё новые силы. Казалось, что они неистощимы, а имя им - легион. *Силы же казаков неуклонно таяли и восстанавливаться не могли. Шла война на истребление. Потянулись изнуряющие оборонительные бои. Вскоре, из-за неудач на фронте, созвали Войсковой Съезд, который принял решение о смещении с поста командующего армией генерала Акутина¹⁵⁵ и временной замене его генералом Мартыновым. Уральцы создавали особые ударные «иисусовы полки», в которых казаки надевали на пики иконы Георгия Победоносца и дрались с неописуемым упорством. Натиск красных был остановлен, и между северной и западной ударными группировками большевиков появился разрыв. Реввоенсовет отстранил комдива Чапаева от командования Николаевской дивизией и направил его в Академию Генштаба РККА. Потом была и знаменитая конная атака Мартынова, завершившаяся очередным разгромом красных. Но всё это был лишь временный успех, отдаляющий неизбежную агонию истощившегося казачества. Неожиданно Кирилл узнал о приказе Колчака, признанного всеми белыми силами Верховным главнокомандующим, требовавшем замены Мартынова на генерал-лейтенанта Савельева – не казака. Ртищев был возмущён не меньше, чем любящие своего кровного командира казаки. Он размышлял: «Это же происки засевавших под Колчаком левых! Мерзавцы боятся, что такие самородки, как Матвей Филаретович, стоят за казачью самостоятельность. Но генерал не обозлился, не встал в позу, не ушёл, не начал фрондировать. Скромно согласился возглавить один из корпусов. Впрочем, одно лишь название – «корпус». До былого армейского*

¹⁵⁴ Хлеб, испечённый на масле постном или сливочном.

¹⁵⁵ Двое из троих сыновей Акутина погибли в ходе Гражданской войны уже в 1918 г. Третий сын выжил, но был осуждён в 1938 г. и расстрелян, как бывший белый офицер.

корпуса ему многих тысяч людей не хватает... Мартынов поставил интересы Белого Дела выше карьерных. Хотя он человек очень самолюбивый, если не сказать большего, но сознаёт, что сейчас не до внутренних разборок. Слишком сильны красные и все силы следует собрать в отчаянной борьбе с ними».

Дрались казаки с великим мастерством и неистовством, но тут новая напасть обрушилась на них – разгул испанки¹⁵⁶. Слёг и Ртищев. Ему ещё повезло – не так сильно прихватило, как многих других. В декабре, постоянно пополняемые красные полчища, имеющие колоссальный перевес над казаками, попёрли на Уральск, Илецкий городок, Сламихинскую и Гурьев. Людей становилось всё меньше, а патронов, не говоря о снарядах, остро не хватало. Уральцы обратились к Колчаку за помощью с вооружением. Снег продолжал падать, становился всё глубже, и Кирилл послал своих каппелевцев назад, в Народную армию, покуда мело и была скверная видимость, а главное, кони могли ещё сравнительно быстро передвигаться. Вскоре легли такие сугробы, что лошади в них просто вязли. Теперь казаки были лишены своего главного козыря – маневренности лёгкой конницы. Снега вкупе с эпидемией, стали началом конца Яицкого войска. Сказалась и огромная протяжённость фронта от Каспия до Илецкого городка, и невозможность собрать казачьи силы в единый кулак. Мартынов и Акутин тщательно разрабатывали систему обороны казачьей столицы. Холода стояли страшные, и красные тоже временно приуныли.

К весне начались затяжные бои, и Кирилл был вновь в состоянии идти с крестом без оружия под пули, смущая тем самым, большевицкие толпы. В том роковом сражении Матвей Филаретович был тяжело ранен в живот¹⁵⁷, а Ртищев случайно оказался возле неистово рубящегося воина, который был, как Кирилл понял немного позже, тот самый Олсуфьев. Никогда не забудет Кирилл Ртищев, как пронзило грудь казака, увешанную «егориями», сразу четырьмя пулями. Как Ануфрий Олсуфьев продолжал размахивать шашкой, раскраивая черепа окружающим его всадникам, словно заговорённый и обладающий тайной воскрешения из мёртвых. Как он сам, Кирилл Ртищев, бросился с голыми руками помогать великому воину и сумел стянуть с коня одного из одолевавших, смертельно раненного казака. Как он своими руками долго душил крепкого красного кавалериста, а потом оказался над поверженным Олсуфьевым. Пятеро нападавших уже не подавали признаков жизни, но поток крови грозил в считанные минуты выплеснуть из тела казака жизнь. С губ казака время от времени срывались нежные слова прощания, обращённые к его верному коню. Последнее, что попросил умирающий, было «испить водицы Яика-Батюшки». Кирилл, слегка заткнув тканью гимнастёрки кровоточащие раны Олсуфьева, бросился бежать по склону к реке, чтобы не опоздать. Ртищев прошёл несколько шагов по береговой кромке льда и склонился над холодящем телом Яика, чтобы зачерпнуть своей папахой воду. Ртищев ещё недостаточно окреп после болезни и, после такого напряжения, его качнуло. Он оказался в ледяной воде, по которой с грохотом шли куски льда с шугой. Среди них двигались и полупогруженные тела казаков, проглядывались бурые полосы казацкой крови. Лавина вод ратных несла в тот день не одно тело своих верных сынов. В какой-то миг, обессиленный Кирилл надумал отдаться воле потока, но холод отрезвлял и отторгал кощунственные мысли. Едва выбравшись на берег, насквозь мокрый Кирилл помчался по склону сырта под леденящим мартовским ветром к умирающему. Сначала ему

¹⁵⁶ За 18 месяцев 1918-19 г.г. испанкой было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Умерло приблизительно 50—100 млн человек, или 2,7—5,3 % населения Земли. Летальность среди заражённых составила 10—20%. Эпидемия началась в последние месяцы Мировой войны и охватила все континенты. В Европе людей, ослабленных войной, она косила особенно массово.

¹⁵⁷ Крепкий организм Мартынова заставил его промучиться два месяца. Когда казалось уже, что жизнь побеждает, начался гнойный перитонит и настал быстрый конец. Сказалась нехватка медикаментов.

показалось, что он опоздал, но Олсуфьев открыл глаза и что-то пробормотал запёкшимися губами. Одна рука казака обхватила шею, поверженного, уже испутившего дух, любимого коня, а другой казак почему-то пытался дотянуться до скашовки¹⁵⁸. Ртищев поднял его голову, помогая напиться из шапки. Казак был невыразимо благодарен. Он готовился к уходу в иной мир, шепча слова молитвы. В это миг рядом оказался невредимый старик Кабаев на белом скакуне, который совершил подобающий старообрядческий ритуал и на лице отдавшего Богу душу, отразилось полное успокоение с некой печатью торжественности. Старик продолжал нашёптывать: «Щедры воды Твои, Яик-батюшка, милы сынам твоим, казакам. Мы – часть тела Твоего, Яикушка. Сладки воды Твои». После этого старик помог немеющему, трясущемуся Кириллу влезть в седло и повёз его к своим. «А ведь в казаках сохранилась страшная, особая – неборимая сила! – размышлял Кирилл, отогревшись. – Не сокрушить их неверующим, заблудшим красным! Сильнее казаки нас, столичных, во всём сомневающихся бездельников, куда цельнее, ибо веру свою в целостности и чистоте сохранили».

Вскоре, под Уральском, Мокий Кабаев получил ранение в обе ноги. Последний раз встретил его Кирилл с двумя забинтованными ногами на костылях. Старик сидел с молодыми казаками, красочно повествуя, как он, в сердцах, выругал красных: «*у, проклятые!*» - и *тотчас был ранен в ногу. Он продолжал идти вперёд. Подле него убило одного казака-старика и ему стало страшно. Но как только он почувствовал страх, так рухнул, раненный в другую ногу. «Никогда не ругайся, сынок, и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя»* – наставлял дед Мокий. Подошли к Кабаеву «старики», а вместе с Феофилактом и Кирилл.

- Ладно ноги мои, братцы, - продолжил Мокий Алексеевич с надрывом, - *нехристи эвти в десницу святого Николая Чудотворца уязвили! Прострелен образ, глубоко чтимый и почившим Матвеем Филаретовичем, царство ему небесное!*

- Не приведи Господь, - загудели-закрестились казаки.

- Плачет Никола Чудотворец теперь непрестанно, братцы. Око Его отверзлося, - перекрестился Кабаев.

Кирилл задумался о том, что в этом особом, всё ещё уцелевшем мире, радость и страдание, удача и злосчастье более весомы и ощутимы, нежели в лощёной столице. Человеческие переживания сохранили средневековую полноту с непосредственностью, свойственную в мире европейских городов теперь лишь детям. Страсти сохраняли в этом архаичном мире свой древний накал и трогательная чувствительность пребывала ближе к звериной жестокости. Того сорта жестокости, что свойственна детям с подростками¹⁵⁹. Но и чище был, вне сомнений, мир этот, а не тот. От того наказание России пошло оттуда, и лишь теперь докатилось до Яика – мира, в котором каждый священник был всем известен, а каждый колокол имел своё имя.

Позже Ртищев узнал, что Кабаева отправили на судне через Каспий на лечение. *За Уральск крови было пролито немеренно, но пришлось его сдать. Харунку Павловскую¹⁶⁰, правда, что в соборе войсковом хранилась, казаки с собой забрали - берегли как бесценное сокровище, святыню – налюбоваться им не могли. Гурьев удалось отбить. Дружины деда Мокия постепенно распались. Увидев неспособность Войскового Съезда продолжать борьбу, многие казаки помоложе, переутомлённые германским фронтом, потеряли к нему доверие,*

¹⁵⁸ Скашовкой называется ремень, соединяющий у казачьего седла путлища обоих стремян под животом лошади и позволяющий казаку нагибаться и доставать руками земли на скаку лошади.

¹⁵⁹ «Когда мир был... моложе, все жизненные происшествия облекались в формы, очерченные куда более резко, чем в наше время. Страдание и радость, злосчастье и удача различались гораздо более ощутимо; человеческие переживания сохраняли ту степень полноты и непосредственности, с которой и поныне воспринимает горе и радость душа ребёнка» (Хёйзинга И. Осень средневековья).

¹⁶⁰ Харунка – знамя, полученное уральцами из рук, любимого ими, Павла I.

покидали полки и расходились по домам без выражения поддержки Советской власти¹⁶¹. «Ну, чиго там! Повоевали и будя», - говорили молодые, сплёвывая семечки. «Эх вы, хронтовики, - качали головами старики, – Последние времена наступили. Однако прав Господь, прав и Давид Псалмопевец. Тогда, как нечестивые возникают, как трава, и делающие беззаконие цветут, чтобы исчезнуть навеки». Тем самым, молодые сдавались красным, занимающим эти земли. На стороне Войсковых правительств оставались пока ещё все «старики»-добровольцы. Их силами удерживать фронт было нереально. Постепенно откатываясь, казачья армия оставляла станицу за станицей, хутор за хутором, и остановилась только в станице Мергеневской. В это время прошло избрание Войскового атамана, коим стал Толстов - человек решительный и волевой¹⁶². Кирилл встречал своего ровесника-Толстова в Николаевском училище. Но Ртищев окончил училище раньше. При своём избрании Толстов поставил условие: право беспрекословного распоряжения жизнью каждого казака. Большевики прислали в Мергеневскую делегацию для агитации и разложения боеспособных остатков частей уральцев, предлагая заключить «мир». Но Толстов расстрелял красную делегацию и предателей-казаков, затеявших переговоры. Он сумел поднять дисциплину Войска, навёл порядок и в тылу. В конце марта большевики были разбиты и начали отступление к Лбищенску. Начался новый приток казаков в армию. Приходили молодые, старые отставники, калеки, инвалиды, которые шли на любые должности, стремясь принести пользу родному Войску. За полтора месяца власти Толстова уральцы вернули потерянную территорию и захватили приграничные районы Самарской и Саратовской губерний, почти полностью разгромив красный фронт¹⁶³.

Вечерний апрельский ветер пронизывал шинели, и ополченцы Толстова прижимались к друг другу спинами, сидючи у костров. Повсюду виднелись чернеющие лоскуты земли, среди пока многочисленных сугробов побуревшего снега. Но на солнечных сторонах бугров к вечеру уже роились мошки-поддёнки. Заезавшихся сносил в степь беспощадный ветер, отрывая их от дружного роя собратьев. Кирилл Ртищев и хотел бы назад к своим, но вовсе не был уверен, что сможет незамеченным пройти через плотный большевистский фронт. Думая об этом, он задавался вопросом: а есть ли смысл быть там в одиночку пойманным и бездарно замученным врагом вместо того, чтобы продолжать борьбу с пользой для общего дела бок о бок с этими славными людьми – уральцами? Он с любовью поглаживал свою старую верную шашку, вновь и вновь смазывал револьвер, к которому теперь имел немалый запас патронов. Михаил Бородин с небольшим отрядом, ещё в январе, с немалым риском¹⁶⁴ переправился по льду через Каспий и явился к самому Деникину. Встретили его там тепло и выделили уральцам спасительные пять миллионов патронов, деньги и медикаменты.

- Эх, щерба славная, Прохор Осипович, - приговаривал совсем молоденький, безусый казачок, наворачивая уху.

Лишь глядя на них, Кирилл сообразил, что означает странное слово «щерба», никак не созвучное «ухе».

¹⁶¹ Местные ревкомы отказывают казакам в праве служить в РККА, объявляют их вне закона, частично заключают в концентрационные лагеря, порою расстреливают каждого десятого. Против такой недалёковидной политики на местах выступили часть красных лидеров во главе с Фрунзе. Уцелевшие после таких репрессий уральцы обычно немедленно вливались под знамёна Толстова, воззавшего спасать Войско.

¹⁶² Толстов Владимир Сергеевич родился в 1884 г. Из дворян Уральского войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетской корпус и Николаевское училище. Войсковой старшина, а с 1917 г – полковник.

¹⁶³ Только 1-м партизанским полком уральцев было взято за это время в плен 10 тыс. красноармейцев.

¹⁶⁴ Бородин писал: «Мне предстояло избрать один из трёх путей: по астраханским степям, где везде были большевики; вокруг Каспийского моря по восточному берегу; прямо по морю. Первые два пути требовали нескольких месяцев, последний же - несколько дней. Я остановился на последнем, ибо время было дорого... никто не знает, замерзает ли море посередине, потому что зимой никто там никогда не был... крайне опасный южный ветер «морьяна» - ломал лёд».

- Была бы бударка, а рыба шама наловиться – говаривал мой тятя, - откликнулся добродушный казак-старик, разливавший из котелка своё варево. - Так бы всю жисть по ерикам, да ильменям и плавал. Так нет – война проклятая. Шишига народ попутал – не иначе. Родитель мой всё по зверю гулёбил, сайгачил. Гулёбщик знатный был – не собачник какой. Помнил ишо те времена, когда уловы в Яике не чета нынешним были. А меня, как он говорил, шутовка охмурила – на воду тянет. Но чилим с мелкой рыбёшкой частенько домой ишо мальчишкой приносил. Старше стал и ятови находил, и порешную добывал¹⁶⁵.

- Да, жисть была... – вздохнул молодец.

- Хорошо ли то - юношев призывають? – покачал головой Прохор. - Творец Небесный! Так и казачков-то и не останется скоро. И куды инералы шмотрять?

- Если так посмотреть – так оно и выходит, но ежели глыбже, так большевики победять и нам жизни совшем не будить, - проговорил сиплый молчаливый казак-старик, прячущий лицо в мохнатой бородине.

- Так-то оно так, да токмо поубивали на днях немало юношев наших, а сотенный отлипортовал атаману, мол, всё благополучно, - возразил Прохор Осипович. - А лошадёнки-то какие – смотреть больно – одня одрань – машлаки чалые¹⁶⁶ ошталися. Атаман и доволен – чинным манером всех в ряд расставил, благодарил. А у меня - сердце кровью, как о мальчишках подумую.

- Глянь, казачки, есаул Ларшин идёт, - сказал молчаливый.

Кирилл с любопытством взглянул в сторону прославившегося казачьего летуна. Своим обликом этот человек никак не напоминал виденных некогда Ртищевым храбрых красносельских летунов. Одетый в мешковатую, длиннополую шинель, кавалерийского образца из «старорежимного» солдатского сукна, с выгоревшими малиновыми петлицами, с забрызганной аэропланной касторкой фуражкой с тем же малиновым околышем на голове, казак Ларшин выглядел весьма нелепо. Сын простого урядника, в войну он был призван в ряды уральских казачьих частей и за отличия произведён в унтер-офицеры. Потом Ларшин окончил Уральскую школу прапорщиков и произведён в офицерский чин

- Присаживайтесь с нами, есаул, - улыбнулся Прохор.

- Благодарю, братцы, - просиял Ларшин добродушно-насмешливой казачьей улыбкой. - Ежели чайку нальёте – рад буду сугреться.

- Поведуй нам, Николай Парамоныч, как там у нас с авиацией? – спросил Прохор.

- А что говорить, - неторопливо и тихо ответил Ларшин и его простое, широковатое лицо с тонким, с горбинкой, носом, сделалось сразу печальным. - *Помните, казачки, как в начале года на Уральшк полсотни бомб ироды сбросили? Здания Войшковского правительства и Городской Управы порушили. Ватарба¹⁶⁷ пошла, колокольный звон вишех церковей города, крестные ходы и молебны начались. И вдруг, зовёт меня, да ишо другого летуна, Смердина, атаман. Вот вам, говорит, аэроплан - летите! Отцы святыя! Да какие же мы лётчики! Да снежища горы понавалило, да морозища стоят! Ну - ничего! Мигом единым нагнали казаков со станиц, рашичистили от снегу площадку, даже песком посыпали, мехов понатащили - откуда только набрали! Одним словом - лети и никакых! Пошла молва по итаницам, понавалило виыких депутатий, стариков, все собрались смотреть на наши полёты: «Вот они наши соколики! Вот они летуны наши уральские!» Тот водочки тащит, тот закуской потщует... чего не захоти - все будет, скажи только... А тут мотор - не работает, да и только! «Борис, - говорю это я*

¹⁶⁵ Бударка – яицкая лодка. Ерики – старицы, пойменные разливы. Ильмени – пойменные заросли. Шишига - нечистый. Гулёбщик – охотник за пушниной и прочим зверем. Сайгачник – за сайгаками и копытными вообще. Собачить - травить зверей псами- унизительное прозвище, способ не уважаемый казаками. Шутовка – русалка. Чилим - водяной орех, который почти исчез до 1900 г. Ятовь - углубление полное рыбы. Порешная – выдра.

¹⁶⁶ Означает - дрянная лошадёнка, как и «савер».

¹⁶⁷ Суматоха.

Смердину. – Делай, что хошь - лететь надо! Живыми, всё равно, отсюда не вылезть - убьют!»
А и верно: всё ближе казаки к нам напирают и ужасе, шильшино, гудят: - «чи-го там! Не желают лететь - и вся музыка!» Мороз стоит, а мы с Борисом мокрые, как из бани. Тут мотор заработал и «горе-летуны» полетели. А когда мы, с грехом пополам, выполнили первую разведку, нас вытащили из гондолы и на руках отнесли к атаману в штаб.

- Ты, Парамоныч, заслуг своих не преуменьшай, так тебе скажу, - вставил Прохор. - Учился летать, как припоминаю, в самой Гатчинской школе.

- Да не ушпел толком поучиться – революция, будь она неладна, - сказал казацкий пилот, сверкнув зорким взором уральского степняка, - но поштавил целью своей жизни научиться ишкусству летания. Доучивался ишо в Военно-авиационной школе Народной Армии в Самаре. Но и ту не окончил – запыльхало в родном Войске - пробрался тогда я обратно, в родные степи и там, в привычном конном бою, партизанить стал. Между делом, и в аэроплане наблюдателем служил. Крестный подвиг родного Войшка обязует.

- А сейчас что не летаешь, Парамоныч? – спросил Прохор.

- Мой аппарат «Буазен» и мог бы летать, да не хватает машла гаргойль и бензину. Ввиду невозможности использования аппарата по прямому назначению, личный соштав авиационного отряда привлекли для участия в наземных боевых действиях. Вот так... – развёл руками Ларшин.

- Ваше скобродье, разрешите Вам ушицы подлить, - обратился Прохор к Ртищеву особенно душевным тоном.

- Спасибо, Прохор Осипович, наелся я уж, - покачал головой Кирилл.

В те дни, впревые после начала удачного атаманства Толстова, уральцы, под командованием обятельного весельчака - полковника Тимофея Ипполитовича Сладкова и сурового полковника Михаила Николаевича Бородина и нанесли сокрушительное поражение более многочисленной дивизии Чапаева, оборонявшей Лбищенск¹⁶⁸. Поговаривали казаки, мол, не зря старик Кабаев благословил нового атамана на подвиги своей старинной иконой. Но Толстов допустил и роковую ошибку, стянув почти все свои силы к Уральску, вместо того, чтобы оставить около него летучие отряды для блокады города, а основную же часть армии бросить на помощь Колчаку. Атаман был уверен, что его армия без особого труда возьмёт свою столицу. Но красные, под руководством инженера Карбышева, возвели вокруг Уральска мощные укрепления. Осада затянулась. В разросшейся армии уральцев не хватало офицеров. Слишком многие из них уже сложили голову. Приказы своих новых и неуважаемых урядников казаки всё чаще отказывались выполнять. До Толстова Яик мог выставить 15 тысяч, теперь – до 25 тысяч, но не тот уж был состав этой новой армии. Слишком уж пёстрым он стал: над уральцами численно преобладали осколки прочих белых частей из среднеазиатских, оренбургских, кавказских отрядов и дружин.

7. Братья зла¹⁶⁹

Под рогожу за слово: Царь...

И никто из вас, сынки! – не воротится. А ведёт ваши полки – Богородица...

Не быть тому и не бывать, чтоб русский офицер – да за Рэсэфэсэр!

М. Цветаева

¹⁶⁸ По некоторым данным, Бородин был выше по званию, чем Сладков. Но скорее всего, он не был генералом. Кроме того, этого Бородина неправильно называют «Н.Н. Бородиным», когда он был Михаил Николаевич (не следует путать с Михаилом Никаноровичем). Бородину эта победа стоила жизни. Чапаев тоже погиб в ходе дела под Лбищенском. Были захвачены 700 пленных красноармейцев, 5 аэропланов и многое другое. Усталость уральцев не позволила развить успех.

¹⁶⁹ Так называл Распутин врагов Престола.

Теперь расстаться с Россией, пусть измученной и истерзанной, больно и преступно, и я этого не сделаю.

Вера Холодная

В октябре восемнадцатого умер, изболевшийся, генерал Алексеев, и власть на юге полностью сосредоточилась в руках Деникина. Последовал приказ о назначении его верховным вождем Добровольческой армии с оставлением в должности главнокомандующего. Лукомский стал его заместителем по военным делам, а Драгомиров - по гражданским. Георгий Шавельский¹⁷⁰, бывший полковым священником, дивизионным благочинным, а под конец Японской - главным священником Маньчжурской армии, законоучителем в Смольном институте, протопресвитером военного и морского духовенства Российской империи и членом Синода, окормлял теперь военное духовенство в Добровольческой армии. «Один Деникин, без Корнилова и Маркова, сможет ли вдохновить наше воинство? Зато Донская армия при атамане Краснове стала прекрасно организованной, - размышлял Глеб Охотин. – Встретился я однажды со знакомым, по фронтам Германской, Петром Николаевичем Врангелем. Барон поведал, как генерал Михаил Свечин¹⁷¹ рассказал ему в Киеве о том, что Добровольческая армия, после гибели Лавра Георгиевича, якобы обречена на поражение. Что она уже почти уничтожена, лишь Корнилов был её опорой и стержнем. Это известие очень огорчило Врангеля, любившего Корнилова, поклонявшегося стойкому его духу. Слова Свечина лишь отсрочили вступление барона в Белую борьбу. Только в середине лета Пётр Николаевич узнал, что добровольцы набрались сил на Дону и готовятся поднять весь Кавказ. В Киеве, с помощью немцев, якобы уже формировались Астраханская и Южная монархические армии - под бело-жёлто-чёрными - цвета императорского штандарта знамёнами. Но к тому времени Врангель уже успел разочароваться в состоятельности этих формирований и решил пробиваться к Алексееву и Деникину. Барон прибыл в Екатеринодар и встретил немало знакомых – и генерала Эрдели, и полковника Дроздовского, и генерала Покровского, и полковника Шкуро. Первый же разговор с Деникиным вышел у барона не слишком приятный. Деникин как бы начал размышлять вслух: «Ну, как же мы Вас используем? Не знаю, что Вам и предложить, войск ведь у нас немного...» Тогда Врангель ответил: «Как вам известно, Ваше Превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но ещё в 1914 году был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не встать во главе эскадрона». Так, начал барон скромным бригадиром, но вскоре сумел расположить к себе многих, добиться побед в боях и над «трудными» коллегами вроде Шкуро. Деникин всё это время очень быстро повышал Врангеля в чинах. Казалось, что всё идёт не так уж плохо...

К концу ноября была окончательно сформирована Особая Южная армия. Она, с переменным успехом, дралась на воронежском и царицынском направлениях¹⁷². Несмотря на мно-

¹⁷⁰ Шавельский был из выкrestов. Связан со Ставкой Николая Николаевича. Царь отозвался о нём недоброжелательно, поскольку тот осуждал Семью и Распутина. Позже – лидер движения «церковный большевизм» (Фомин С. Золотой клинок Империи).

¹⁷¹ Брат его, генерал А. Свечин в марте 1918 г. добровольно вступил в РККА и позже стал начальником Всероссийского Главного штаба и профессором Академии Генштаба РККА. В 1938 г. А. Свечина расстреляли.

¹⁷² Весной 1919 г. её остатки влились в деникинские войска. Гораздо более боеспособной была Русская народная армия, именовавшаяся изначально Саратовским корпусом. По количеству бойцов она равнялась обычной пехотной бригаде, но состояла из саратовских крестьян, сознательно выступивших против большевиков. Командовал ею полковник Манакин. Астраханская армия имела около трёх тысяч пехоты и тысячу всадников, командовал ею князь Тундутов, о котором писал Краснов, как о недалеком человеке, готовом на интригу, плохом организаторе. У калмыков он играл роль полубога. Его калмыки были босы, большинство не имело оружия, но дралась неплохо. Если Манакин называл себя союзником Деникина, то Тундутов был сам по себе и мог подвести кого угодно.

гочисленность офицеров-монархистов в ней, всё командование её следовало лозунгу непредрешения государственного строя России до разгрома большевиков. Этот лозунг оттолкнул бескомпромиссного монархиста генерала Келлера от участия в командовании. Лидеры Южной армии предпочитали не выпячивать монархическую приверженность формирований, как и Добровольческой. По той же причине отклонили и кандидатуру Великого князя Николая Николаевича на роль главы Белого движения, предпочтя ему адмирала Колчака. Генерал Алексеев, несмотря на своё раскаяние в содеянном, к осени 1918-го очередной раз влез в политическую интригу и писал запугивающие письма Николаю Николаевичу¹⁷³. Командование Добровольческой армии, республиканцы, не могли потерпеть такое назначение, поскольку были повязаны требованиями союзников: Исключить реставрацию монархии. В таком подходе, с продолжением заигрываний с теми же политиками, что развалили державу с Февраля по Октябрь, таился корень всех неудач Белого движения. «Чтобы подписи красовались на письме, отправленном Алексеевым Великому князю? Его политических руководителей из той же шайки, что и его бывший советник-интриган Гучков, склонивший генерала к предательству своего Царя: Родзянко, Шульгин и Львов. Куда уж дальше идти, если разрушители Империи – Миллюков, Струве и даже Савинков участвуют в политическом собрании нашей Доброй армии. В тот роковой день, второго марта, они грозили Государю смертью Его Семьи, гибелью самой России с её армией, вымогая отречение от Престола. Оттуда был один шаг до подвала в Екатеринбурге». Всё это немало угнетало Глеба, но с удовлетворением узнал Охотин о том, что Врангеля поставили уже во главу действующей армии. Успехом казался и факт объединения сил добровольцев и Дона под командованием Деникина после того, как Краснов, несмотря на победы гундаревцев, осознал, что казаки не выдюжат в одиночку. Казаки носились с воскрешенным названием Всевеликое Войско Донское, со своим доморощенным сепаратизмом, но никак не стремились спасти всю Россию. Так образовались Вооруженные Силы Юга России (ВСЮР). Союз Деникина с Красновым был давно необходимым и, увы, заметно припозднился. Помимо непосредственного усиления белых, монархист в душе, Краснов, уравновешивал - республиканца в душе, Деникина.

Но, к Новому году, начались трения между Деникиным и умеренным монархистом Врангелем, которые уже никогда не прекратились и сильно вредили Белому делу. Антон Иванович вдруг объявил, что Добровольческая армия будет разделена на две части. Та, что состоит из пехотных частей ветеранов Ледового похода, сражающихся на Дону, сохраняла название Добровольческой, а оставшиеся на Кавказе кубанские части под командованием Врангеля должны называться Кавказской армией. Пётр Николаевич резко отказался командовать армией с таким названием. Тогда Деникин пошёл ему навстречу и предложил назвать одну - Кавказской Добровольческой, а другую - Крымско-Азовской Добровольческой. Врангель согласился вступить в командование Кавказской Добровольческой. Остатки красных на Северном Кавказе были разгромлены. Помог барону в этом деле и лютой сыпной тиф. Но и победа не означала полного покоя на Кавказе. ВСЮР продолжали одновременно воевать с Петлюрой, с батькой Махно, с Дагестаном, с Грузией, а в их тылах под Новороссийском партизанили зелёные «черноморцы». Называли они себя Кубанско-Черноморская зелёная советская армия и стремились установить «Советскую власть без коммунистов». Во главе штаба этого странного объединения оказались бывшие члены Комуча. В начале восемнадцатого года в Дагестане сто двухлетний соратник Шамиля имам Нажмуддин Гоцинский объявил себя потомком Шамиля и вместе с пророком Узун-Ходжой начал священную войну-джихад про-

¹⁷³ В письме значилось: «Деятели Киева и Южной армии мечтают просить Ваше Императорское Высочество стать во главе этих новых формирований. Я доложил Вам с полной откровенностью возможную обстановку братоубийственной войны, в которой Вы не можете принять участия». (Фомин С. Золотой клинок Империи).

тив неверных¹⁷⁴. Врангель начал настаивать на непременном походе в Поволжье через Царицын, чтобы соединиться с армией Колчака, и Охотин видел в этом неоспоримую силу логики. Деникинский штаб же, настаивал на ударе на север. Антон Иванович планировал также перевести свою ставку в Севастополь и возглавить все антибольшевистские и русофильские силы в Крыму и на Украине. Взаимонепонимание двух генералов усиливалось. Однажды, при мимолётной встрече, Пётр Николаевич заметил Глебу, что как сын армейского офицера, «оказавшись в верхах, Деникин сохранил многие характерные черты своей среды - провинциально-мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды оставалось у него бессознательное предубежденное отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», болезненно развитая цепетильность, невольное стремление оградить своё достоинство от призрачных посягательств. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг». Вскоре Врангель слёг от тяжелейшего сыпняка и, казалось, что надежды на выздоровление уже нет. На его место был поставлен генерал Юзефович.

В начале девятнадцатого года наступило всеобщее переутомление и фронты ненадолго затихли. Красные наступали лишь очень далеко - в Эстонии. Президент САСШ Вудро Вильсон призвал все российские правительства начать переговоры о мире на Принцевых островах в Мраморном море. Чичерин по радио заявил, что Советская Россия не только соглашается принять участие в конференции, но готова выплатить иностранные долги, а также предоставить горнорудные, лесные и другие концессии гражданам союзных стран, совершить территориальные уступки союзным державам и прекратить революционную пропаганду за рубежом. Западные лидеры восприняли подобные предложения оскорбительными. Ллойд Джордж сказал: «Это непозволительное оскорбление... Мы просто друзья России и хотим ей помочь». Деникин отправил личный протест маршалу Фошу. Адмирал Колчак заявил британскому офицеру, что потерял сон, услышав о Принцевых островах. Глава британской военной миссии в России генерал Нокс радировал в Лондон, что «все русские потрясены тем, что союзники выразили одинаковое отношение к сражающимся здесь храбрецам и к кровавым большевикам». Но официальный Лондон не разделял мнение честного офицера. Немцы называли Советскую власть «правительством безумия», но успешно возобновили прекращённые в феврале 1918 года выплаты большевикам, чтобы удержать это правительство у власти. Последнее имперское правительство изменило германскую политику и разорвало дипломатические отношения с Советской Россией. Оно разрабатывало нанесение ударов из Прибалтики и Украины на Москву, чтобы сбросить Ленина¹⁷⁵. Реализовать планы помешала революция, устроенная, с помощью большевиков, в Германии.

В ноябре восемнадцатого года Дроздовского ранили пулей в ногу. Началось заражение крови. В госпитале Деникин произвёл его в генерал-майоры, а в январе девятнадцатого он умер. Дроздовцы в открытую заявляли, что их «отряд представляет собой политическую организацию монархического направления...» и, несмотря на то, что он входит в Добрармию, «его политическая организация остаётся самостоятельной...». Глеб Охотин притомился после очередного напряжённого рабочего дня. Работы у одного из значительных контрразведчиков хватало всегда. И общее затишье на фронте было тому не помехой. Наступала весна, которая проявляла себя в Ростове раньше, чем в родной Москве. Хотелось пройтись по свежему воз-

¹⁷⁴ До 1920 г. существовало это государство, воевавшее и с белыми, и с красными. Петровск (ныне Махачкала) переименовали в Шамилкала. Если в Туркестане русских не трогали, в Грузии их лишили средств к существованию, то в Дагестане их просто резали. В мае 1919 г. имам Гоцинский перешёл со своей армией к Деникину. Тогда «пророк» Узун-Ходжа проклял его, но летом стал воевать вместе с безбожниками-красными против религиозных белых.

¹⁷⁵ РККА даже в конце 1918 г. не могла бы противостоять кадровым германским дивизиям.

духу, наконец, просто сходить с семьёй в ближайшую церковь, но времени ни на что не хватало. Днём на солнышке подтаяло, а к вечеру начинало подмораживать, но воздух оставался насыщенным запахом прелой земли. «Кто остаётся в живых из способных вести в бой, да так, чтобы за ним бежали в самое пекло? Страшно подумать, - размышлял Глеб. – Череда незаменимых утрат: кто может встать на место таких героев, как Неженцев, Корнилов, Марков, Келлер? Не могли уберечь Дроздовского! Два месяца напрасных мучений. На нынешнем уровне развития медицины всё по-прежнему сводится почти что к поглощению каломели, натиранием нашатырём - много ума не надо. Кровь, разве что, пускать перестали. Хватает и так пущенной... Говорят, что лекарь тот сразу скрылся... Недалеко ушли от прошлого столетия. На востоке у них остаётся Каппель, а у нас здесь? Есть, конечно, славный Врангель, который давно не ладит с Деникиным... Кутепов достойный, как и Тимановский, генерал Боровский... А лихой кубанец Шкуро, воевавший в Германскую со своими «волками» под началом самого Келлера, ветеран Персии, после чего немцы оценили голову Шкуро в 60 тысяч рублей? Красные говорят не иначе, как «шкуру Шкуро»... Он если и отчаян, то малоуправляем, как и все казаки, которые только разочаровывают со времени отречения Государя. Царя не стало в их буйных головах. Вождей не остаётся. Но если взглянуть глубже? Кто из наших прославленных командующих, в случае победы, стал бы ратовать за воскрешение былой России, Империи с законным Государем на Престоле? Да, несомненно, сторонники самодержавия Келлер, Дроздовский, пожалуй и Марков. Но их уже нет на этом свете. Остаётся Краснов... Вроде бы и Каппель, точно не знаю. Врангель... Колчак мне не совсем ясен. Что касается некогда почитаемого мною Корнилова, то даже больно подумать, что храбрый генерал позволял себе заявлять! Раньше я и думать не мог, что Корнилов мог бросить в марте семнадцатого: «Я считаю, что происшедший в России переворот является верным залогом нашей победы над врагом... Совершившийся переворот уже дал нам победу в тылу, и перед нами остался противник только на фронте...» Чудовищны слова, некогда обожаемого мною, военного лидера! Ужасно, что даже его сумели обмануть политиканы, очернившие Дом Романовых¹⁷⁶».

Все воспоминания о недавних событиях были полны горечи: *по условиям Похабного мира немцы требовали себе полностью весь Черноморский флот, и большевики непременно стремились их выполнить. Колчаку был направлен приказ о сдаче флота, но адмирал отказался категорически.* «Когда задумываешься о таких фактах, - подумал Охотин, – кажется, что остаётся ещё надежда на наших лидеров. Сейчас Колчак взял власть в Омске и, по косвенным фактам, а также и слухам, думается, что мне бы было предпочтительнее служить под командованием этого человека, чем наших явных республиканцев. С другой стороны, Антон Иванович – большой патриот и человек исключительной честности. Кроме того, и верующий. Как-то он вспоминал при мне, как волновал его в юности вопрос религиозный: *«Бессонные ночи, подлинные душевные муки, страстные споры, чтение Библии наряду с Ренаном и другой «безбожной» литературой... Я лично прошёл все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в седьмом классе), буквально в одну ночь пришёл к окончательному и бесповоротному решению: человек - существо трёх измерений - не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие. Слово гора свалилась с плеч!... Я никогда не сочувствовал народничеству с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни - марксизму, с его превалированием материа-*

¹⁷⁶ Более того, когда Корнилов был в Ставке летом 1917 г., он сказал Деникину, что Гучков пытается возвести на Трон Вел. кн. Дмитрия Павловича. Но Корнилов заявил Гучкову, что он «ни на какую авантюру с Романовыми он не пойдёт!» Позже Корнилов сказал, что если Учредительное собрание и выскажется за монархию, то он этому решению подчинится, но если будет избран кто-либо из Романовых, то генерал тотчас покинет пределы России! Возможно, Корнилов не мог простить Царю недостаточно низкую награду за побег из австрийского плена и назначение командующим корпуса, вместо армии (Фомин С. Золотой клинок Империи).

листических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие привело меня к трем положениям: конституционная монархия, радикальные реформы и мирные пути обновления страны». Похоже, что позже он склонился к республике, но тогда умолчал об этом. Или же он колеблется до сих пор. И добавлял Деникин, что не находит принципиальной разницы между деятельностью и целями большевиков и криминальным элементом. Однажды Антон Иванович вспоминал, как один из полков, с большим старанием, построил возле позиций походную церковь. «Шли первые недели революции, - говорил Деникин. - Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм - это предрассудок. Поставил самовольно в нём роту, а в алтаре вырыл ровик для... (уточнить деликатный генерал не стал). Я не удивляюсь, что в полку нашёлся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему три тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» Хотя, кто знает на самом деле? А что делал Колчак так долго в Америке¹⁷⁷? Когда Колчака назначили командующим Черноморского флота, это случилось в нарушение правил старшинства, в обход известных Государю адмиралов. Всем было очевидно, как и самому Самодержцу, что Колчак тесно связан с рядом лиц из Думы. Даже агенты эсеров агитировали среди матросов в поддержку адмирала! Колчак одним из первых присягнул Временному правительству и сразу же организовал молебен и парад по случаю победы революции, присоединился к предложению о торжественном перезахоронении останков безумного бунтовщика лейтенанта в отставке Шмидта. Похоже, что Колчак был напуган событиями на Балтике и заигрывал с матроснёй. Рассказывали, что он сам говорил вдохновенную речь о Шмидте. Куда уж дальше! От такого голова идёт кругом. Это заставляет о многом задуматься... Вскоре, уже Временное правительство производит Колчака в полные адмиралы... Действительно ли он за восстановление самодержавия? Не лучше ли оставаться у Деникина? Он, хотя бы, не скрывает, что колеблется между республикой и конституцией. Но Колчак сверг слишком левую Уфимскую директорию Авксентьева и - во благо России. По нашим сведениям, Сибирь от красной болезни очистили. Не следует забывать, что в том проклятом Марте, Колчак оказался одним из немногих, кто не поддержал Алексеевское письмо-ультиматум Царю. Нет крупного вождя, которому можно было бы без оглядки довериться... Жаль, что Врангель или Каппель - не в числе самых крупных. Но как могу я быть искренним соратником Деникина, который обращался к Временному правительству со словами: «Дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знамёнами, с которых - не бойтесь, стёрто имя Самодержца, стёрто прочно и в сердцах наших!»? Впрочем, и Деникина тут левые затравили. Он как-то жаловался, что во время второго Кубанского похода, получив известие о смерти Государя, он приказал Добровольческой армии отслужить панихиду, сам этот факт вызвал жёсткое осуждение в демократических кругах и печати. Слышал Глеб и об очередной травле Краснова, когда атаман отдал приказ служить панихиду об убиенном Государе. Либеральная оппозиция Дона потребовала убрать редактора газеты, поддержавшей монархические настроения! Подогрели либералы и Круг, который им дружно зааплодировал! Тогда Краснов с войсковым перначом в руке обратился к Кругу, упрекая его в необоснованных нападках. «Ухожу, но считаю своим долгом предупредить вас, что атаман-

¹⁷⁷ Очевидна явная связь Колчака с западными державами. По этому поводу в «Известиях» появилась похабная статья: «Ты скажи нам, гадина, сколько тебе дадено?» Встречался он даже с Вудро Вильсоном. Колчак писал наиболее близкому человеку, Тимиревой: «Я имел совершенно секретный и важный разговор с послом САСШ Руттом и адмиралом Гленноном... я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру...» Бывший министр Коковцов писал: «Американцу гораздо интереснее читать успокоительные известия о том, что большевики борются за народ... Да они просто не верят и не желают верить тому, что (большевики) избивают и развращают этот народ и живут грабежом и насилием». Колчак поступал временно на службу Британии и был отправлен на Месопотамский фронт. Запад снабжал Колчака щедрее, чем Деникина. Причина этого неясна.

ский пернач очень тяжёл, и не советую вам вручать его в слабые руки!» - гневно заявил Краснов и швырнул пернач на стол, проломив крышку. Деникинские сторонники надеялись на замену упрямого атамана, но в дело вмешались немцы, которые не желали передачу власти проде-никински и проантантовски настроенному Африкану Богаевскому. После этого Круг проголосовал за Краснова»¹⁷⁸.

Болезненно-остро вспомнился Глебу долгий рассказ офицера Дашкевича, который прибыл к лету восемнадцатого с Украины и примкнул к добровольцам. Романовский прислал его к Охотину, чтобы «полнее информировать контрразведку». Оказалось, Дашкевич понял, что Южная армия не имеет будущего давно и что надо «перебираться к корниловцам». Но именно тот факт, что Дашкевич поначалу склонялся записаться в Южную армию, вызвало у Охотина к незнакомому офицеру больше приязни, ибо в Южную шли наиболее убеждённые монархисты, которых отталкивали имена Алексея и Деникина. Скрепя сердце, монархист Дашкевич, вынужден был оставить близкую по духу Южную, чтобы примкнуть к Добровольческой армии. По тому тону, с которым Дашкевич упомянул Государя, Глеб понял, что он человек глубоко православный, а его польские корни преданы забвению. Их общение продолжилось в более доверительном тоне. Евгений Дашкевич рассказал тогда много интересного: *Поскольку Келлер отказался, а согласился возглавить Южную армию лишь генерал Николай Иудович Иванов, тот самый, что был послан Царём подавить выступления в Петрограде в феврале семнадцатого, положение армии оставалось шатким. Доверия этот старик вызывать не мог. Краснов не раз высказывал сомнения в его душевном здоровье. После оккупации Украины, немцы начали всячески противиться поступлению добровольцев из вербовочных центров Украины в Добру армию – официального союзника Антанты. Тем же занимался и незадачливый гетман Скоропадский, для которого надёжность Южной армии могла стать спасением. Южную армию, с её прогерманской и антибольшевистской ориентацией, немцы рьяно поддерживали. На попытки гетманских властей наладить диалог с добровольцами, Деникин отвечал презрительным молчанием. Большая часть офицеров, после четырёх лет борьбы с Германией, инстинктивно тянулись к добровольцам в Новочеркасск. Тем не менее, к деникинцам перебиралось меньше офицеров, чем могло бы быть без агитации организаторов Южной армии. Часть офицеров оказалась раздражена агитацией с двух сторон и занимала выжидательную позицию, губительную для обеих белых армий.*

- Офицеры Южной армии преклонялись перед духовною мощью Корнилова и его сподвижников, восторгались успехами добровольцев, радовались их победам. Добровольцы же, клеймили их чуть ли не предателями! И за что? Только за их союз с немцами, - рассказывал Дашкевич. – Скоропадского воспринимали, как злейшего врага, как красные, так и вся белая Россия. Это – по большому счёту. А среди ближайшего окружения этот велеречивый красавец огромного роста из богатейшей аристократической семьи, при этом – обладатель мягкого добродушного нрава, пользовался огромным успехом. Но удел таких оставаться в окружении ограниченных льстецов. Честолюбие гетмана сильно разыгралось, и он, видимо, мечтал о сохранении своего звания и по восстановлении России. Многие утверждают, что гетман мечтал, освободив Россию, «присоединить к малороссийскому гетманству Всероссийский престол!» Человек он политически наивный и чего только не взбредёт такому в голову. Держится он, по возможности, с внешней пышностью, стремясь одновременно доказать своё широкое украинство усердным восхвалением Шевченко и Мазепы (других не нашлось...), клеймя царизм.

¹⁷⁸ В конце 1918 г. атаман Краснов, опрометчивым решением казаков-самостийщиков и интригами Деникина, был низложен и в начале 1919 г. навсегда покинул землю предков. Даже Милуков тогда воскликнул: «Свергая гетмана и Краснова, мы сами не знаем, кому мы открываем путь». Богаевский оказался уже не столь прозорливым и сильным атаманом.

Но в частных беседах с русскими деятелями он ведёт себя иначе, объясняя своё украинство «требованием момента». Непредвещенец-Деникин, честил своего бывшего боевого товарища и Георгиевского кавалера Павла Скоропадского не иначе, как «вторым Мазепой» и «германским прихвостнем». Украинские националисты – «Гетманом нашим босаяким – Павло Скоропадским¹⁷⁹». Деникин игнорирует тот факт, что Украинский аристократ и флигель-адъютант Николая II, Скоропадский, переправляет с Украины на белый Дон большие партии оружия и боеприпасов, которые руками Краснова попадают в верную союзникам России по Антанте армию Деникина. Выдумана в угоду немцам и сама украинская национальность, о которой и немцы острят, мол, это «народность без языка, без головы и без рук». Гетманский Киев убивает своими повсеместными надписями на немецком, а также на каком-то странном языке, непонятном местному малорусскому населению. Нелепа там провинциальная галицийская мова, выдающая себя за истинно «украинскую». Русские тщетно силятся говорить на этом языке и пытаются перевести на захолустный крестьянский диалект политические понятия. А Скоропадский толкал речи о том, как «двести лет стонала Украина под русским игом». Как немцы уходить стали, гетман объявил «русскую ориентацию» и попытался задобрить «союзников». Националисты Петлюры – галичане в синих жупанах, лихие курени гайдамаков с сичевыми стрелцами быстро набирали силу, и в Киеве шла вербовка в войска для борьбы с ними. Возглавить силы обороны гетман поручил генералу Келлеру. Все порядочные русские, конечно же, спешили встать под его знамена. Полковник Фёдор Викторович Винберг¹⁸⁰ добрался до Украины, где, под началом графа Келлера, рьяно взялся за формирование подразделений для борьбы с «самостийниками». Особая близость по духу Винберга и Келлера предопределилась не столько тем, что они оба – кавалеристы и монархисты, но тем, что они почитают Государыню, которая была милостива к каждому из них. Оба не приняли присягу «временщикам» и, по мере своих сил, старались принять участие в попытках освободить Царственных узников. У последовательного монархиста Келлера скоро возник неизбежный конфликт с гетманом, и войсками стал командовать более либеральный князь Долгоруков. Граф с князем почти созрели, чтобы пойти под знамёна Деникина, ибо на Украине дело не клеилось. Тут разнеслась по Киеву весть о тайных переговорах Скоропадского с Петлюрой и среди офицеров возникла партия, которая потребовала низвержения Скоропадского и передачи полноты власти графу Келлеру. Может это было и преувеличение, что гетман готов продаться Петлюре, но доверя такой человек, как Скоропадский, более вызывать не мог. Сын извозчика Семён Петлюра стал при гетмане политическим заключённым, но умудрился организовать восстание, опираясь на дезертиров с германских фронтов¹⁸¹. Когда немцы ушли, почти сорокатысячное войско петлюровцев заняло Киев, началась жуткая резня офицеров, свидетелем которой был я сам. Мне удалось уцелеть чудом. Анатолический театр на Фундуклеевской улице был завален трупами. Позже только там насчитали сто шестьдесят три убитых офицера. Пришлось мне отсиживаться в заколоченном холодном доме возле музея Наследника Цесаревича на Владимирской. Своими глазами я видел вырезанные языки, приколотые к груди вместо георгиевских крестов, вспоротые животы и кишки, повешенные на шеи, положенные в желудки сучья¹⁸².

¹⁷⁹ Но Троцкий называл его гораздо более почтительно – «украинским Бонапартом». Во время Второй мировой войны Скоропадский неоднократно отказывался от предложений сотрудничества с нацистами.

¹⁸⁰ Винберг входил в состав так называемой «Южной группы», ставшей вскоре частью законспирированной монархической организации «Союз верных» (Фомин С. Золотой клинок Империи).

¹⁸¹ С февраля 1919 г. РККА выбила Петлюру из Киева. Петлюра - глава Директории, фактически диктатор. Но с этого времени войска его начали распадаться. Часть ушла к большевикам, часть - к разным батькам. Петлюра недолго воевал и на стороне Деникина. Позже корпус генерала Бредова разбил Петлюру и тот обратился за помощью к Ленину. Ленин помог ему на словах. Петлюра бежал в Польшу и заключил союз с Пилсудским. В марте 1920 г. поляки и Петлюра наносят удар по красным, после чего поляки забывают о Петлюре.

¹⁸² В начале 1918 г. Большевики взяли власть в Киеве и перебили не менее 5 тыс. человек. Офицеров стаскивали в «штаб Духонина» - ироническое название Мариинского парка - излюбленное место казни. В городке Глухове владыкой стал матрос

При этом в петлюровских войсках смертной казни по закону вообще не существовало. Убийства офицеров происходили «неофициально»! Меня поразило чисто русский говор большинства петлюровских солдат, занявших Киев. Когда у этих солдат спросили, кто формировал их подразделения, ответ был прост: «Да, Троцкий»¹⁸³... Украинская маска петлюровского движения обманула только немногих фанатиков украинства, включая самого Петлюру.

- Если бы интригами республиканцев графа Келлера не заменили на неумелого и нерешительного Долгорукова, Киев бы продержался гораздо дольше. Он бы сумел наладить оборону, и под его знамёна собралось бы куда больше офицеров, - сказал Глеб. - Долгорукова народ не ставит ни во что. По меньшей мере, граф спас бы часть войск, прорвавшись за город.

- Могли бы и на Дон уйти, - вздохнул Дашкевич, - но когда они всё же позвали графа¹⁸⁴ и Фёдор Артурович попытался прорваться с восьмьюдесятью офицерами было уже поздно...

- Что особенно обидно, штабс-капитан, - заметил Охотин, - русские всегда склонны впадать в крайности. И, если они не касаются политики, это ещё куда ни шло. Но когда штаб генерала Деникин отстраняет от дел опытных офицеров-монархистов, не допускает их в политическое руководство, категорически отказывается от переговоров с немцами – это уже вредит нашему общему делу. Ориентация на «союзников», которые, очевидно, не собираются помогать нам – величайшее заблуждение. Такое же, как например, крайний антигерманизм Великого князя Николая Николаевича с началом последней войны. Сопоставимо, впрочем, и с крайним прогерманизмом черносотенных лидеров. Но, по большому счёту, правы те, кто был за союз с Германией, поскольку она нам не была всегда только врагом, в отличие от Англии. Очень жаль, что мудрейший человек – Александр Третий, заключил секретный союз с Францией, отвергнув возможный вариант с немцами. *Великая война - это прежде всего - ошибка кайзера, который самый ярый максималист и чрезмерно амбициозный политик. Роковым стало вступление в войну его державы, как и нашей. Англичане же, готовы признать хоть большевиков - не важно кого. Лишь бы эта новая власть признала независимость Кавказа и Туркестана, чтобы поскорее перехватить их у русских. «Союзники» руководствуются в своих отношениях к России не симпатиями, а холодным расчётом.* Подобно торговой фирме, Англия прикидывала: стоит ли ей делать ставку на Россию. Покуда Россия кажется ей покойником, британцы относятся к белым презрительно. Теперь мы видим, как британцы пожинают плоды разорения России и Германии и усиливают свои позиции. Как говорили в наших кругах ещё со времён Царя-Миротворца: «Англичанка гадит», имея в виду, конечно, саму Викторину. Александр-Освободитель же, забавно отозвался о предложении Викторине посредничать в мирных переговорах с Турцией, с условием отступить за Дунай. «Какова стерва?!» - заметил Александр Второй. Но и немцы, что говорить, поступили с нами на редкость подло, заслав к нам революционеров. Победить в честной войне не могли и пошли на коварство. И американцы, начинают повсюду совать свой нос, со времён Японской, почище британцев.

- Увы, так у нас во всём... Сплошь – политические просчёты.

- Ставка Николая Николаевича стала истинным оплотом германофобии. Не зря Великого князя в армии прозвали Лукавым. К сожалению, Вдовствующая императрица его всячески поддерживает. Он совершал всё больше ошибок и нужно было найти виновника. И с его благословения началась шпиономания, охватившая всю Россию, породившая нападки на министерские посты, а следовательно, и расшатывание Трона. Всё это вылилось в раздува-

Балтийского флота Цыганок. Неудовлетворенный количеством вырезанных помещиков, он велел перебить детей, воспитанников гимназии, как будущих «буржуев» (Могиланский Н. Трагедия Украины).

¹⁸³ До какой степени создание РККА связывалось с именем Троцкого, говорит частушка: «Шинель Потоцкого, сахар Бродского, Красна армия жида Троцкого». (Потоцкий - фабрикант сукна, Бродский – сахарозаводчик).

¹⁸⁴ Когда Келлера пригласили к Долгорукову, граф (по мемуарам самого Келлера) боялся, что его попросят принять командование: «Отказаться было бы трусостью, согласиться – глупостью».

ние двусмысленности положения с Распутиным и начало травли Императрицы, в качестве «Немки». Милюков пытался замарать имя Императорской Семьи - якобы тайной связью с Германией. Всё началось с погрома своих, давно обрусевших, немцев в Москве. Ведь до трёхсот тысяч немцев и людей с немецкой кровью было у нас в армии к четырнадцатому году! И сколько их полегло за свою истинную Родину – Россию! В то же время, приказ Ставки о выселении евреев из прифронтовой линии, по причине подозрения их в шпионаже, также пошёл во вред, хотя и не был лишен оснований полностью. Просто вреда от их деятельности там было меньше, чем от последствий массового переселения в центральные губернии России. Левые носились с ними и выделяли им средства на размещение. При этом они принесли немалый разрушительный потенциал в виде революционных настроений их молодёжи¹⁸⁵. Недолюбливаю кадетов, но один из них, Родичев, очень метко подметил примерно так: «Антисемитизм - это патриотизм недоумевающих людей в местах, где живёт много евреев».

- Мы с Вами задаёмся одинаковыми вопросами, Глеб Гордеевич, - улыбнулся Евгений Дашков. - Как Вы теперь знаете, меня прислали к Вам в подчинение в качестве разведчика. Но сначала я опасался, что мы не сработаемся. Вскоре я ощутил, что Ваши мысли о будущем России созвучны моим. Мне тоже приходится скрывать их от высшего начальства. И очень уж не хотелось в «шпионы», ведь я был с четырнадцатого года боевым офицером. Но, учитывая общность наших взглядов, думается мы могли бы принести пользу нашему общему делу, - Дашкевич откинул к затылку свои идеально прямые чисто белые волосы и потёр переносицу аккуратного носа с небольшой горбинкой над кривовато сидевшем, плохо склеенном, битом пенсне. Прямой суровый взгляд его полупрозрачных глаз остановился на Охотине.

- Спасибо, штабс-капитан. Думаю, что нам следует доверять друг другу, - улыбнулся Охотин. - Начальство моё республиканское не знает, что я сотрудничал с охранным ведомством, оберегал Государя. Иначе бы мне здесь не сидеть¹⁸⁶.

Штабс-капитан Евгений Дашкевич, как вскоре выяснил у него Глеб, с семнадцатого года был связан с монархической оппозицией Керенскому в армии, а позже и с вербовочными центрами Южной армии в Киеве, общался с Келлером, а также и Великой княгиней Ольгой Александровной¹⁸⁷, которая поведала ему о том, как Императрица-Мать упрямо отказывалась мириться с действительностью. Весной семнадцатого года большевики почти взяли власть в Киеве. Опасность коснулась и членов Императорской фамилии, находящихся там. Вдовствующая Императрица продолжала посещать киевские лазареты и госпитали. Настроение горожан становилось всё более враждебным. Улицы заполнили освобождённые толпы уголовников, расхаживавших в тюремной одежде и вызывающих нелепый восторг обывателей. Полиции не было видно и улицы Киева патрулировала вооружённая ипана. Стены оказались исписаны мелом хамскими фразами о Государе и Государыне. Повторялся Февраль в Петрограде, только в ещё более решительном, большевистском, виде. Великий князь Александр Михайлович (Сандро) настаивал на том, чтобы Императрица-Мать и Ольга Александровна срочно ехали в Крым. Княгиня была готова последовать его совету, но Мария Фёдоровна отвергала даже одну только мысль о бегстве. Она была глубоко уверена, что должна оставаться в Киеве из-за сыновей и дочери Ксении, находившихся пока на севере. Царица-Мать была очень раздражена на Александру Фёдоровну и винила Её во всех бедах, начиная с отречения Сына. Отказ ехать в Крым продолжался до тех пор, пока перед носом Марии Фёдоровны не захлопнулись двери госпиталя, и главный хирург нагло заявил, что медицинский персонал в

¹⁸⁵ Взято из речи С. Рухлова на заседании Совета министров в 1915 г.

¹⁸⁶ Генерал-квартирмейстер Юрий Павлович Плющевский-Плющик предлагал Деникину усилить органы контрразведки бывшими жандармскими офицерами, однако эта идея поддержки демократически настроенного Главнокомандующего не получила.

¹⁸⁷ Последняя Великая княгиня, младшая дочь Александра III и Марии Фёдоровны (1882-1960).

Её присутствию более не нуждается. Большевики не позволили бы Романовым уехать дальше вокзала, но Сандро удалось найти поезд, стоявший на заброшенном полустанке за пределами города. Великий князь сумел привлечь на свою сторону небольшой отряд сапёров, остававшихся верными Царю. Они же согласились сопровождать поезд в течение всего рискованного пути в Крым. Романовы покидали Киев ночью поодиночке. С ними были и несколько человек из придворного штата Императрицы-Матери. Самоотверженная служанка Ольги, Мимка, добровольно отправилась в Петроград, чтобы попробовать забрать хотя бы часть драгоценностей, остававшихся в доме её хозяйки. На каждой станции толпы беженцев ломались в поезд. Но сапёры охраняли двери вагона Романовых винтовками с прижатыми штыками.

В Севастополе их поджидали несколько автомобилей, присланных преданными людьми из военно-авиационной школы. В глазах севастопольских матросов Романовы видели ненависть, что стало мучительным испытанием для них, привыкших видеть в матросах наиболее преданных военных. Но те не смели что-либо предпринять против хорошо вооружённой охраны. Вместо Ливадии Романовы направились в Ай-Тодор - имение Александра Михайловича под Ялтой. Вскоре туда приехала и Великая княгиня Ксения Александровна, жена Сандро, со своими детьми. Как ни странно, но их надолго оставили в покое. В Крым прибыли и князь Юсупов с княгиней, которые поселились в Кореизе, по соседству с Ай-Тодором. А Великий князь Николай Николаевич жил неподалёку, в Дюльбере, со своей семьёй. Неожиданно, Временное правительство прислало в Крым своего комиссара, который должен был «присматривать за Романовыми». Вдовствующая Императрица сетовала на то, что Её уломали приехать в Крым, но Ей следовало бы оказать поддержку Сыну, от которого отвернулось всё семейство. Сумела вернуться и служанка Мимка, но почти все драгоценности Ольги Александровны были уже реквизированы. Расправы большевиков над штатскими в Крыму начались с разграбления особняка петроградских промышленников Гужон с убийством хозяина. Черноморский флот был летом семнадцатого охвачен революционной заразой меньше, чем Балтийский и даже продолжал воевать против внешнего врага. В Севастопольском Совете преобладали эсеры с меньшевиками, осудившие Октябрьский переворот. Петроград бросил на Чёрное море отряды балтийских матросов и агитаторов. Малочисленные крымские большевики организовали свой Ревком, попросту расстреляв членов Совета. Оставалось добить прочих противников сдачи флота германцу. В Севастополе с особой жестокостью было убито почти восемьсот офицеров и штатских! Руководила хорошо спланированным зверством комиссарша Соловьева. Под командованием другой комиссарши, Антонины Нимич, матросы отрубали офицерам носы, уши, половые органы, потом рубили руки и ноги, сбрасывая умирающих в море. «Тот же вариант Красной Сони? Опять «слабый пол», - подумал Глеб, услышав об этом. – Своеобразная реализация идей феминизма или только душевная болезнь?» Помимо Нимич, тем же самым занимался некий Севастопольский рыбак Павка. По ночам, когда производились казни, всех приговорённых выводили на палубу, привязывали к ногам тяжести, а затем какой-то человек в солдатской куртке и рыбацких сапогах отрезал жертвам те же органы. Руководил большевиками в Крыму видный деятель Слуцкий. В то же время, в Таганроге свирепствовал латыш Сиверс, который перебил до трёхсот юнкеров и офицеров. Тем, кто не желал сам с себя срывать погоны, их прибывали гвоздями к телу! Многие были четвертованы, или сожжены в домах¹⁸⁸! Вакханалия садизма набирает обороты с Февраля, а после Октября уже и вовсе без удержу. Но до лета это были «подвиги» отдельных Сонь и прочих деятелей. После убийства Урицкого и покушения на Ленина красный террор становится официальной политикой узурпаторов. Но сдать Черноморский флот предателям не удалось. 250 вымпелов ушли в иностранные порты, с целью участия в войне на стороне союзников несмотря на то, что часть

¹⁸⁸ По материалам А. Буровского и В. Шамбарова.

офицеров была убита. Около 80 судов, ушли в Новороссийск, чтобы не сдаваться узурпаторам власти¹⁸⁹.

Севастопольский совет надавил на Временное правительство и заставил выдать ему ордер, который позволил его представителям проникнуть в Ай-Тодор и провести расследование «контрреволюционной деятельности» Романовых. В четыре часа утра Ольгу Александровну и её мужа разбудили два матроса, бесцеремонно вошедшие к ним в комнату. После обыска, один матрос ушёл, а другой уселся на диван. Вскоре ему надоело охранять двух безобидных на вид людей, и он поведал им о подозрении Совета, что в имении скрываются немецкие шпионы. «Мы ищем огнестрельное оружие и тайный телеграф», - добавил матрос. Тогда же матросы ворвались и к Императрице-Матери, разломали секретер, сорвали гардины. Мария Фёдоровна, конечно, не могла взирать на обыск столь флегматично, как Ольга и поливала матросов бранью. Те долго не обращали на Неё ни малейшего внимания, пока особенно ядовитая реплика, которую они услышали от пожилой женщины, лежавшей в кровати, не подтолкнула их намекнуть на то, что им ничего не стоит арестовать «старую каргу». Вмешательство Сандро спасло Вдовствующую Императрицу. Большевики унесли с собой все охотничьи ружья, семейные фотографии, письма и семейную Библию, которой особенно дорожила Царица. Шофёр Императрицы неожиданно переметнулся на сторону хозяев положения и угнал единственный в имении авто. Обыскали и Великих князей Николая и Петра Николаевичей. У ворот Ай-Тодора большевики выставили часовых. Запрещалось входить и покидать имение. Полковник Куликовский с его женой Ольгой Александровной оставили исключение. Выйдя замуж за простого смертного, княгиня перестала считаться Романовой. Дашкевич отметил, что все крымские татары оставались преданными Государю и приветливо относились к Романовым. Увы, борцов среди них не было. Будь у них хоть на грош казацкой удали, они бы быстро разделались с большевиками на своём полуострове. Мария Фёдоровна никогда не считала мужа Ольги ровней и демонстративно не приглашала его на семейные встречи. Сандро стал не похож на себя самого и утратил интерес ко всему, а Ксения Александровна, предалась отчаянию. Их дети, предоставленные самим себе, и вовсе отбились от рук. Прислуга обленилась и стала дерзить. Многие из Романовых надеялись, что Царской Семье удалось уехать в Англию, но вскоре узнали, что она выслана в Тобольск. Уже после Октябрьского переворота в Ай-Тодоре появился Задорожный - верзила в матросской форме от Севастопольского совета. «Это был убийца, но человек обаятельный, - говорила Дашкевичу, побывавшему и в Крыму, княгиня Ольга. - «Он никогда не смотрел нам в глаза. Позднее он признался, что не мог глядеть в глаза людям, которых ему придётся однажды расстрелять. Правда, со временем, он стал более обходительным. И всё же, несмотря на все его добрые намерения, спас нас не Задорожный, а то обстоятельство, что Севастопольский и Ялтинский советы не могли договориться, кто имеет преимущественное право поставить нас к стенке». Задорожный ждал из Петрограда особых инструкций на этот счёт. В феврале восемнадцатого разногласия между советами обострились, и Задорожный заставил своих узников Ай-Тодора перебраться в Дюльбер - похожее на крепость здание за прочной стеной, которое было легче оборонять, чем белокаменный дворец. Ольга Александровна всё шутила, как выгодно быть замужем за незнатным человеком. Но на самом деле они подвергались риску любого налёта на Ай-Тюдор. Когда Ялтинский совет узнал, что по условиям Брестского мира, немцы могут в любой момент войти в Крым, он приложил все силы, чтобы срочно уничтожить Романовых. Разведчики Задорожного донесли о том, что ялтинцы намерены подвергнуть Дюльбер артиллерийскому обстрелу и севастопольцы послали за подкреплением. Первую атаку ялтинцев люди Задорожного отбили. Княгиня Ольга с мужем и ребёнком тайно бежали в Дюль-

¹⁸⁹ Среди них нашёлся миноносец с большевизированной командой, который стал пускать мины в остальные корабли.

бер и просили большевиков пропустить их к родственникам в место заключения. Часовые им отказали. Голодные и озябшие, тревожась за ребёнка, Ольга Александровна с мужем стали подниматься в горы в поисках убежища. Друзья предоставили им кров. Утром выяснилось, что, по приказу кайзера, на спасение членов Императорской фамилии была брошена группа германских войск. Немцы прибыли в критический миг, когда ялтинцы сокрушили ворота крепости. Романовы находились на волоске от гибели.

- Какая горькая ирония! Злейший враг спасает членов нашей Императорской фамилии от своих головорезов! - сокрушался Глеб.

- Немецкий офицер, намеревавшийся расстрелять всех тюремщиков Романовых, недоумевал, когда узники в один голос встали на защиту команды Задорожного. Последний штрих к гротескной картине добавила Мария Фёдоровна, которая была наивно уверена, что Германия по-прежнему находится в состоянии войны с Россией. Императрица отказалась принять немецкого офицера, который спас Её от русской пули, - добавил Дашкевич.

- А Вы знаете, ведь в этом вся германофобия Марии Фёдоровны, не могушей, как датчанка, простить немцам свой Шлезвиг-Гольштейн. Когда-то она заявляла, что немцы «хуже диких зверей», - вставил Охотин.

- Спустя несколько дней, покидая Ай-Тодор, Задорожный и его матросы титуловали своих недавних пленников и целовали им руки... «Они вели себя порядочно, - заявила княгиня Ольга. – Они не только спасли нам жизнь, но и возродили в нас веру в природную доброту русского народа. По крайней мере, ДЛЯ МЕНЯ ЭТО БЫЛО ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ», - продолжил Дашкевич. - Летом возникло Крымское краевое правительство татарина литовского происхождения генерала Сулькевича¹⁹⁰ под эгидой немецких оккупационных войск. Положение в Крыму стало терпимым, хотя сознание того, что этим они обязаны немцам, не давало Романовым душевного равновесия, которые наивно воображали, будто бы армия и крестьянство придут им на помощь. В Ялту прибыл адъютант Вильгельма, который привёз от кайзера предложение: русский престол любому Романову в обмен на подпись его на Брест-литовском договоре. Все, как один, Романовы отвергли сделку с величайшим негодованием¹⁹¹. Но, после своего поражения на западе немцы начали выводить войска из Крыма. Предупрежденный немцами об их скорой эвакуации, Сулькевич обратился за помощью к Деникину, но генерал не имел ни желания, ни возможности помочь пронемецкому генералу. Время от времени, Вдовствующая Императрица принимала у себя высших британских офицеров, и они настойчиво советовали Ей покинуть Крым на борту британского корабля. Мария Фёдоровна неизменно отвечала, что долг Её оставаться в России. Ей претила сама мысль о бегстве, как и Её Сыну. Она упорно не верила тому, что сама называла «слухами о Екатеринбургских убийствах». Другие Романовы в Крыму вполне разделяли Её мнение. Сандро с сыном и женой покинули Крым на английском судне, с целью отправиться в Париж и убедить руководство Франции в необходимости бороться с большевицкой опасностью. Ольга Александровна с мужем ради ребёнка решили отправиться на Кавказ, где красные были разбиты и находился генерал Врангель¹⁹². Мария Фёдоровна заявляла, что долг Ольги оставаться с матерью и обвиняла полковника Куликовского (мужа Ольги) во всем, что он сделал и чего не сделал¹⁹³.

¹⁹⁰ В него вошли: министр иностранных дел Сейдамет, князь Горчаков, граф Татищев, немецкий колонист Рапп, инженер, генерал-майор Фриман, землевладелец, октябрист Налбандов.

¹⁹¹ Когда князь Долгоруков в Царском Селе сказал, что газеты говорят том же условии, согласно которому немцы требуют, чтобы Царская Семья была передана им целой и невредимой, Государь воскликнул: «Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!» Государыня добавила вполголоса: «После того, что они сделали с Государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасённой немцами!» ...Этим договором Его Величество был подавлен, как тяжким горем» (Дневники Александры Фёдоровны).

¹⁹² Материалы по воспоминаниям Ольги Александровны и Феликса Юсупова.

¹⁹³ Когда весной 1919 г. красные вторглись в Крым, Мария Фёдоровна сдалась и, получив срочное письмо от английской королевы Александры, она покинула Крым на британском корабле вместе с семьёй Николая Николаевича.

- Да, досталось Императорской фамилии... – покачал головой Глеб. Охотин рассказал Дашкевичу, что большевики чуть было не расстреляли Врангеля в Крыму зимой.

- И что, Глеб Гордеевич, мы имеем в Крыму сейчас? - продолжил Дашкевич, – очередную совершенно мерзкую «керенщину» под названием *Крымское краевое правительство из кадета Крыма, министра юстиции, кадетов же, Набокова, Винавера, Богданова, Стевена, Барта и Бобровского, которые заявляют себя поборниками «единой и неделимой», как и Деникин, но с оговоркой, что они имеют в виду Россию не былую, «отсталую и косную, а свободное демократическое государство» с расцветом самобытных национальных окраин. Французы, на которых опираются теперь Крым-полуостров с Крымом-премьером, полностью потакают подобным лозунгам.* Громкие слова о «неделимой» оскверняют грязные уста, их произносящие. Уста тех, кто совершил первый и решающий шаг к разрушению Империи, без кого не было бы сейчас большевиков.

Кроме этого, Дашкевич рассказал Глебу о ялтинских благотворительных концертах любимицы офицеров неотразимой Веры Холодной в пользу Добровольческой армии. *В Одессе же, внимание поклонников стало для Холодной «настоящей катастрофой». Актрисе не давали прохода. Там были уже и французы. Вера стала получать приглашения сниматься за рубежом от иностранных компаний. Фирмы обещали ей огромные гонорары, но Холодная решительно всё отклоняла и опубликовала заявление в печати, в котором публично заявила, что ни за что не покинет свою Родину в тяжёлое для неё время¹⁹⁴.*

- Перед самой войной, начали, и не только в столице, открывать биоскопы, но мои строгие родители чинили моему младшему брату-студенту всяческие препятствия в их посещении, а братцу-гимназисту посещение этих заведений было запрещено гимназией. Фильму с Верой я смог увидеть лишь с началом войны, - добавил Дашкевич.

- А Вы знаете, штабс-капитан, что несколько дней назад погиб граф Келлер вместе с двумя своими адъютантами. Подлю убит петлюровцами¹⁹⁵. Во всяком случае, насколько нам здесь стало известно, - грустно проговорил Глеб, перекрестившись.

Дашкевич последовал его примеру, прошептал молитву за старого генерала. В глазах штабс-капитана всё ещё отражался ужас недавно увиденного в Киеве.

- Вы знаете подробности убийства? Мне это важно узнать. Келлер – в каком-то смысле мой идеал для подражания... – произнёс Евгений.

- *К графу, оставшемуся лишь с двумя преданными офицерами, явился немецкий полковник, который предложил ему укрыться в германской комендантуре, - мрачно произнёс Глеб, - Фёдор Артурович долго отказывался, но потом, под давлением окружения, дал согласие. Когда же немцы потребовали от него сдать личное оружие, в том числе и, пожалованную ему лично Государем, Георгиевскую шашку, снять погоны и накинуть поверх одежды немецкую офицерскую шинель, граф вспылил и вернулся к себе со словами: «Если вы меня хотите одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду!» Святое для него – погоны Императорской армии он не отдал бы никогда. Около недели граф оставался, вместе со своими добровольными адъютантами, под арестом петлюровцев в Михайловском монастыре. При переводе заключённых в тюрьму, все трое пленных были убиты петлюровским конвоем у памятника Хмельницкому*

¹⁹⁴ В феврале 1919 г. Холодная простудилась, заболела испанкой и умерла. В Одессе была настоящая эпидемия, но начались слухи, что её расстреляли матросы, как белую шпионку. По другой версии Холодную задушили на почве ревности её любовники - генерал Гришин-Алмазов, либо Осип Рунич. Есть мнение, что её любовником мог быть и Котовский.

¹⁹⁵ Во время взятия Киева 14 декабря 1918 г. Келлер собрал вокруг себя отряд в 30 офицеров и юнкеров, с которым надеялся пробиться на Дон. Во главе своего отряда он встретил наступавших на Крещатику (на Думской площади, современный Майдан Незалежности) и отбросил их, но видя безнадежность сопротивления, отступил со своим отрядом в Михайловский монастырь, где приказал своим подчиненным снять погоны и скрыться, сам же остался ждать своей участи.

якобы при попытке к бегству. Естественно, что никакой попытки не было. Граф сдался добровольно. Имело место лишь желание убить пленных. Это всё, что нам стало известно.

- Господи-и... - протянул Евгений, - мне посчастливилось однажды, незадолго до взятия города Петлюрой, слышать рассуждения графа. Он высказывал очередное недовольство лидерами добровольцев: *«Вся суть в том, - сказал Фёдор Артурович, - что у нас каждый берётся не за свое дело, забывая о прямых своих обязанностях. Вот, хотя бы Деникин, мой прежний подчиненный. Я ему поставил вопрос: скажите мне, наконец, Ваше Превосходительство, кто Вы и что Вы такое? Он сконфузился и отвечал: «я - монархист» и поспешно добавил: «я - конституционный монархист». Но позвольте, возразил я ему, я думаю, что я не глупее Вас, но полагаю, что это не нашего с Вами ума дело. Мы военные должны стоять вне политики; для нас должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россия. А о конституции рассуждать нам не приходится. Захочет Государь Император, будет Вам и конституция или хотя бы даже федерация, не захочет Его Величество, не будет ни того, ни другого. А мы с вами должны исполнять Его волю, а не политиканствовать».* Подобные рассуждения графа – тоже политика в каком-то смысле, но достойная человека военного...

- Думаю, что Келлер прав во всём, по большому счёту, - грустно произнёс Глеб, - ведь убитый граф громко и ясно заявлял свою цель: *«Не единая и неделимая, а Императорская Самодержавная Россия с природным Царём... через два месяца поднять Императорский Штандарт над Священным Кремлём»¹⁹⁶*. С другой стороны, из-за своих идеализма и щепетильности граф не успел послужить России, защищая её от развала, а те же Алексеев с Деникиным, скорее всего – республиканцы, занялись делом...

Поведал Евгений немало и об Одессе, в которой с января восемнадцатого года установилась Советская власть, а в марте в город вошли немцы. *К осени в городе существовали, как минимум, четыре политические силы: гайдамаки Семёна Петлюры, коммунистическое и белогвардейское подполье, а также мафия уголовного Мишки Винницкого по кличке - Япончик. Уголовщина Одессы была сильна, как нигде - даже и в прочих портовых городах. Процветали контрабанда и рэкет купцов, вывозивших зерно. Бандиты сами нанимали бригады грузчиков-биндюжников, производили погрузку-разгрузку и следили, чтобы все честно выполняли свои обязательства. Полиция начала готовить операцию против Япончика¹⁹⁷. Агитационная работа большевиков в Одессе имела огромный успех от того, что цены на хлеб взвинтились неимоверно. Виновниками были старые спекулянты - крупные сахарозаводчики: Хари, Гепнер, Златопольский и прочие, ставшие экономическими диктаторами. Вопреки протестам левой городской думы¹⁹⁸, они, наконец, были арестованы белой контрразведкой. В начале декабря часть Одессы заняли банды атамана Григорьева, который начал вершить полнейший произвол. Своим спасением от разгрома петлюровцев и григорьевцев Одесса была обязана отчасти угрозе со стороны французского флота, но, главным образом, решительности тридцати двухлетнего генерала Гришина-Алмазова, присланного Колчаком. Поговаривали, что Гришин был в прошлом эсером, но пока он – серьёзный борец с большевизмом, но только уж очень самовольный. Добровольцы Тимановского потеряли до двухсот человек из шестисот, но выбили из города три тысячи бандитов без помощи французов! Но одесский порт стал сферой контроля французского командования, прочая часть города оказалась под властью Гришина-Алмазова и градоначальника Пильца. Французы хотели иметь в Одессе послушное правительство, кото-*

¹⁹⁶ За несколько дней до его убийства, в Киево-Печерской Лавре, по поводу водружения штандарта, отслужил молебен митрополит Антоний Храповицкий, будущий глава Русской Православной Церкви Заграницей.

¹⁹⁷ После победы красных он занимал ответственный пост у большевиков и ими же был убит.

¹⁹⁸ Социалистический состав городской думы явно стоял на стороне рабочих, невольно помогая большевикам укреплять своё положение. Это не помешало впоследствии Брайкевичу и другим гласным первыми бежать из Одессы при эвакуации её французами.

рому подчинился бы и Деникин. Мало занятые оккупационные войска постепенно охватила большевистская пропаганда. Французские военные стали вести себя весьма разнузданно, проводя время в попойках, общаясь с еврейками, среди которых немало агитаторов, владеющих французским¹⁹⁹. Французы начали «выдавливаться» Гришина из Одессы²⁰⁰. В профранцузском Совете обороны важную роль стал играть Рутенберг - старый социалист-революционер, а также некий Андре - бывший губернатор Вольни при гетмане. В Киеве уверяли, что он - настоящий украинец, в Одессе, что - чистокровный француз, потомок де Ланжерона²⁰¹. Слышал Дашкевич и, что Япончик входит в круги французских интендантов. Англичане им брезгуют, а французы сотрудничают²⁰². Некий обрусевший француз Энно, бывший до тех пор не то учителем, не то гувернером, вдруг стал консулом Франции. Все ждали от этого вальяжно-напыщенного типа чуда, уверовав, что он обладает какими-то особыми полномочиями и может прислать в Одессу чуть ли не всю французскую армию²⁰³. Между делом его жена, русская еврейка, обдывала грязные гешефты. Большевики создали в Одессе «Иностранную коллегия», специально для работы с чужеземными солдатами и матросами. Заправляет в ней некая Жанна Лябурб - французженка, дочь крестьянина-участника Парижской коммуны²⁰⁴. Издаёт она газетёнку «Коммунист», агитационные листки печатает. Впервые о ней стало известно в Москве, где она организовала «Французскую коммунистическую группу». Французские военные жаждут лишь отдыха и мести немцам, подобно изголодавшимся немецким солдатам, которые в Киеве с особой охотой покупали на рынках сало и с жадностью жевали огромные куски²⁰⁵. От французских солдат можно было услышать: «Чёрт с ней, с Россией. Какое нам дело до большевиков! Эх, кабы большевики пришли в Одессу, тогда нас бы поскорее отсюда убрали. Да здравствуют большевики, мы их не боимся, потому что мы сами рабочие»²⁰⁶.

- Слышал я и милую беседу французских офицеров, что надо бы давать оружие и белым и красным, чтобы никто быстро не выиграл, - добавил Дашкевич. - «Мол, надо бы протянуть российскую смуту как можно дольше, а то, не дай Бог, Россия начнёт опять претендовать на свои заслуги в начале войны». Какой цинизм в ответ за нашу помощь по их просьбе в начале

¹⁹⁹ Известный капитан Садуль стал убеждённым коммунистом.

²⁰⁰ Герой становления сопротивления большевикам на Востоке, а потом в Одессе, Гришин, вскоре после разгрома обороны Одессы, покончил с собой, чтобы избежать красного плена.

²⁰¹ В апреле 1919 г. французы вывели свои войска из Одессы и вывезли часть, желавших стать беженцами. Вторгались красные. Большая же часть, вывезенных из Одессы французами русских беженцев, стала возвращаться в Россию, когда деникинцы вновь заняли Крым и Одессу.

²⁰² Возможно, что Япончик подкупил на большевистские денежки (но и своих добавил) начальника штаба французов Фрейденберга. Фрейденберг помыкал французским командующим, генералом д'Ансельмом. Именно поэтому французы не дали белым из Одессы соединиться со своими. За этот подвиг Япончик (и Котовский) позже стали командирами красных полков. Потом Япончик был убит чекистами.

²⁰³ Жалкую роль бывших чиновников Мятлев запечатлел в чеканной строфе: «Господин Энно!.. Господин Энно! А ему плевать и смотреть смешно»

²⁰⁴ 20 апреля 1919 г. под звуки «Интернационала» были подняты красные флаги на флагманском корабле, линкорах и других французских кораблях. Моряки высадились на берег и вместе с рабочими Севастополя провели демонстрацию. Были и выступления с требованием немедленного возвращения во Францию. Командование французов оказалось умнее, чем думали большевики: собрав компромат, французы, накануне восстания в своём флоте, арестовали всех его вождей и расстреляли.

²⁰⁵ Тяжелейшая война с 1914 г. не подорвала сельское хозяйство Империи, но лишь последующий последовательный разгром его большевиками с середины 1918 г.

²⁰⁶ Начальник штаба д'Ансельма и главный вдохновитель его политики - полковник Фреденберг был явно враждебным в отношении к Добрармии. По данным контрразведки Деникина Фреденберг был подкуплен украинцами. Когда французы бросили Одессу, ходили слухи, что д'Ансельм и Фреденберг получили за это миллионы от большевиков. Ведь в районе Одессы скопилось свыше 50 тыс. союзных греческих и французских войск. Этого было более, чем достаточно, чтобы предпринять энергичное наступление против слабых большевистских сил, двигавшихся на город. Но французы, единственно благодаря нежеланию сражаться, были вытеснены большевиками из Николаева и Херсона. Две тысячи французов с танками были обращены в паническое бегство несколькими сотнями большевиков. Танки были захвачены. Но горсть добровольцев Тимановского отогнала большевиков и привела в негодность танки.

войны, стоившую нам огромных жертв! Галлу бы сыра повонючее, да винца – больше ничего в жизни и не надо, как тевтонцу бы сосисок с пивом, как нашему – водки с огурцом. Все – животные, но только часть из них мнит себя в этом гадком мире белой костью.

Охотин предложил Дашкевичу пройти с ним в офицерскую столовую на ужин. Он знал, что именно в это время там появляются некоторые единомышленники. Они встретили, сидящих за трапезой, капитана Ведищева и, теперь уже полковника²⁰⁷, как и сам Охотин, Межецкого.

- Как недавно выразился Антон Иванович: *«Одесский омут - свадьба на погосте» погубил и идею французской интервенции, и самую Одессу*²⁰⁸, - сказал Глеб с усмешкой, не опасаясь упомянуть лишнего при этих офицерах. - *Князь Трубецкой возразил Деникину, мол, не в интересах Белого движения давать волю чувствам. Тогда Антон Иванович ответил: «Да, если бы я только дал волю своему чувству, так я давно приказал бы генералу Тимановскому выбросить французов в море... Впрочем, их скоро выбросят из Одессы большевики». Трубецкой поразился: «Неужели Вы можете этого желать?» «Нет, мне жаль имуществ, находящегося в Одессе», - ответил находчивый генерал. Деникин отказался сотрудничать с украинскими националистами, как того хотели французы. От того переговоры сейчас в тупике. В происходящем в Одессе и на всей Украине безобразии, Деникин видит тайную совместную деятельность отдельных немецких банков и крупных еврейских финансистов, поддерживавших украинское движение. Многие наши офицеры уверены, что французская политика на Юге направляется «еврейским золотом и еврейским засильем». Всё это не так просто, но, по-моему, не далеко от истины. Есть лишь одно «но»: большинство добропорядочных старых евреев не одобряют своих детей, свихнувшихся на революции.*

- По старому закону евреи до третьего колена не имеют доступа в офицерский корпус. Но закон сей весьма условен и в офицерском корпусе хватает евреев-прапорщиков запаса, и вплоть до генералов Генштаба, принявших до службы православие. Поляков у нас отстраняют от высшего офицерства куда основательнее. Вы догадываетесь, что с моей фамилией мне следовало доказывать, что я православный. Собственно, в Белоруссии больше всего Дашкевичей, - вставил Евгений.

- Штабс-капитан Дашкевич, в чём вы скоро убедитесь, господа, свой человек, - произнёс Охотин.

- Свои только среди нас, а в нашем правительстве их нет, - заметил Мефодий, блеснув своим единственным глазом.

- Взять генерала Кутепова, - сказал Глеб, - человек работал, как проклятый, чтобы навести порядок в тылу. *Он оставался губернатором Новороссийска всего полгода и нажил немыслимое число врагов! Тыл называл подконтрольную ему территорию не иначе, как «Кутешией» и дружно строчил на Александра Павловича бесчисленные жалобы, в которых Кутепова называли не иначе как «диктатором, сатрапом и жандармом». Всё в лучших либеральных столичных традициях лишь за требование сохранять порядок - не более! Краснов однажды справедливо заметил: «У меня четыре врага: наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России – мой самый страшный враг. А также - и гене-*

²⁰⁷ Чин подполковника был упразднён, и все подполковники были переименованы в полковники. Затем отменили и чин прапорщика, а прапорщики подлежали переименовыванию в корнеты и подпоручики. В 1920 г. в Врангель восстановил чин подполковника.

²⁰⁸ Французы выслали из Одессы представителей Добровольческой армии, сформировали «русское правительство» во главе с князем Львовым и, по согласованию с ним, установили оккупационное управление Южной Россией. Отстранив деникинское командование, французы не имели достаточно сил для удержания Юга России.

рал Деникин, немцы или «союзники» и большевики. Но последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу».

- Сколько мне не приходилось беседовать с кадетами ли, прогрессистами ли, октябристами ли, даже и с эсерами, всегда ощущалась чудовищная пропасть в отношении к России и державности. Для них прежде всего важна «демократия», а единая Россия явно на втором плане, - развёл руками Евгений.

- Россию левые не любят. Такая позиция для нас нравственно немыслима, - сказал Глеб. - Коварство наших внутренних политических противников достойно изумления. Оно мне знакомо ещё по службе в Москве в лучшие времена. К примеру, *Луцкий прорыв шестнадцатого года, послужил делу очернения Государя*. Казалось бы – какая связь? Успех Имперской армии, тогда особенно вдохновлённой тем, что Верховным стал сам Государь, сумели обернуть против него!

- Это каким же образом? – удивился Мефодий Ведищев.

- Путём возвеличивания генерала Брусилова, не обращая внимания на заслуги прочих его соратников, которые не склонны к интригам. Следовало бы тогда уж возвысить и артиллериста генерала Ханжина, оренбургского казака. Он сделал никак не меньше Брусилова. То, что Алексей Алексеевич - не Бог весть какой стратег известно всем. Знали оппозиционеры, что карьериста Брусилова можно купить. Заслуга Государя была и вовсе замята. Именно Брусилова раздувала левая пресса! А какая ещё пресса имела тогда, по сути, в России? Да так раздули, что и «союзники» о Брусилове заговорили. Теперь все помнят не Луцкий, а непременно «Брусиловский» прорыв. Так делается история... Заговор высшего командного состава был очевиден. Уверен, что один из этих генералов раскаялся в содеянном - это Алексеев. Не исключая, что Крымов покончил с собой из тех же побуждений раскаяния. Может быть Рузский²⁰⁹, хотя бы пожалел о содеянном, или опомнился в тот миг, когда его убивали большевики. Уверен, что не покаяться ни Данилов Чёрный, ни Василий Гурко, который слишком долго общался в Южной Африке с англичанами и стал масоном²¹⁰. Хорошо, что славный герой Турецкой, отец его, до такого позора не дожил. Всех офицеров тянули за собой по пути разрушения Отечества Гучков и прочие политиканы, - Глеб тяжело вздохнул, - Гучков рассчитывал примкнуть к Добрармии, но прибыв сюда, он встретил холодное и откровенно враждебное отношение к себе. Случалось, что офицеры нападали на Гучкова, и дело заканчивалось рукоприкладством и оскорблениями. Ведь его небезосновательно считают лично ответственным за отречение Государя. Гучков уехал на Северо-Запад России с целью формирования новых частей. Но более я ничего о нём не слышал²¹¹.

- Если послушать жалобы буржуазии юга, особенно крупных промышленников, то получается, что и они Россию не любят. Разуверились. Но для них важнее свои ненаглядные капиталы. Слышал не раз причитания: «Ах, кабы хоть англичане пришли и нас поработили... нам одно спасение - здоровый иностранный кулак», - добавил Дашкевич.

- Совершенно верно. И наиболее пламенные сторонники англо-французского кулака теперь те, кто недавно вопил за немецкую оккупацию Украины – «кабы Вильгельм пришёл!» - уточнил Глеб.

²⁰⁹ Генерал Рузский, как и Данилов-Чёрный, принуждали Царя подписать отречение.

²¹⁰ Гурко на своей частной квартире собирал представителей различных отделов Военного министерства с целью знакомить лидеров различных партий Государственной думы и, желающих членов, Комиссии обороны с вопросами, их интересовавшими, и более подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Думы, но даже и на заседаниях Комиссии обороны. Неспроста Гурко была предоставлена исключительная возможность эмигрировать в Англию из Архангельска при содействии британских властей.

²¹¹ В январе 1919 г. Деникин направил Гучкова в Западную Европу. Его миссия имела общую цель - активизировать помощь Антанты Белому движению и цель более конкретную - решить вопрос о развёртывании вербовки солдат и офицеров в германских лагерях для военнопленных.

- Ещё больше было видеть в Киеве вчерашних офицеров, что прислуживали в ресторане, подавая блюда немцам, - сокрушённым тоном проговорил Евгений, - *в Одессе мне приходилось слышать от штатских о диком разгуле добровольцев - кутежах, пьяных оргиях. Гришин-Алмазов признавал во многом справедливость этих упреков и говорил, что необходимо искоренение такого - вплоть до расстрелов. Но от некоторых офицеров довелось услышать, что и сам Гришин славится необузданностью и участием в оргиях.*

- Но так было во все времена – папахи, провонявшие кислятиной от шампанского. Тем более - в плохо организованных армиях. Героизм в боях изматывает, отбирает все душевные силы. Разгул в тылу можно рассматривать, как компенсацию за перенесенные на фронте лишения. В праве ли те самые штатские столь строго судить тех, кто их защищает от произвола большевиков? – спросил Никандр Межецкий.

- И Вы глубоко правы, полковник, - кивнул Мефодий, обводя собеседников своим последним глазом. - Как у нас говорят – «штатские и не люди даже».

- Всё это так, - проговорил Дашкевич. - Но имеет место ещё и вызывающее высокомерие добровольцев по отношению к прочим. Нередко слышал жалобы, мол, *«ведут себя, как большевики, прогоняют пассажиров из вагонов, с плацкартных диванов, садятся на их места»* и тому подобное.

- Не порядок, конечно, - несколько безразлично пожал плечами Межецкий.

- Есть и ещё большая тема, - вставил Охотин, - *нищенские оклады наших офицеров, при естественной склонности молодёжи к разгулу. Но наше начальство проявляет непонятное упорство в нежелании повышать оклады. В героические дни Ледяного похода всё это было в порядке вещей, когда не было куска хлеба и от военной добычи зависело наше выживание, но не теперь. Но и сейчас доходит до того, что наши офицеры занимаются обиранием неприятельских трупов, что дни, непосредственно следующие за сроком получения жалования красноармейцами, стали излюбленными для атак Добровольческой армии! Война становится чем-то вроде охоты²¹². Припоминаю недавние слова одного офицера по поводу новых строгостей с мародёрством: «Помилуйте, ведь так мы уничтожим всю лихость атак! Сколько живут надеждой снять керенки с трупа?» В Имперской армии такое считалось мародёрством и сурово каралось...*

- В Одессе приходилось слышать не только о мародёрстве, но даже о грабежах, производимых добровольцами, - печально сказал Дашкевич. - И не только казаки этим занимались.

- Дисциплина, хоть и не такая, какая была в доброе старое время, но всё же - дисциплина: умирать солдаты не отказываются, - вставил Ведищев. - Не такая, потому что грабят, но сражаются великолепно...

- Всё равно, мы – светлая сила, а они – тёмная. Красный темнее белого, - произнёс, неожиданно вошедший, Сергей Эфорон и растерянно улыбнулся, видимо, ожидая поддержку. - Большевикизм - не политика, а беспощадное истребление самих основ России, истребление в России Бога, человека и его свобод. *Russland uber alles*²¹³!

Было похоже, что собравшиеся не слишком доверяли малознакомому марковцу странного облика. Никто не отозвался на его слова. Овечий взгляд молодого человека приязни ни у кого не вызвал.

²¹² На предложение повышения окладов бережливый Деникин ответил: «Нет, извините, денег с них довольно, что мне их баловать. Вот с мёртвых большевиков брать - это их законное право, пускай себе берут». Крупное увеличение окладов последовало в апреле 1919 г. Но выдача во многих частях запаздывала так, что белым приходилось сидеть по 3-4 месяца без гроша.

²¹³ Россия превыше всего (нем.)

- Что и говорить, а символика Совдепии отдаёт демонизмом, - заметил Глеб, - взять хотя бы их новый «богатырку-дumoотвод²¹⁴». *Зловещая пентограмма на лбу – куда уж дальше. То она красная у них, то белая, то синяя. Да и прочие их символы – разных цветов свастики, взятые из восточных ли религий, или неведомо откуда. И на аэропланах иной раз свастики малюют. Кубари вместо погон. Пусть они и не так удобны, как погоны, но лишь бы отличаться от нас.* Новый мир всё же строят. Даже офицеры у них стали непременно командирами. *Комиссар - почему-то всегда в кожаной куртке.*

- Просто склады их куртками переполнены, Глеб Гордеевич, как и богатырками, - вставил полковник Межецкий, - и толкают свои речи непременно козлотородые, с истерическими нотками и в кожаных куртках.

- В дumoотводе оно и проще головы русским же сечь. Ничтоже сумняшеся рубить, - сказал Эфрон, явно напрягшись. - Не так давно просиживал в тихой квартирке своего опекуна над Сведенборгом, Шопенгауэром, Лассалем, да Контом. И мир казался совсем иным. А что теперь? Хаос...

- «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Цвета - белый, красный и зелёный считаются благожелательными. Но жёлтый и чёрный означают скорбь, или раскаяние. Если белый - символ света и вечности, чистоты и целомудрия, то потому мы и белые. Красный же, что ни говори - цвет крови. Не зря в немецком слово «красный» созвучно со словом «гнилой»! По-польски «пся крев - собачья кровь» и так далее, - сказал Глеб, -впрочем, есть ещё и красноватый цвет лежалого собачьего помёта, и прочие изысканные оттенки.

- А как Вам, начавшаяся в столице, эпидемия самоубийств после подавления смуты в седьмом году? – спросил вдруг Эфрон. - Студенты стрелялись и топились по тысяче в год. Были даже выходцы из купцов, наложившие на себя руки.

- Перебесились – поостыли. Всё пошло к лучшему, если бы не треклятая война, - вставил Межецкий. - Всё от поругания православия.

- Но и слаба та вера, которую совсем уж нельзя раскачивать. В детстве собирал я каштаны целыми мешками – просто из азарта. Соревновались с соседскими мальчишками – кто больше. Но позже - из эстетических побуждений собирал: что может быть изысканнее рисунка на поверхности молодого каштана, когда достаешь его из буреющей зелёной шиповатой упаковки, а он - светло-коричневый до желтизны и с орнаментом, напоминающим карельскую берёзу, - неожиданно выдал Эфрон.

- Не «из огня» же каштаны таскали... Вот теперь на себе познаёте, что значит «из огня», - усмехнулся Ведищев.

- Проникновенная идея, - с неявным ехидством отозвался Эфрон.

- Не исключено. Но, жизнь становится скотской, - сказал Мефодий. - Отчего мухи охотно выбирают дерьмо: по вкусовому предпочтению, или с голодухи?

- Вошь - «чёрная проказа зловещего порока вновь разъедает твой ум, и вновь ты погружаешься в трясину злодеяний», - написано в «Песнях Мальдорора», - неожиданно высказался Эфрон.

- Вы из тех, кто увлекался кумирами декадентов? – спросил Глеб.

- Был грех. И сам пописывал. Но всё уж позади, - не спеша проговорил Сергей Эфрон, качая головой на тонкой шее.

- Сейчас имеется здесь нечто, что могло бы гораздо больше вдохновить поэта, - продолжил Охотин, - Имею ввиду мальчиков-добровольцев: Нежное и прекрасное – это юные, крылённые души, горькое – их смерть. Глядя на них, съедает чувство стыда: мы все в какой-то мере

²¹⁴ Так называли шапки-будёновки, недавно введённые в красные войска. Сделаны они по эскизам В. Васнецова ещё во время Германской войны.

ответственны в том, что они лишены юности и всё чаще их жизнь обрывается. Некое кровавое и САМОЕ ЖУТКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ России. Вы здесь не так давно и, наверное, всего не знаете. *Бегут от родителей к нам почти полностью старшие классы местных гимназий и училищ. С самого начала уходят за нами, когда мы оставляем города. Кадеты пробираются к нам со всей России! Еле ноги сюда доносили, чуть ли не гибли от красных застав, или жажды, холода в степи, но добравшись, тотчас хотели поступить добровольцами, - называли город, гимназию или кадетский корпус, где учились. Учётчики спрашивают: «А сколько тебе лет?» «Восемнадцать», - стандартный ответ ломким голосом, хотя никто такому поверить не может. На недоумение во взгляде, смущается такой отрок: «Семнадцать, господин». «Но почему же ты такой маленький? Не ври дальше!», - говорят ему. Так доходило до сорокадцати... Так возникают у нас взводы, в которых у рядовых звонкие школьные голоса и детские лица... Прозвали молокососов «баклажками», то бишь – флягами. И никакие жестокие потери не били по душе так, как совершенно незнакомый мальчик в побуревшей от крови гимнастёрке, раскинувший руки в степной траве. Дети в гробах скорее не герои-солдаты, но - христианские мученики. И больно, и стыдно. Пишите о них, если Вы – поэт!*

- Сколько сотен тысяч шкурников таится по тылам вместо того, чтобы сражаться рядом с нами за свой народ и веру, заменив того мальчугана! – мрачно добавил Ведищев. - Очень даже приветствую тех красных, которые им скоро выпустят кишки.

- Слышал, что *иные проститутки союзных держав нередко отказывали в услугах клиентам, которые были склонны отсиживаться в городах и боялись фронта. Но только не наши. Противится призыву стало в народе чуть ли не геройством. Со времён Японской, если не раньше, наша армия не пользуется почтением в народе,* - заметил Эфрон. - В разгар Германской Петроград поражал изобилием драгоценностей в ювелирных магазинах, но также и безудержным размножением кинематографов, маленьких театриков-миниатюр. Множились и актреришки. И откуда только их набралось в суровую пору столько?

- Под нагло пестреющими заманчивыми названиями и намалёванными душераздирающими сценами надуманных, иноземных страстей, не имеющих отношения к фронту, скрывался призыв к уходу от реальности, безразличию к судьбе державы. Левые приложили все усилия, чтобы дискредитировать саму идею верного присяге служаки. Для них хороши все офицеры, в том числе и британские, служащие своему королю, но только русское самодержавие неприемлемо для этих, одержимых разрушением своей страны, людей. Эти выродки годами внушали народу своё «чем хуже – тем лучше», - добавил Охотин.

- Честный и чистый взгляд институтки из-под барашковой шапочки... Не верьте чистоте его. Марксизм отравил и эти души, изначально стремившиеся к совершенству, - взволнованно заговорил Сергей Эфрон.

- А помните, кто положил начало традиции наших атак шагом и в полный рост²¹⁵? – спросил Глеб, - То юнкерский батальон, ударивший в направлении захваченного Новочеркасска! Один взвод полёг полностью. Старшему из них было никак не больше двадцати.

- Ещё бы стоило упомянуть в этой связи о подвиге тысяч безвестных, но героических тружениках войны - о фельдшерах. Начиная с четырнадцатого года, их подвиг не прекращается, - сказал Никандр, - они так же мёрзли в окопах рядом с солдатами, ползали под огнём, перевязывая валяющихся на ничейной полосе раненых. А теперь ещё те, кого они недавно выхаживали, ковыряясь в их гноящихся ранах, норовят их перебить вместе с прочей «белой нечистью».

- Тогда и сестёр милосердия грех не вспомнить, - заметил Мефодий, - русская женщина, достойная, настоящая, несла и несёт все тяготы военной жизни наравне с мужчиной, а когда

²¹⁵ Позже советские военные их называли «психическими».

и больше него. На поле и в лазарете, на фабрике, и даже в боевой цепи, в недавних народных восстаниях против осквернителей земли русской. Сколько их погибло на фронте от осколков и эпидемий! Чаще встречал я волонтёр, наскоро обучившийся уходу за ранеными.

- Пришедших на фронт из идейных соображений было, наверно, меньшинство. Идейных в последние годы больше привлекало занятие разрушительное – революция... Куда больше сестёр-подвижниц было в Крымскую, но особенно в последнюю Турецкую войну достаточно вспомнить известную баронессу Вревскую. Иные шли на фронт в Великую от скуки. Особенно только что отучившиеся, не зная куда себя приткнуть, а то и просто авантюристки, - добавил Глеб. - Последние нередко создавали вокруг себя скандальную обстановку, особенно те, что были из высокопоставленных семей. Врачей они не ставили ни во что. Занимали свой досуг пикниками с офицерами, да интрижками. Но и сёстры-жёны офицеров, находившихся в строю, становились иной раз бичом фронтов. Во время сражения, когда сёстры больше всего необходимы, все их помыслы сосредотачивались только на муже - где он и жив ли? Не все, конечно, этим грешили, но случалось и такое. Они шли в сёстры не по зову совести, а только для того, чтобы быть поближе к мужьям. Естественным было их желание находиться поближе к мужьям в этом аду, но государство платило и им очень немалое жалование, а проку от таких было мало.

- Да... сёстры, которых в тылу, по их умственному развитию и общественному положению, едва бы удостоил своим вниманием унтер или прапорщик, на фронте приглашались на обеды командующими армиями, блестящими гвардейцами. Головы у иных дам шли кругом. Но в нынешнюю усобицу сколько вокруг нас замечательных девушек, пришедших к нам почти без подготовки, но выучившихся и ставших незаменимыми. Не можем и полк свой без них себе представить! – вставил Межецкий.

- Так, выпьем же за них, господи! – предложил Эфрон.

Неожиданно вошёл всегда стремительный и резкий, в движениях своих, поручик Заруцкий, который теребя рукой пеньковый, коленчатого вида мундштук, тут же выпалил:

- А почему бы нам сейчас не использовать техническую новинку – радио? Ведь контрразведка создала сеть пеленгаторов для обнаружения радиопередатчиков в тылах.

- В Большой войне широко использовались и почтовые голуби, - улыбнулся Глеб, - быстрое и весьма надёжное средство доставки секретной корреспонденции. Ведь даже будучи раненым, голубь стремится к своей голубятне. Иной раз голубей раскрашивали под других птиц. Мясистых и жирных на рагу разводили. Иных уродцев – как диковинки. Донесения передавали и с помощью служебных собак.

- Я Вам, Глеб Гордеевич - о современной технике, а Вы – о пташках Божьих. Как же так? – удивился Роман.

- При штабе уже имеется радиостанция, поручик, - Охотин показал своей интонацией, что не желает распространяться на эту тему в присутствии таких малознакомых людей, как Эфрон.

- Напишу о мальчиках. Непременно надо писать, - с рассеянно-заторможенным видом проговорил Сергей и неожиданно спросил. - А почему эти отроки так стремятся в ряды добровольцев, а крестьянство – нет?

- А Вы понаблюдайте, когда будете переходом на селе. Ведь между деревенскими и чинами нашими отчужденность полнейшая. Крестьяне нас стараются не замечать, а с нашей стороны нет попыток к откровенному разговору, обмену мнениями. Очень недальновидно, - вздохнул Никандр. - Офицеры чаще общаются с крестьянами через денщиков, да вестовых. Естественно, что народ занял выжидательную позицию. Живём частенько мы за счёт «благодарного населения» - по весьма циничному определению наших чинов. Квартирьеров высылают вперёд. Они выбирают лучшие дома для постоя офицеров. Вестовые с денщиками, попав в посёлок, ловят домашнюю птицу без лишних церемоний, не говоря о хлебе с молоком. Зимой

и тёплую одежду иной раз «реквизируют». Знают, что от интендантства не дождутся и будут мёрзнуть. Но грубо не грабят, как красные, не насилуют. А когда крестьянин спрашивает офицера, что мол, с помещичьей землей будет и получает ответ, что Учредительное Собрание решит – сами понимаете, что помогать нам селянина не тянет. Зато красные прекрасно знают, что надо им говорить и когда.

- Душа у народа черствеет, - покачал головой Сергей.

- В том не столько сам народ, как верхи виновны, - заметил Мефодий. - В России до Февраля, ежели что и не так устроено было, то со временем наладилось бы, по справедливости. Из-за продажных думцев до усобицы докатились. В свой народ стреляем. Нас – военную косточку, подобающе в училищах воспитывали. *Для нас – людей служилых, Россия не просто совокупность земель и народов на них проживающих, но – Отечество духа нашего, что ли... А для большинства столичных высоких чинуш, да аристократии, что на Лазурном берегу полжизни проводит, Родина – источник положения и благосостояния, тщеславной гордыни и позёрства – не более.* Государеву же Семью сюда не примешиваю – ни в коем случае! Народ свой не любили, вот и прошляпили свой народ. Сейчас наша Россия-Святыня святотатцами-большевиками кощунственно поругана. Кто встаёт за Русь? Где такие крикуны, как Родзянко? И Николай Николаевича тоже не слышать. А сколько почтенных граждан с севера сначала в Киев бежало, а потом – в Новочеркасск, Ростов? Ладно бы старички. Нет! Пройдите по набережной Ростова, по его ресторанам. Что бросается в глаза? Вот именно: толпа фланирующих недорослей самого, что ни на есть призывного возраста. И не как Марков, Дроздовский, с одним стеклом под пули – нет, в двцветных штиблетах, канотье и британском френче, похлопывая тем самым стеклом по толстым ляжкам. Как подумаешь, так защищать таких от большевиков и не хочется...

- Я слышал, что Родзянко здесь появлялся. Только вот не знаю: старший, или младший. Милюков, вроде бы в южном правительстве. А Керенского с Дона выгнал Каледин. Вы не слышали? - заметил Сергей.

Сергей явно обращался к Ведищеву, но Мефодий, похоже, не слышал его. Он повернулся в этот момент к Сергею левым боком. Тут Глеб сообразил, что капитан туг на ухо и показал ему глазами, что Эфрон что-то хочет услышать в ответ.

- Ах да, - смутившись проговорил Мефодий, - я ведь глухой, как звонарь. Только на одно ухо. Снаряд почти рядом разорвался. Корпус мой прикрыт был, а голова – нет. Перепонка в ухе повредилась, а осколок скользнул по глазнице. Малейшее отклонение – череп бы раскроил. Можно считать – легко отделался.

Глеб подумал: «А ведь Ведищев из семей едва поднявшихся, которые беспорочной службой пробилась в офицерский корпус. Он не из дворян, но - разночинец. Да и тот же, знакомый мне Кутепов - сын чиновника провинциальной казённой палаты. В них же, как и в мелком дворянстве, недавно от производства в полковники полученном - таково наше семейство, в нём заложено служение Отечеству по всей правде до последнего издыхания. Капитан Ведищев уверен, что Россия - самая справедливая и прекрасная страна на свете, поскольку исповедует самую лучшую веру и потому, что здесь родился». Сергей Эфрон покраснел и, извинившись, удалился.

- А по поводу вины верхов, Вы – в самую точку, капитан, - сказал Охотин. - В силу служебного положения до Февраля, мне было немало о подобных вещах известно. Пришёл к выводу, что *Николай Николаевич в январе семнадцатого участвовал в заговоре с целью занять Престол. Имели место переговоры его с Милюковым и даже социалистами. Все колебания Великого князя имели отношения лишь к последовательности осуществления заговора, но не к самой сути предательства своего Государя! При этом директор департамента полиции доложил Государю об этом заговоре. Я к тому, господа, что подумайте, прежде чем поддер-*

жать Великого князя, как фигуру весьма импозантную и выигрышную в глазах военных, когда дойдём до Москвы. Казалось бы, что уж лучше большевицких деятелей, стал бы Великий князь во главе России. Но не так всё просто. Те – враги очевидные, явные. Но предатель из рода Романовых пошёл бы на любые уступки думским левым и началась бы неуклонная малозаметная, но коварная подмена имперских идеалов. А взять наших генералов? *С Гучковым были повязаны многие. Как минимум – Рузский, Данилов-Чёрный, Алексеев, Лукомский, возможно, и Брусилов, Гурко и Щербачев. Монархист Эверт просто труса праздновал. Позорная роль генерала Маниковского, военного министра Поливанова очевидны. А теперь такого, как думец Милоков, очернившего Царицу, что стало одним из сильнейших ударов по Престолу, терпят здесь – в Донском гражданском совете - абсурд! Подлая ложь Милокова и семьи Николая Николаевича восстановила Императрицу-мать против Сына и Его Супруги, а также - сестру Государыни против Александры Фёдоровны.*

- А всё Старец проклятый, - проворчал Роман Заруцкий.

- Имя Распутина, смею Вас уверить, поручик, лишь умело использовано политиками, желавшими взять власть. Сам Старец желал лишь добра, но нередко, по неразумению, вмешивался куда не нужно²¹⁶, - возразил Глеб.

- Но лучше бы уж его и вовсе не было, - заметил Ведищев.

Вдруг в помещение вошли самодовольно сияющий Вадим Новгородцев и ещё несколько незнакомых офицеров. Охотин счёл разумным прервать свои рассуждения.

Поздно вечером Охотина неожиданно вызвали в Ставку. Деникин встретил Глеба вполне любезно, но несколько холоднее обычного, насупив свои густые брови. Он сухо спросил о том, от чего контрразведкой до сих пор не выявлен шпион, передающий противнику важные сведения. Глеб начал обстоятельно доказывать, что, по его сведениям, утечка информации может происходить лишь из одного слабого звена – слишком левого правительства ВСЮР.

- Каждое, тщательное спланированное наступление становится секретом полишинеля²¹⁷. Куда смотрит наша контрразведка? – мрачно прервал Охотина грузный генерал Романовский. Он казался такой же неотступной тенью Деникина, как некогда, в былой Ставке, был Борисов при Алексееве.

- Мы делаем всё возможное, Ваше Превосходительство, - сдержанным тоном продолжал Глеб.

Но тут взорвался генерал Романовский и обрушил на Охотина град вопросов, оставленных без чётких ответов, после чего он начал гневно обвинять Охотина в ультраправых настроениях. Глеб сделал каменное лицо и заявил, что в таком случае, он хотел бы уйти в отставку и служить в офицерском полку дроздовцев. Тогда Антон Иванович извинился за горячность Романовского и уверил, что он сам прислушается к мнению Охотина.

- От чего бы Вам, вместе с Дашкевичем, не начать просматривать досье каждого штабного офицера, не вести за ними наблюдения? – спросил немного унявшийся, плотный Романовский с раскрасневшимся мясистым лицом.

- Очень ценю, что штаб направил мне в помощники этого замечательного офицера и уверен, что мы с ним сработаемся. Но, как недавно заметил генерал Краснов: «Творчество никогда

²¹⁶ Секретарь «Чрезвычайной Комиссии для расследования деятельности царя и его окружения», Александр Блок писал в своём отчёте: «... Государь был бесспорно человеком чистым». Комиссия разносит в прах напраслину о зависимости политики Николая II от рекомендаций Распутина. Большинство распутинских советов Николай реализовал с точностью до наоборот. Рухнули все без исключения эротические мифы о Царице и Вырубовой. Лопнул и страшный искажённый образ Распутина. Но Временное правительство, идя на поводу у массовых настроений и боясь потерять популярность, не опубликовало результаты работы комиссии.

²¹⁷ То есть - секретом, который всем известен.

не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создавал он один, а не комитет художников», - сухо ответил Охотин, сходу улавливая подтекст реплики Романовского.

- Благодарю Вас, Глеб Гордеевич, - произнёс в заключении Деникин и не спеша переместил свою коренастую, склонную к полноте, фигуру к окну. Он, не торопясь, огладил усы и бородку клинышком, издав непонятный звук. - Мы подумаем об усилении секретности штабной информации. До нашей следующей встречи, полковник.

- Честь имею, господа генералы, - козырнул Охотин.

В уголке сидел непроницаемый генерал Лукомский с лицом хитроватого городничего. Его взгляд скрестился с глебовым и Охотину показалось, что в нём сквозит злорадство. Деникин долго стоял у тёмного окна, глядя в непроглядный мрак весенней степной ночи. Лицо генерала осунулось и казалось старше своих лет.

8. Предчувствие конца

В мире была тогда Пасха, весна, и удивительная весна, даже в Петербурге стояли такие прекрасные дни, каких не запомнишь. А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль... Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...

Сколько стояло тогда в этих церквях людей,

прежде никогда не бывавших в них, сколько плакало никогда не плакавших!

И. Бунин

И не надо яства земного

В этот страшный и светлый час,

От того, что Господне слово

Лучше хлеба питает нас.

Н. Гумилёв

Самый чумной, самый чёрный, самый смертный из всех годов Москвы».

М. Цветаева о 1919 году

- Они же всё одно - все иконы скоро сожгут лихоимцы. Ничего не оставят. Всё, что мы напишем пойдёт прахом. Вся Россия чадом изойдёт. Конец близок, - уверял худенький, с блеском в запавших глазах, рыжий мальчик-подмастерье в иконописной мастерской мужского ставропигиального Высоко-Петровского монастыря.

- Именно поэтому я буду дальше писать, не останавливаясь, в надежде на то, что всё это не напрасно и что-то уцелеет промыслом Божиим. Иначе новое поколение забудет о вере отцов. Помогите, кто может в работе нашей святой. Ну, а кто испугался их – вольному - воля, - возражал ему младший из братьев Охотиных, Антон. - «Поелику сотворение святых икон есть доброхотное деяние верующих на лоно Святой Церкви, сие есть благо», как говаривал иконописец –наставник мой. Жаль, что не застали вы его здесь. Рано отдал Богу душу брат Агафокл –Царствие ему небесное.

- А ну его, Фомку, пушай уходит себе из нашего «иконного терема». Мы с Бориской остаёмся, - заговорил тщедушный коротышка.

- Зачем же так, Ивлий? – спросил Антон Охотин.

- Ивка – он умнее других. Вот зачем, - огрызнулся прыщавый неказистый увалень Сашка.

- Ладно вам опять лаяться, - попробовал замирить всех насупленный коренастый светлорусый паренёк.

- Никто тут и не ругается, в месте святом, Бориска, - обиделся Ивка. - Ты лучше тут сурику натри.

- Сам и натри. Тоже мне - Ваше Преподобие. Да только такой колер, как мой всё равно не получишь. Иерусалимскую охру, да красную киноварь ты ни в жисть не натрёшь, как и лист с кожурой грецкого ореха с ржавчиной и уксусом слабо будет, - пробубнил Бориска. - И голубец²¹⁸ не сумеешь. Разве что сажу, да жжёную кость накоптишь тут. Да что от тебя проку?

- Ты шибко-то не воображай о себе, Квочка²¹⁹. Не больно нос задирай, а то, не ровен час, глядишь – твоим-то суриком твой нос и вымажу, - криво усмехнулся Сашка.

- Перестаньте же, ребята. Работы много у нас. Не время тут пустословить, - Антон Гордеевич растерянно обвёл расшумевшихся мальчишек своими, глубоко запавшими, светло-серыми глазами.

- Колер-то ты мастак месить, да только драпировку, как я положить не сумеешь, - возразил настырный Ивлий.

- Варёного масла маловато у нас осталось, - с демонстративным спокойствием заметил Антон, - надо бы позаботиться о нём, ребята. Мне пора уже дубовую доску глиной с маслом грунтовать.

Борис был ответственным за изготовление красок: все древние секреты четырнадцатилетний отрок от отца унаследовал. Иначе, как от отца сыну не передавались тайны иконописи. Был он и ловким левкашиком²²⁰, умел и клей мочить, доски выклеивать и хвостом выглаживать. Способный Ивлий был уже прекрасным долицевщиком²²¹. Фома, к своим пятнадцати годам, стал сносным златописцем. Он обводил венчики и поля сусальным золотом, где надо прорисовывал звёзды, делал и витиеватые надписи. Иной раз доверяли ему и голубцом расписывать. Саша оставался пока на побегушках и был самым бестолковым из всех.

- Вы знаете, парни, что дед мне когда-то сказывал? – таинственным голосом произнёс вдруг Бориска.

- Говори же, - бросил Ивлий.

- Был он давно с артелью на Псковщине. На болотах там попадаются торфяные ямы, а в них – вода чёрная. Всякий опасается к тем ямам подходить, ибо сказывают, что дна в них не достать, а тихими ночами слышно, как гудит там что-то. Не то - колокола звонят, не то - люди воют, да стонут. Сказывают, при князе Святом Александре Невском много там народа там погибло. Не замерзают эти ямы никогда, хоть в самый лютый мороз. Паром якобы дымят.

- И к чему это ты? – настороженно спросил Ивка.

- К тому, что там, говорил дед, из тины болотной краску добыть можно. Кто найдёт такую тину – лучшим иконописцем станет, - загадочно завершил Борис.

Помолившись, Антон Охотин продолжил работу. Он уже давно мастерски научился намечать изначальный рисунок, писать лики, класть оживки²²² и выводить корпусное письмо²²³. Особенно искусно удавалось Охотину вохрение - постепенный переход от тёмного тона к тонам светлым²²⁴. Без помощи мальчишек времени ни на что не хватало: следовало ещё каждый вечер

²¹⁸ То есть – голубая краска.

²¹⁹ Квочка - курица-наседка.

²²⁰ То есть, готовил левкас (грунт) - гипс с тёртым мелом на рыбьем клею, для покрытия иконной холстины. Левкас наносится несколькими слоями на подготовленную доску, то есть на ткань-паволоку, которая наклеивается на неё для лучшего сцепления левкаса с поверхностью доски. После высыхания левкас шлифуется.

²²¹ То есть, он писал доличное – природу, ризы и прочее, кроме самих ликов.

²²² Белильные блики поверх вохрения на личном письме в виде мазков, пятен, или линий. Также называются движками и отметками.

²²³ Накладывать краски плотными, непрозрачными слоями.

²²⁴ Вохрение достигается последовательным наложением слоёв охры и белил.

в театре декорации расписывать. Там – для пропитания себе, да ещё и сестрице Евпраксеюшке что подкинуть, здесь – для дела молитвенного и благодати души. Сестра так и не смогла нигде найти работу. Для генеральской дочери большинство дверей было закрыто. Иной раз она мыла полы в квартирах сытых соседей, но это очень раздражало и ранило Антона. Благо, Антон Гордеевич давно прирабатывал в театре и его там ценили. Всё скуднее становились декорации, всё меньше красок для них находилось, но театр продолжал существовать и жил своей особой жизнью по своим, не всем понятным законам. В последнюю тяжёлую зиму только гроши Антона и спасали всех Охотиных, живущих и вовсе впроголодь. Жена брата Дмитрия, Глаша, иной раз неплохо зарабатывала, как искусная повариха: её приглашали в учебные заведения, на какие-либо празднования новых властителей жизни. Но регулярной работы у неё не было, да и не могло бы быть с её шестилетним сыночком. А избалованная Сергеева Лиза и не желала ничего зарабатывать, а только жаловалась на судьбу. По праздникам Антон приходил на службы заранее, чтобы замогильным голосом петь тропари и кондаки. В щедедушном теле Охотина-младшего таился могучий низкий голос. После отречения Государя лишь жизнь церковная осталась отрадой для души Антона. Всё больше созрел он для ухода в монахи, но духовный отец его, Виссарион, не благословлял, да и мирские привязанности оставались. Своих детей не было, но племянников голодных хватало: сыновья Сергея и Мити, живущие с ним под одной крышей – в отцовском доме. Да ещё и о незаконной дочери брата Бориса узнал Антон и ей старался, по возможности, помочь.

- Не так давно смягчали мы тут краски соком смоквицы. И такое доступно было... Маслом маковым и мёдом тоже можно, но похуже. Да и их не сыскать в Москве нынешней, или не по карману будет. Остаётся для смягчения слизь слизняка. А она лишь летом доступна, - вздохнул Антон, поправляя, упавшие на лоб, длинные светлые космы. Когда он работал, его серые охотинские глаза на осунувшемся измождённом, после такой зимы, лице, светились особую чистотой, душевным благородством. В такой миг ему было не дать и двадцати пяти, тогда как скоро должно было стукнуть тридцать.

- Ладно уж, Ивка с Фомкой, идите мне помогать. Антон Гордеичу скорее колера нужны, - весомо заявил Бориска.

- Поможем. Не дворяне поди, - как бы нехотя отозвался Ивлий, тогда, как у самого глаза сверкнули: вдруг тайну великую нынче выведаю! Он демонстративно зевнул, перекрестив рот.

- Пошто рот-то окстишь свой, голова дубова? – улыбнулся Бориска. - Поначалу в белок с желтком немного соли добавьте, замесите. По крупице толченый зуб добавляйте. Опосля процедите и олип долейте. Я же покуда охры приготовлю, сурику маленько, да смолы еловой.

- А чего уж там – справимся, а Фомка? – самоуверенно заявил Ивка.

- Варить будете только в медном сосуде и никаком ином. Скипидар ещё нужен, - наставлял Борис. - Сходите, кто-нибудь, к келарю, попросите выдать – хоть самую малость.

Когда пробило семь утра, работа уже кипела. К концу дня, Антон едва успел удалить краску из своей жидковатой светлой бородки, как настало время вечерни. В полутёмном храме шла служба. Слабым огнём горели, редко стоящие перед алтарём свечи, бросая мерцающие отблески на позолоту икон. Возгласы священника и благодостное пение клироса, разливаясь благодостной волной, устремлялись к сводам храма. В такой миг Антон острее всего близость к Всевышнему и вновь теплилась надежда, что весь этот кошмар повернётся вспять и жизнь вернётся в своё прежнее русло. Возникал лишь один вопрос: когда? После службы, как уже годами заведено было, пообщался Антон с отцом Виссарионом Благовещенским.

- Страшные времена наступают, сын мой Антон. Не могут колодники-узурпаторы уняться. Норовят Церковь нашу попрасть, - необычно мрачно начал Виссарион. Тёмные, глубоко посаженные, глаза его, всё ещё горящие и зоркие, прикрылись и лицо его свела мучитель-

ная гримаса. Казалось, что он принимает муки всех соратников – слуг Господних, уже загубленных большевиками.

- Беспощадная богоборческая власть... На суемудрии²²⁵ основанная. Помолимся за убиенных, - перекрестился Антон, поцеловавший свою нашейную иконку – давний подарок отца Виссариона.

- Угасают лампы Отечества нашего и погружаемся мы во мрак. Услышал нынче я что-то совершенно немыслимое, - покачал головой с длинными, тёмными, с сильной проседью волосами Виссарион. - Всё так хорошо до Большой войны шло. Надеялись и подъярёмную Русь от австрияков, православие попирающих, отторгнуть... А совсем недавно в Свяжске и Козлове открыли памятники не Ленину и даже не Троцкому, не матросу кровавому, а самому Иуде Искаротскому! Кошунственность содеянного в голове не укладывается! Свидетели рассказывают, как оркестр заиграл «Интернационал» и с гипсовой фигуры босого хриstopродавца на, сколоченной из досок и выкрашенной суриком, тумбе упало полотно. Сам Лев Давыдович толкнул речь о важности момента: открытии первого в мире памятника человеку, понявшему, что христианство - лжерелигия и нашедшему силы сбросить с себя её цепи! Мол, большевики - враги клерикального мракобесия, и поэтому Иуда - первый истинный пророк большевистской революции. Добавил, что скоро по всему миру будут воздвигнуты памятники этому великому человеку! Говорят, правда, что простояло это чудовище в Козлове одну ночь и, к утру, было расколочено вдребезги. Ленин якобы подписал план этой монументальной пропаганды: «проведение работы по снятию памятников деятелям царской эпохи и установлению памятников революционному народу и его героям²²⁶». Что же ожидать ещё от них, ежели *памятник генералу Скобелеву почти год, как снесли*. Давеча своими глазами видел в нашем переулке, как какой-то матрос под предлогом контрреволюционности *арестовал мальчика-книгоношу, торговавшего не брошюрами денкинцев, но лишь книгами Священного Писания*.

- Боже правый! Что за изуверцы! – перекрестился Антон.

- Если так пойдёт дальше, им остаётся открыть монумент антихристу... Не зря, пусть еретик, но мудрый и честный человек, Лев Толстой сказал: «Революционер и христианин стоят на двух крайних точках несомкнутого круга. Поэтому их близость только кажущаяся. В сущности, более отдалённых друг от друга точек нет», - тихо проговорил отец Виссарион. - Что же теперь ожидать? Государь-Помазанник Божий, священное лицо, носитель особой силы благодати Духа Святого. Божественная сила, действующая через Помазанника Божия, удерживала распространение зла и тайны беззакония. Убит Помазанник Божий, Покровитель Православной Церкви, Глава православного государства, и Удерживающий разгул мирового зла. Сил, могущих воспрепятствовать торжеству Сына погибели, остаётся всё меньше. Смертный грех царубийства тяготеет над всем русским народом, не защитившем своего, Богом данного, Помазанника. Каждый из нас, в какой-то степени, причастен к разгулу чёрных сил. Похоже на то, что Зверь багряный в самое сердце Кремля проник и там прижился. В благолепном древнем средоточии Руси, в кремлёвских храмах Божиих удобнее будет ему сесть, как Богу, выдавая себя за Бога. И будет это человек некий, который воспримет всю сатанинскую силу. «И родится человек тот от блудодеяния и примет на себя все действия сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит дьяволу поселиться в нём... В начале он хитро покажет себя человеком добродетельным, кротким, человеколюбивым, и только после того, как он привлечёт к себе многих и усилится, он обнаружит свою злобу во всей силе... Он возглавит в себе всё дьявольское заблуждение, всё дьявольское богоотступничество. Отворот народа от истин будет возможен после предложения ему всевозможных усад и удовольствий. Постепенно забудется всё, кроме жажды новых наслаждений: ведь после смерти не будет ничего. Не

²²⁵ Вредное умствование.

²²⁶ Имеется немало свидетельств о том, что позже был установлен памятник Иуде и в Тамбове.

надо и жить праведно. Всё было давно предсказано²²⁷... От Матфея сказано, помнишь – «Остерегайтесь лжепророков. Они приходят к вам в овечьем обличии, на самом же деле они - волки свирепые. По плодам деяний вы узнаете их». И придёт Всескверный, яко льстец и великая ложь его своим гнилословием поглотит народы. Грядут времена, когда грех будет считаться святостью, а святость грехом. Сколько вокруг имён, казалось бы, славных, как скажем, Лев Тихомиров – философ-монархист, коего я весьма уважал и верил особенно от того, что через горнило сомнений он прошёл. Так нет, *даже он вторил тем, что после Февраля завопили, мол, «корона не может быть выше креста... Корона у них была больше Бога и народа» и прочее. Именно об этом давно предупреждал святитель Филарет Московский, что из мысли о народе разрастается идол, для которого скоро не хватит никаких жертв... Патриарх Тихон не убоился открыто осудить казнь Царя, когда он и не подозревал о убийстве детей и Супруги Его.* Но мне думается, что слухи об их убиении верны...

- Прости и сохрани, Господи, - прошептал Антон.

- А ведь перенесение столицы назад в Москву есть символический и хитроумный ход. Таким образом, большевики угодили давним чаяниям народа: Москва - Третий Рим. Ведь народ ещё не успел осознать, насколько новая власть богоборческая. Если бы они сразу повсюду начали храмы громить – им бы не уцелеть и недели. Но действуют они достаточно хитро²²⁸, хотя, местами, перегибают и вызывают стихийные бунты, - рассуждал Виссарион, точка - В земледельческие коммуны группируются: молокане, хлысты, малеванцы, начало века, иеговисты, новоизраильтяне, штундисты, меннониты, еноховцы, толстовцы, добролюбовцы (те самые, что за бреднями петербургского декадента, ушедшего в народ, пошли), свободные христиане, трезвенники, подгорновцы, баптисты, евангелисты, духоборы, мормоны, и другие. Сектанты давно сочувствовали большевикам. Тем из них, кому «не положено воевать», большевики и не велят записываться в солдаты. Гуманно пока с ними обходятся. Кое-кто в деревне перебегает в секты, чтобы освободиться от призыва. Многие сектанты, конечно, разочаровываются в коммунизме и дальше таких станет больше. Большевики станут постепенно завинчивать гайки, - запавшие глаза, едва ниже которых начиналась густая борода отца Виссариона, мрачно блеснули. - А посмотри внимательно на тысячерублёвку Временного правительства. На ней какой-то недобрый орнамент: крест с изломанными концами... Ведь в масонской символике такое означает поражение христианства.

Незаметно добрались Виссарион с Антоном почти до дома Охотиных. Очень уж холодно было даже для начала весны. Деревья обледенели как никогда: молодые гнули кроны до земли, а старые ломались. Кое-где телеграфные провода рвались от тяжести льда.

- Поздновато, но ладно уж, зайду детишек, да матерей благословить, - улыбнулся отец Виссарион. - Дожили, что в рясе становиться опасно ходить по родному городу – шпана может просто побить, но и государством запрещается ходить в пастырском облачении вне здания храма. Из недавно ещё добродушного русского парня, со времён революции пятого года, постепенно вырабатывается своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать всё. Даже самое семью, веру отцов, а также непременно глумиться над добольшевистскими властями. Такие мутят простой народ и доводят его до безумств, до кровопролития.

²²⁷ По «Против ересей» Кн.V, гл.25 и 29. Ефрем Сирийский. Слово на пришествие Господне.

²²⁸ На съезде Советов делегатам из деревни внушали: «Мы, сектанты-коммунисты, приветствуем вас за то великое и святое дело коммунизма, ...которому мы также давно служим... Мы желаем сотрудничать с вами в деле насаждения коммунизма... Мы не будем упрекать вас, а вы не упрекайте нас за то, что вы и мы идём к коммунизму разными путями...» Новоизраильтяне принимали участие в Февральской революции, а во время Гражданской войны помогали красным. По России насчитывали тогда более 10 млн сектантов.

Охотинские жёны с детьми и сестра, смиренно опустив глаза долу, подходили к духовному отцу получить благословение одна за другой, а малые дети вели себя очень чинно. Подвижный, жилистый и худощавый отец Виссарион приседал перед каждым ребёнком на колени и миролюбиво разговаривал с ним о его поведении, глядя в глаза, поглаживая по голове сухой ладонью.

- Всегда ждём Вас в этом доме, батюшка, - растроганно произнесла Евпраксия, ожидая, что Виссарион хочет поскорее уйти.

- Да я и рад заходить в ваш дом иной раз, - улыбнулся высокий человек с суровым лицом в чёрной рясе, - вот только дела не часто позволяют.

- Когда же это проклятье над Россией завершится и мир наступит, отец Виссарион? - спросила с надрывом Лиза, последнее время постоянно готовая, чуть что, разреветься.

- Дай нам, Господь, возможность силою оружия угомонить взбунтовавшихся, неразумных братьев наших, подкупленных заветами антихриста, - ответил Виссарион. - Велико сумление во всех, вот и мучается народ, вот и наступают мрачные времена. Лишь тайно поминают иные священники в молитвах убиенного Государя. Предала интеллигенция Россию и Царя, а заодно и народ свой. Одержимость революцией свойственна как русским интеллигентам, так и народу. Но революционный демонизм разрушителен как для державы, так и для самой личности.

- Божье произволение, - произнёс Антон растерянно, не уверенный к месту ли.

- Сейчас всё больше одного писателя превозносят в газетах, отец Виссарион - Горького. Навязывают его нам в новые властители умов, - сказала, неожиданно, Глаша. - Что Вы о нём думаете?

- Пишет-то он мастерски. Да только свой народ и не любит. Крестьян особенно. Зато с босяками-урками носится²²⁹, - прищурил левый глаз Виссарион. - С другой стороны не побоялся резко высказать своё глубокое разочарование всемогущими Лениным и Троцким в «Несвоевременных мыслях»²³⁰. Там же он заявил, что грех унижать глумлением поверженных пленённых²³¹. Сейчас он озабочен объявлениями о некотором анонимном американском обществе, ассигновавшем двадцать миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота и серебра, а также картин и прочих предметов искусства. То есть за национальное достояние Горький беспокоится, а вот состояние крестьянства, чудовищный эксперимент над ним, его похоже не трогает. Говорят, Горький сам коллекционером вдруг стал и скупает, у обнищавших «бывших», предметы искусства за сущий бесценник. Станный человек и мне непонятный²³². Бог ему судья. Впрочем, ещё крамольник Нечаев заявил: «Морально всё, что служит революции». Задолго до девятьсот пятого года сказано...

²²⁹ В 1921 г. Горький заявил, что большинство голодающих обречено на вымирание. «И место их займёт новое племя - грамотных, разумных, бодрых людей». Горький не понимал народ, считал крестьян ленивыми, да и вообще русских, воспевая при этом, бездельников-босяков. Троцкий успешно развил подобные мысли в пресловутой работе «Терроризм и коммунизм».

²³⁰ «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чём свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики, сломя голову, мчатся якобы по пути к «социальной революции» - на самом деле это путь к анархии, к гибели... Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата». В горьковской «Новой Жизни» в 1918 г. писали: «С сегодняшнего дня даже для самого наивного простеца становится ясно, что не только о каком-нибудь мужестве и революционном достоинстве, но даже о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради промедления ещё на несколько недель агонии своего гибнущего «самодержавия», готовы на самое постыдное предательство интересов Родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых» (Бунин И. Окаянные дни).

²³¹ Горький возмутился тем, что зеваки выкрикивают оскорбления в адрес Романовых, заключённых в своём дворце: «Хохотать над больным и несчастным человеком - кто бы он ни был - занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом».

²³² А. Вырубова писала: «Я говорила более двух часов с этим странным человеком (Горьким), который как будто стоял за большевиков и в то же время выражал отвращение и открыто осуждал их политику, террор и их тиранство. Он высказывал своё глубокое разочарование в революции и в том, как себя показали русские рабочие, получившие давно желанную свободу.

- Что говорить, грешен писатель своим участием в разрушении «старого мира²³³», - заметила Евпраксия.

- Не подобает, впрочем, служителю Церкви читать вам тут лекции о жизни литераторов, - улыбнулся Виссарион.

- Никто здесь не в состоянии меня успокоить! – воскликнула вдруг Лиза и убежала, хлопнув дверью.

Павел Сергеевич заплакал и побежал за мамой. Евпраксия переглянулась с Глашей, осуждающе покачав головой.

- И это пройдёт. Веры в Елизавете Ростиславовне недостаточно. Вот и случаются такие всплески. Хорошо бы ей на исповедь прийти, куда исповеди не запретили, - заметил Виссарион и начал прощаться.

Евдокия Селивановна Благодарёва часто вспоминала жуткие события Московского восстания. «Ты слышишь, Серафима? Это по Кремлю московскому их пушки бьют. Страшная власть новая. Тёмная. Не люди они – нелюди. Не связывайся с чинами от новой власти. Ни за что. Пусть хоть озолотят. От Нечистого они», - говорила она в те жаркие дни дочери. «Конечно, мамочка. Никогда!» - с круглыми глазами, полными ужаса, отвечала милая дочка. «Извести они нас хотят, коль по святыням нашим палят. Ничего святого нет боле», - Авдотья в ужасе крестилась. Вспоминала и первый советский первомай, пришедшийся на среду Страстной седмицы, и прозванный в Москве «Иудиной Пасхой», случившийся год назад. *Редкие колонны демонстрантов, не слишком уверенно, шли мимо Никольских ворот Кремля, как вдруг красное полотнище, которым была завешана икона Николая Чудотворца на воротах, вдруг порвалось при полном отсутствии ветра, и из-под него засиял старинный образ.* Дуня с дочкой видели всё это своими глазами. Иные красноармейцы снимали шапки и крестились. Даже нарядная Кутафья башня стала уныло выглядеть, лишившись пышного украшения своего входа – огромного двуглавого орла. Да и весь город уж не тот – лишь сердце кровью обливается. Не слышно уж былого благостного перезвона колоколов, который начинал Успенский собор, а ему вторили прочие и всё перекрывала мощь колоколов Христа Спасителя с высоты своей. В ту весну Авдотья встретила в последний раз отца своей дочери. Пред мысленным взором возникало, помятое временем, некогда безупречно красивое лицо Бориса Охотина и его слова, что уедет он и не достойно, мол, мужчине здесь отсиживаться, где нельзя уже ничем против узурпаторов помочь – на юг, аль восток, мол, надо. Принёс Борис немало денег, чиркнул спичкой о подошву ботинка и зажёл газовый рожок. Как живой в глазах её стоит. Заплакала Дуня, обиды все в тот миг позабыв: «Береги себя, Борюшка, прости меня, если что не так говорила и слезами тебя изводила». И ответил полюбовник милый: «Что ты? Разве нам можно в такую годину зло таить, дорогая Дунюшка, нам должно поддерживать друг друга добрым словом, да молитвою». «Впервые о Божьем слове тогда сказал, нехристь эдакий! Покаялся!» - покачала белокурой головой Дуня. – «Да и что взять с них, с образованных. В церковь мало кто из них ходит. Соблазнил прислужницу свою, бросил. Хорошо ещё не забывает помогать нам с Серафимушкой. Политикой он занят и не до нас ему. А что на юг поедет с хриstopродавцами бороться – то верно. Храни его Господь. Чтоб пришли белые скорее в город наш, да нечестивцев изгнали». Деньги Бориса позволили пережить голод²³⁴ жуткой зимы девятнадцатого. Но деньги обесце-

То, что он говорил о Государе и Государыне, наполнило моё сердце радостной надеждой. По его словам, они были жертвой революции и фанатизма этого времени, и после тщательного осмотра помещений Царской Семьи во дворце, они казались ему даже не аристократами, а просто буржуазной семьёй, безупречной жизни... он (Горький) и его жена... хлопотали о всех заключённых, скрывали их даже у себя и делали всё возможное, чтобы спасти великих князей...»

²³³ «Владимир Ильич, Вы жалеете людей?» «Это смотря каких, умных жалею. Но только... только среди русских мало умных. Если найдёшь какого-нибудь годного человека, то непременно - или еврей, или с примесью еврейской крови» (из беседы Горького с Лениным).

²³⁴ Во время приезда Троцкого весной 1919 г. в Московский университет профессор Кузнецов сказал ему, что Москва

нивались и их оставалось всё меньше. К счастью, Борис дал часть суммы золотыми царскими червонцами, которые весьма ценились. Они-то и спасали в тяжёлые военные годы. Квартирка у них была крошечная и никого в неё подселять не собирались. За мытьё полов и стирку соседям платили недостаточно, и Дуня с ужасом думала о будущем своего чада, когда совсем истощится запас червонцев, спрятанный под полом.

Когда в дверь неожиданно постучали, Дуня смело отворила её и возглас радости сорвался с её уст: у порога квартиры стоял Антон Охотин с каким-то человеком в штатском, но длинной бородой и волосами, похожем на священника. Антон представил ей отца Виссариона.

- Не смущайтесь нас, дочь моя, Евдокия, - произнёс Виссарион басом. - Пришли мы к Вам поддержать духовно, благословить Вас и дитя малое.

- Правда ли, что соборовать они запретили, батюшка? – настороженно спросила Авдотья.

- Да, дочь моя, декретом²³⁵ ещё зимой так и запретили, нехристи.

- Мы с Серафимушкой вот в крестный ход февральский против того самого декрету и пошли, - растерянно проговорила Дуня.

- И правильно сделали. Такое начинание поддержать каждому следует. По мере своих малых сил оградить Невесту Христову - Церковь русскую от насилия и поругания, - ответил Виссарион. - Но, следует признать, мало что нам теперь поможет. Как и указ Патриарха Тихона «при посягательствах на храмы бить в набат и собирать прихожан на защиту». Сила на их стороне – не на нашей. Только молитвою спастись сможем. *Когда патриарха Тихона спросили, что он думает про Декрет о свободе совести, пастырь пожал плечами: «Одно дело свобода совести... Другое - свобода от совести».*

- Язычники, халдеи проклятые, - перекрестилась Дуня.

- Просто людишки богомерзкие. Не более того. Всякий подлец, в своих глазах, чист пред Господом, - сказал Виссарион.

- Силы небесные! Да что же такое творится? – пробормотала десятилетняя Серафима.

- Говорят в народе, что знамение нам дано от Божьей Матери, отец Виссарион, - неуверенно произнесла Авдотья.

- О чём именно? – спросил священник.

- Будто явилась одной женщине под Москвой Богородица и сказала ей: «Когда Царя не станет, то не горюйте. Я Сама на Царский престол воссяду и Россией управлюсь», - выпалила Серафима.

- Внучка моя, оно и так может обернуться. Но сейчас мы - рабы безбожного правления за грехи наши. Они хотят каждого нас сделать Каином своему брату. Когда-то давно жили мы беднее, но счастливее. Техническая революция облегчает наш труд, но и отнимает работу у многих, бросает людей в нищету. Развитие последних лет пошло не во благо человечеству. Оно же породило и чудовищное оружие, невиданной в прошлом мощи. Надо молить Господа о даровании нам простой, но вольной жизни в вере Христовой. *Спастись всем можно, но при нынешних условиях, спасаясь в одиночку. Спасти всех можно, но спасая себя. Когда Церковь травят и крестный ход уже запрещён, получается, что общие усилия верующих бесплодны. Пора каждому творить молитву и как можно более действенную!* – постарался ответить отец Виссарион.

«буквально вымирает от голода». Всплыв, Троцкий ответил: «Это ещё не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете прийти ко мне и сказать: «Мы голодаем». Считается, что Троцкий был совершенно равнодушен к нуждам еврейства и себя евреем не считал...

²³⁵ 23 января 1918 г. коммунисты опубликовали Декрет о свободе совести, лишивший православную Церковь движимого и недвижимого имущества. Церковь перестала быть юридическим лицом. Декретом запрещалось преподавание религиозных учений, а Церкви было запрещено издавать книги, журналы и газеты. Государство получало право вести антирелигиозную пропаганду, но Церковь не получала право вести религиозную проповедь. Запрещалось проводить любые религиозные обряды вне зданий храмов. Нельзя было соборовать умирающего, например.

Гости оставили Дуне с дочкой мешочек свежей снеди и, благословив, удалились. Авдотья потом всё переживала, что от растерянности и чаем напоить своих благодетелей не сообразила. «От них обеих живо и приятно пахнет свежим кислым молоком и ситцем», - подумал Антон. Когда шаги гостей перестали быть слышны, Авдотья невольно взглянула на себя в треснутое зеркало на стене. Слегка утиная походка Дуни, пришедшая с годами, изменила её облик не в лучшую сторону, но миловидность нежного лица её сохранилась. Впервые за многие месяцы Дуня растерянно улыбнулась своему отражению.

- Матушке Царице Небесной Скоропослушнице, Заступнице молились. Николая Угодника просили, Серафима Саровского, да Иоанна Воина. Никто нас не слышит на небесах боле. Отвергнута Россия, - возроптала вдруг её дочь.

- Глупости ты говоришь, Серафимушка. Негоже так Бога гневить! То - наказание нам свыше и роптать на него не следует, - строго сказала мать. - Пойди поутру во храм, да помолись.

По пути назад отец Виссарион немногословно заметил, что «Евдокия не такая, как большинство нынешних горожан, которые «веруют на всякий случай», а то и вовсе «пустые биготы»²³⁶, как выражаются, зачастую, светские. Последние же, и вовсе отошли от веры, что хуже любого ханжества. Они и народ испортили».

Через несколько дней случилось нечто, о чём Антон потом годами вспоминал с содроганием. В иконописную мастерскую ворвались какие-то громилы и принялись крушить всё подряд. Всем заправлял какой-то тип, возможно, слегка семитского вида, но исполнителями были самые явные отбросы общества с рожами каторжан, видимо, из «освобождённых революцией сидельцев». Антон первым делом призвал своё подмастерье не оказывать ни малейшего сопротивления, понимая, что в противном случае, такие способны убить и детей. Но крепкий Бориска не выдержал, и когда ручища громилы опустила молоток на только что тщательно расписанную золотом доску, впился в эту волосатую конечность зубами. Уголовник стряхнул с себя мальчишку и, схватив за шиворот, швырнул о стенку. Борис застонал от боли и лоб его окрасился кровью. Всё это тянулось не более нескольких минут, но ущерб был нанесён немалый. Погромщики сочли, что пока и этого хватит и быстро удалились. «Господи, дай мне толику стойкости протопопа Аввакума!» - взмолился Антон, целуя образ на шейной иконке. Окровавленный лоб Бори промыли, убедившись, что рана неглубокая, успокоились. Но мальчика ещё долго мучили головные боли. Антон занемог от переживаний и несколько дней был не в силах прийти в разгромленную горячо любимую мастерскую. Переживал и за избиение Бориски. Считал, что в этом и его, Антона Охотина, ответственность и вина. Порой, от мыслей об осквернении мастерской, Антон испытывал физическую тошноту, словно съел он что-то гнилое. А Бориска горько плакал в те дни, причитая: «Так верилось до недавнего, что кто-то сильный, взрослый-такой, пришёл к нам спасать Россию. Что весь крещёный мир поднялся, расправил спину и, как соратники Минина и Пожарского...» Больно было такое слушать. Когда, по прошествии трёх дней, Антон набрался душевных сил пойти наводить в мастерской порядок, в одном из пупков²³⁷, он узнал, украденное погромщиками, бронзовое распятие. Каждый праздный барышник или уличная девка мусолили старинное монастырское распятие и приценивался от нечего делать. Выкупить святыню Антон себе позволить не мог. Очень уж дорого просили. Обращаться к милицейским было бы просто неразумно. Встретившись очередной раз с отцом Виссарионом и выслушав его соболезнования о мастерской, Антон спросил:

- Подобаает ли мне проклинать кощунствовавших?

- А ты не помолился за изуверов? – неожиданно спросил отец Виссарион.

- Как так? Почему? – поразился Охотин.

²³⁶ Бигот - ханжа, святоша (фр.)

²³⁷ Пупки – новое название торговых точек с лотков на площадях Москвы.

- В наше время это становится расхожим заблуждением, - ответил Виссарион, - молятся обычно за тех, кому грозит расстрел. Это ошибочно. Ведь молиться следует за того, от кого исходит приказ о казни и за тех, кто осуществляет расстрел. Пред Господним судом опасности, как правило, подвергаются палачи, а не жертва. Потому и молиться надо за палачей, а в твоём случае – за погромщиков. Их души пока что обречены, если за них не помолиться. А кто станет этим заниматься?

Немного переварив изложенное учителем, Антон спросил:

- Вы говорили, отец Виссарион, Вы хотели на юг, воинов вдохновлять...

- Да, собирался на юг к добровольцам, но понял, что и здесь можно пострадать за святое дело. А дальше – всё проще будет. Нам предстоит лютая борьба с богоборцами. Борьба за чистоту против соглашательства с властью богоборческой. Нельзя же столицу бросать в руках соглашателей. Разгром мастерской лишней раз укрепил меня в моём решении. Приходил к нему долго, как буриданов осёл²³⁸. Так, будем, Антон, просто храмы наши от гогов и магогов отстаивать? Может ты, наконец, согласишься, что я не зря тебя отговаривал уезжать вместе с братьями?

- Вы, как всегда правы, отец Виссарион, - сокрушённо промолвил Охотин. - Господи, помоги моему неверию.

- Помни, что истинного, понимающего раба Божьего нельзя ни испугать, ни унижить, ни лишить свободы. Таковой и в нищете останется счастлив, с Господом неразлучен. Таковой способен радоваться страданиям. От того безмерной будет ненависть к нам сильных этого чуждого нового мира.

9. Столичная жизнь

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!
Лежим, заплёваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.
З. Гиппиус

Году в девятнадцатом... проверяли документы. Среди задержанных оказался князь Волконский, в прошлом - директор императорских театров.

- Фамилия? - спросил его тот из матросов, кто вёл протокол.

- Волконский.

- Происхождение?

Князь пожал плечами...

- Декабристу Волконскому - родственник?

- Внук.

- Пиши: пролетарское, - распорядился начальник.

В. Ардов

За посеревшей желтизной цирка Чинизелли, на фоне тусклого серого неба, чернели деревья Летнего сада. Жёлтые вагоны трамвая радовали глаз на сером фоне начала весны, его

²³⁸ Тот, кто не может сделать выбор. Образ западной философии XIV века.

окна всё ещё бодро отбрасывали солнечные зайчики, но, местами, были побиты. А главное, что трамвай этот стоял, не двигаясь, по меньшей мере полгода. Часы над зеленоватым домиком магазина Винтера тоже давно остановились, разбитые шальной, иль намеренно пущенной пулей в дни ещё Февральского безумия. *Вопрос о хлебе насущном в конце страшной зимы девятнадцатого стал особенно остро и все заботы петроградского жителя постепенно свелись к выживанию. Новый декрет разделил обывателей на три категории: первые две – пролетарии, которым отпускается и масло, и говядина, а третья – буржуи, коим полагается одна треть фунта хлеба и одна селедка в день. Поскольку жить на отпускаемый паёк стало невозможно, покупать что-либо у «мешочников» запретили под страхом конфискации имущества, чтобы не протянуть ноги, покупать запретное обывателю приходилось. Красноармейцы и большевицкие прихлебатели всё чаще производили обыски квартир и владелец таковой, уличённый в хранении пуда картофеля с мукой, мог запросто лишиться всего имущества, а то и жизни.*

- В трефах, Анна? – доносилось из угла тётушки и мамы.
- Mais oui²³⁹. В трефах.
- Тогда пас.

Родные голоса действовали на Настасью Ртищеву умиротворяюще и хотелось верить, что голодная зима уже почти позади и, что лопнувшие, по причине отсутствия отопления, водопроводные трубы, весной непременно починят и не придётся больше таскать тяжёлые ведра с водой из соседнего дома. Почти все их соседи и знакомые изменились за зиму до неузнаваемости. Многие обрели землистый цвет лица с празеленью, а кто - и преждевременную дряблость кожи. Опухающим от недоедания, советовали есть картофель с кожурой, но к весне и картошка, а вместе с ней и, полюбившееся Ртищевым лакомство - лепёшки из картофельных шкур, исчезли. Сушёная вобла же, имела тошнотворный дух. Её Настасья ела лишь в крайнем случае. Уха из селёдочных голов стала роскошью. Порою оставался один морковный чай. Иной раз Настасья с содроганием бросала беглый взгляд на себя в зеркало, но до сих пор приятно удивлялась, что подобные изменения внешнего облика её не затронули. Ртищева по-прежнему отдалённо напоминала супругу Пушкина. *Народ нередко уже с голоду мёр, а большевистские ораторы на площадях вопили: «Попы вам обещают рай после смерти, а мы вам его даём на земле».* О развитии декрета об уплотнении²⁴⁰ и думать не хотелось. Ртищевым крупно повезло: уплотнили, но квартиру удалось разделить перегородкой на две части и вселенцев можно было вовсе не видеть, а лишь до умопомрачения слышать долгими зимними вечерами. Зато пробелы семьи Ртищевых-Оболенских в знании народного, а точнее, по старым меркам - только люмпенского языка, оказались заполненными. Слова похабных частушек вязли в зубах. Три новеньких словца: «буржуи, юнкера и кровососы» вызывали рвотный позыв. Позже Настасья узнала, что более расторопные соседи подселили заблаговременно незнакомых, но мало-мальски порядочных людей. *Семьи, бывшие в состоянии откупиться, платили всем, кто угрожал уплотнением: не только чиновнику, но и авантюристам, самовольно навязывающих вселенцев, а то и самим, обнаглевшим, вселенцам.* Ртищевым досталась не самая большая часть квартиры и гораздо менее удобная. Но возможность не видеть мельтешение вселенцев, не вступать с ними в общение искупала все прочие издержки. Компания за перегородкой жила припеваючи. А сидящие на полушке хлеба с селёдкой Ртищевы, частенько вдыхали ароматы жарившегося у новых соседей барашка, или гуся. Это не слишком способствовало уверованию в идеалы коммунизма.

²³⁹ Ну да (фр.).

²⁴⁰ Массово уплотнять начали только в 1921-22 г.г.

В первый тёплый весенний день, породивший капель, в квартиру неожиданно ворвался Олег. Небрежным жестом он швырнул фильдекосовые перчатки на тумбочку у двери и воскликнул:

- Все эти бесконечно долгие дни я думал о Вас, Настасья Николавна! Вы разве сомневались в этом?

- Вы уж простите, но я не думала об этом, - холодно ответила Ртищева.

- Образ Ваш в моём сознании не заволокло дымкой, нет! Напротив! Всё это время чувствовал, что надежда ещё теплится: она непременно будет моею! И только этим мог жить. То не мои слова, но вопль мандрагоры²⁴¹. Готовлюсь к пересечению финской границы. Вы со мной? – словно не замечая её отчуждённости, вскричал Олег с трепетом в голосе.

- Вы, право, большой фантазёр, но меня Вы с ума не сведёте. Мама с тётушкой Вас бы горячо поддержали. Быть может так для меня самой хуже, но я не намерена бежать. Что я забыла в Вашей Финляндии? «Чухония чахоточная. Природы нет!» - как говаривал один извозчик.

- Вы бы прислушались к своей матушке - старой никчемнице. Ингерманландия что ль теперь не чахоточная? Да и не в самой Финляндии мы останемся. Дальше поедем. Был я там. Помню, как спросил, где можно купить чухонского масла, а мне отвечают: «Тут нет чухон, тут только благородные финны». Но особого благородства не заметил. К вечеру там каждый напивается до свинства, почище русских.

²⁴¹ Мандрагора, как считалось в средние века, возбуждает чувственность, а также одержимость. Когда её вырывают, она кричит, и тот, кто слышит крик, умирает, или сходит с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.